

С. Маркедонов

ТУРБУЛЕНТНАЯ ЕВРАЗИЯ

**Межэтнические, гражданские конфликты,
ксенофобия в новых независимых
государствах постсоветского пространства**

Academia
Москва
2010

*Сергей Маркедонов – кандидат исторических наук,
в апреле 2001 – октябре 2009 гг. – заведующий отделом
и заместитель директора Института политического
и военного анализа, доцент Российского государственного
гуманитарного университета, эксперт Совета Европы
и Федерального собрания РФ.*

Маркедонов С.

ТУРБУЛЕНТНАЯ ЕВРАЗИЯ: *межэтнические, гражданские конфликты, ксенофобия в новых независимых государствах постсоветского пространства.* – М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2010. – 260 с.

ISBN 5-84389-033-X

© Московское бюро
по правам человека, 2010
© Маркедонов С., 2010

Содержание

Вместо предисловия	5
--------------------------	---

Межэтнические конфликты в СССР и на постсоветском пространстве .....

Введение	7
----------------	---

Часть I. Предпосылки межэтнических конфликтов в СССР	11
--	----

Часть II. Типология конфликтов	26
--------------------------------------	----

Часть III. География межэтнических конфликтов на постсоветском пространстве. Большой Кавказ	40
--	----

<i>Грузино-осетинский конфликт</i>	47
--	----

<i>Грузино-абхазский конфликт</i>	53
---	----

<i>Армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха</i>	61
---	----

<i>Осетино-ингушский конфликт</i>	70
---	----

<i>Российско-чеченский конфликт</i>	77
---	----

<i>Гражданская война в Грузии</i>	87
---	----

<i>Молдавско-приднестровский конфликт</i>	90
---	----

<i>Ситуация в Гагаузии</i>	96
----------------------------------	----

<i>Центральная Азия</i>	98
-------------------------------	----

<i>Гражданская война в Таджикистане</i>	103
---	-----

<i>Украина</i>	107
----------------------	-----

<i>«Крымский вопрос»</i>	110
--------------------------------	-----

<i>Проблема Черноморского флота</i>	115
---	-----

<i>Прибалтийские республики</i>	116
---------------------------------------	-----

<i>Латвия</i>	119
---------------------	-----

<i>Эстония</i>	121
----------------------	-----

<i>Литва</i>	123
--------------------	-----

Заключение (<i>методологические принципы урегулирования конфликтов</i>)	125
---	-----

Антисемитизм в новых независимых странах постсоветского пространства .....

Антисемитизм: идентификация понятия	130
---	-----

Цели и географические рамки исследования	134
--	-----

Постсоветский антисемитизм: истоки и предпосылки	136
--	-----

<i>Украина</i>	148
----------------------	-----

<i>Белоруссия (Республика Беларусь)</i>	155
---	-----

<i>Республика Молдова (Молдавия)</i>	160
--	-----

<i>Азербайджан</i>	164
--------------------------	-----

<i>Армения</i>	170
----------------------	-----

<i>Грузия</i>	175
---------------------	-----

<i>Казахстан</i>	181
------------------------	-----

<i>Киргизия (Кыргызстан)</i>	183
------------------------------------	-----

<i>Таджикистан</i>	186
--------------------------	-----

<i>Узбекистан</i>	189
-------------------------	-----

<i>Туркменистан (Туркмения)</i>	192
---------------------------------------	-----

<i>Литва</i>	194
--------------------	-----

<i>Латвия</i>	198
---------------------	-----

<i>Эстония</i>	202
----------------------	-----

Вместо заключения	205
-------------------------	-----

«Пятидневная война»: предварительные итоги и следствия .....

История СССР продолжается	207
---------------------------------	-----

«Конец истории» ялтинско-потсдамского мира	209
--	-----

Россия и Запад: «холодная война» не предвидится	211
---	-----

Правовое распределение ответственности .....

Протоколы надежды	222
--------------------------------	-----

Политическая ситуация в Ингушетии .....

Квазинезависимость	229
--------------------------	-----

Лояльность к Москве плюс дестабилизация всей республики	232
--	-----

Евкуров или «прерванный полет»	237
--------------------------------------	-----

После покушения: поиск адекватного ответа	240
---	-----

«Русский вопрос» в северокавказском измерении .....

«Русский вопрос» на Кавказе: новая актуализация	244
---	-----

Русские на Кавказе в новейший период: история без заблуждений	247
--	-----

«Русский проект» vs. «парад суверенитетов»	251
--	-----

Русские на Северном Кавказе: камо грядеши?	255
--	-----

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

История XX столетия, начавшаяся на полях сражений первой мировой войны, завершалась под знаком окончания войны «холодной», третьего глобального противостояния «необычайного века». «Новое мышление» и прекращение советско-американского противоборства, мирные («бархатные») революции в странах Центральной и Восточной Европы, объединение Германии, распад Организации Варшавского Договора, исчезновение с карты мира коммунистической сверхдержавы – СССР, налаживание арабско-израильского диалога, крах режима апартеида в ЮАР и активизация переговорного процесса в Ольстере стали символами надежды на более совершенное мироустройство. Наиболее оптимистичные мыслители заговорили о том, что либерализму и демократии, рыночной экономике и этнической толерантности больше нет реальной альтернативы. Американский профессор Фрэнсис Фукуяма даже провозгласил «конец истории».

Однако жизнь, как это обычно бывает, оказалась сложнее изощренной игры ума интеллектуалов-оптимистов. Кровавые межэтнические войны на Балканах, эскалация насилия на Ближнем Востоке, несмотря на «дух Осло» и все достигнутые успехи, исламизация на талибский манер Афганистана, всплеск неотрайбализма в Африке, рост националистических настроений даже в благополучных странах Западной Европы отчетливо показали, что «окончание истории» откладывается на неопределенный период. Поспешив объявить «холодную войну» законченной и отпраздновав победу по этому поводу, интеллектуалы как в США, Европе, так и в России, Китае, Индии, странах исламского Востока оказались не готовы к вызовам иного качества. Биполярный мир, основанный на соперничестве двух ядерных сверхдержав СССР и США, породил, если можно так выразиться, биполярное мышление, которое не могло воспринимать мир иначе, как в черно-белой упрощенной цветовой гамме. Между тем нынешняя глобальная турбулентность имеет намного больше цветов и оттенков.

Свой вклад в эту глобальную турбулентность внесло и постсоветское пространство. Восемь вооруженных конфликтов, множест-

во латентных противоборств, фобий, тысячи беженцев и вынужденных переселенцев, национальные травмы и этническая вражда показали, что тезис о «мирном разводе» бывших «братских республик нерушимого Союза» нуждается, как минимум, в серьезной корректировке. Сегодня о распаде Советского Союза в нашей стране говорят, к сожалению, в хорошо знакомой по временам «холодной войны» черно-белой стилистике. Либо это «геополитическая катастрофа», либо «освобождение поработенных народов» (как будто у народов есть юридическое лицо?). Схожие оценки даются и в соседних республиках, составлявших некогда с нами единую общность (ее даже успели назвать «новой исторической общностью»). И в этом смысле мы сохраняем единство, поскольку оцениваем наше недавнее прошлое и настоящее одинаково, то есть с упрощенных позиций.

Автор хочет особо подчеркнуть, что ни в коей мере не претендует на роль глашатая истины в последней инстанции.

Наша задача более скромна – дать свой взгляд на различные «узлы», завязавшиеся в ходе распутывания советских политических головоломок, и пригласить коллег из России и бывших республик СССР к содержательному диалогу о том, кто мы, откуда, куда идем. И главное, с какими издержками идем и можем ли продвигаться вперед, снижая их? Отвечая на эти вопросы, автор стремился придерживаться своего главного принципа – отказа от упрощенного восприятия любой, даже откровенно враждебной позиции.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В СССР И НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Введение

События, произошедшие в конце XX – начале XXI вв. в Евразии, до сих пор выглядят загадочно, несмотря на огромное количество посвященных им публикаций, академических исследований и политических высказываний. Известный американский экономист Лестер К. Туроу, сравнивая крушение СССР (последней многоэтничной евразийской империи) с гибелью империи майя, пишет: «Крах Советского Союза представляется одной из загадок, над постижением которой историки будут биться еще тысячу лет»¹. Вряд ли одному автору или даже целому авторитетному научному коллективу под силу разрешить эту загадку в краткосрочной перспективе. Нам представляется, что по мере обретения нового исторического опыта, получения доступа к новым источникам из истории современности, а также отказа от идеологических штампов (как прошлого, так и настоящего) количество вопросов и версий не уменьшится, а существенно возрастет.

Начиная с конца 1980-х – начала 1990-х гг., мы наблюдаем интересный феномен. Среднеразвитая в экономическом отношении страна, являвшаяся, тем не менее, военной сверхдержавой, одним из создателей и гарантов системы глобальной безопасности, членом «ядерного клуба», стремительно меняет свою внешнюю и внутреннюю политику. Она отказывается от автаркии, мобилизационной модели экономики, репрессивной политической системы, информационной, гражданской и человеческой несвободы и пытается пойти по пути реформ, открыться миру и собственным гражданам. На момент своего распада Союз ССР переживал целый ряд переходных процессов: от централизованного планирования – к рыночной экономике, от тоталитарной политической системы – к демократии, от гипертрофированной административной централизации – к развитию федерализма. Каждый из этих процессов в отдельности (и тем более все вместе) радикально менял установленные годами правила

и уже в силу этого провоцировал серьезные риски. Итогом этого становится не трансформация страны в демократическое федеративное государство, а поражение в «холодной войне», погружение в пучину социальных конфликтов (ведущее место среди которых занимают межэтнические противоборства) и, в конечном итоге, ее распад на 15 государств и несколько де-факто образований, не признанных международным сообществом.

В известном смысле, последние годы существования СССР подтвердили метафору известного философа Алексиса де Токвиля о том, что «худшие времена для дурного режима наступают тогда, когда он делает попытки исправиться»².

«Перестройка», которая многим в СССР и за его пределами в свое время казалась давно назревшей и желанной, дала совершенно не те плоды, на которые рассчитывали ее сторонники и активисты. Новые государства, возникшие на обломках «дурного режима», не пережившего собственное «исправление», находятся в непростых отношениях друг с другом и, прежде всего, с центром концентрации былой военной, экономической и политической мощи, который теперь олицетворяет еще одно новое государство – Российская Федерация. Современная Россия также имеет целый ряд непростых внутренних проблем, уходящих корнями в историю Советского Союза и даже Российской империи. Эти непростые отношения не ограничиваются только экономическим или дипломатическим форматом.

За 18 лет, прошедших с момента распада СССР, на его бывшей территории произошло восемь вооруженных конфликтов, которые привели к многочисленным человеческим жертвам и миллионам беженцев, разрушению экономической инфраструктуры и контактов между людьми. Из пятнадцати бывших республик СССР у четырех из них нет дипломатических отношений друг с другом (у Армении и Азербайджана, России и Грузии). По данным исследований авторитетной международной организации «Freedom House», практически во всех постсоветских государственных образованиях в последние годы фиксируется «упадок демократии»³. В бывших республиках советской Средней Азии и Казахстане, Белоруссии это выражается в пролонгировании президентских полномочий. В 2008 г. по этому же

---

² Де Токвиль А. Старый порядок и революция. – М.: Московский философский фонд, 1997. С. 14.

³ См. аналитические доклады и обзоры «Свобода в мире» на сайте организации <http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=15>

---

¹ Цит. по: Переосмысливая грядущее: Интервью с американскими учеными // Свободная мысль. 1998. № 8. С. 19.

пути пошли в большей или меньшей степени Россия и Азербайджан. В республиках советского Закавказья, ставших после 1991 г. независимыми государствами, наблюдается дефицит легитимности при осуществлении передачи высшей власти от одного лидера другому. И даже в относительно благополучной (по части гражданских свобод) Украине нарушение процедуры и политических договоренностей (а это – основа демократии) вошло в правило. В республиках Прибалтики (ставших членами НАТО и Европейского Союза) более успешное внедрение демократических норм, институтов и рыночной экономики дополняется поддержанием мягкой формы апартеида (посредством разделения общества на граждан и «неграждан»). Такой «упадок демократии» никоим образом не способствует тому, чтобы разрешать многолетние социальные (и, прежде всего, этнические) конфликты на компромиссной основе по формуле «победа-победа». А не «победа-поражение» или посредством «игры с нулевой суммой».

В этой связи правомерен вопрос: был ли распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой XX столетия» (как сказал второй президент и действующий премьер-министр России Владимир Путин), или он знаменовал собой конец «империи зла» (как определял это государство сороковой президент США Рональд Рейган)?

Как и любое геополитическое изменение такого масштаба, исчезновение с карты мира СССР не может быть измерено одной мерой. Формальный отказ властных и интеллектуальных элит от коммунистической идеологии не стал ее действительным преодолением. Многие ценности, нормы поведения, политические подходы, сформированные в советский период (прежде всего, неготовность к компромиссу), продолжают определять политическую культуру новых независимых стран СНГ и Балтии. При этом границы между республиками формировались без учета общественного мнения и истории межэтнических отношений. Именно советский режим обеспечивал «территориальную целостность» Грузии, Азербайджана, Молдавии, России, Литвы (присоединив к ней спорный с Польшей Виленский край). Но, расставаясь с СССР, новые независимые государства Евразии явно не желали отказываться от такого наследия «империи Кремля», как проведенное ею территориальное межевание и доставшиеся в наследство от «проклятого прошлого» границы. Получался парадокс: власти и влияния Москвы новые независимые республики не хотели, но построенную в советский период территориально-административную конфигурацию принимали как факт. Но главная

проблема заключается в том, что постсоветские государства пока не выработали иных (кроме имперских и советских) механизмов обеспечения национального мира и спокойствия в регионе. Сегодня Абхазия и Южная Осетия не готовы к признанию грузинского суверенитета, Карабах – суверенитета Азербайджана, а Приднестровье – Молдовы. Этнический национализм в качестве основы государственного строительства сделал новые независимые государства нелегитимными (или частично легитимными), поскольку доминирование одной этнической группы в политике и в бизнесе автоматически превращает государство в чужака для других этнических сообществ. Армяне или азербайджанцы в Грузии, узбеки в Киргизии, русские в Казахстане или украинцы в Молдове с трудом воспринимают новую государственность как «свою».

А потому при распаде Советского Союза границы между новыми государствами (и сама государственность новых образований) были признаны легитимными далеко не всеми. Отсюда и вооруженные конфликты, и латентные пограничные противостояния (существующие практически между всеми странами СНГ). Как следствие конфликтов – этническая гомогенизация, региональный партикуляризм, мягкая или жесткая форма апартеида, отказ от компромисса в вопросах о возвращении беженцев, рассмотрение нового государства как «этнической собственности» «титულიной нации».

Первый «передел границ» был завершен в результате серии вооруженных конфликтов 1992-1997 гг. Однако наступивший затем период статус-кво принес прекращение военных столкновений, но не политическое решение. В августе 2008 г. с признанием независимости Абхазии и Южной Осетии Россией создан прецедент пересмотра межреспубликанских границ как межгосударственных. С признанием Абхазии и Южной Осетии на территории бывшего СССР появились «частично признанные государства» (как Турецкая Республика Северного Кипра, Сахарская Арабская Демократическая Республика, Тайвань). Однако остаются еще два непризнанных государства – Нагорный Карабах и Приднестровье, возникшие вследствие армяно-азербайджанского конфликта, а также противоборства Молдовы и Приднестровской Молдавской Республики. Сами эти конфликты не разрешены политически.

26 августа 2008 г. (день, когда президент РФ Дмитрий Медведев подписал указ о признании независимости двух бывших грузинских автономий) постсоветское пространство стало другим. Беловежские принципы (то есть признание границ между республиками как гра-

ниц между новыми государствами) более не действуют, и в какой точке процесс самоопределения остановится, пока не ясно. Практически все республики бывшего СССР имеют свои сепаратистские «скелеты в шкафу» (Крым в Украине, Северный Казахстан, Юг Кыргызстана, населенный узбеками). Естественно, распад любого государства происходит, в первую очередь, не из-за внешнего воздействия, а в силу внутренних причин. В этой связи предсказать распад России (из-за Северного Кавказа), Украины (из-за Крыма или Донбасса) непродуктивно. Однако, признавая независимость двух грузинских автономий, Москва пошла на определенные риски. Сегодня этнический сепаратизм на Северном Кавказе переживает спад, гораздо более серьезной угрозой является исламский радикализм (который чрезвычайно разнороден по идейно-политическим, социальным и даже экономическим параметрам). Вместе с тем, консервация старых (имперских по своим основам) управленческих моделей субъектами российского Юга потенциально создает определенные угрозы⁴.

Таким образом, процесс этнического самоопределения, запущенный с распадом СССР и сформированный самой советской моделью власти и управления, не закончился. До урегулирования этнополитических конфликтов на территории бывшего Советского Союза и признания новых границ легитимными его распад (как исторический процесс) невозможно считать окончательно завершенным. Между тем, без завершения этого процесса невозможно говорить о состоявшейся государственности постсоветских стран, их реальной независимости и их переходе к демократии.

Часть I. Предпосылки межэтнических конфликтов в СССР

Союз Советских Социалистических Республик (СССР, Союз ССР, Советский Союз) – государство, существовавшее в 1922-1991 гг., был самой крупной по площади страной мира на территориях, которые ранее занимала Российская империя (без Польши, Финляндии и некоторых других земель). Согласно последней Конституции СССР

1977 г. (всего их было принято три – в 1924, 1936 и 1977 гг.), это государство провозглашалось как «единое союзное многонациональное и социалистическое». После Второй мировой войны Советский Союз имел сухопутные границы с Норвегией, Финляндией, Польшей, Чехословакией, Венгрией и Румынией на западе, с Турцией, Ираном и Афганистаном на юге, с Китаем, Монголией и Японией (после раздела Кореи – с КНДР) на юго-востоке.

Возникновение Советского Союза стало результатом распада Российской империи в ходе двух революций (февральской и октябрьской 1917 г.), а также реализации большевистского социально-экономического и политического эксперимента. Большевики (радикальная часть российской социал-демократии), пришедшие к власти в России в октябре 1917 г., провозгласили одним из главных своих принципов право наций на самоопределение «вплоть до отделения и образования самостоятельных государств». Именно это обеспечило им поддержку (во многих случаях ситуативную) лидеров этнонациональных движений, существовавших в различных частях Российской империи, в борьбе с политическими оппонентами, прежде всего Белым движением. По словам видного теоретика Белого движения генерала Николая Головина, главной «положительной идеей» его сторонников было «спасение» разрушающейся государственности и армии (то есть главных имперских символов и атрибутов)⁵.

В некоторых ситуациях национальные государства, возникшие в результате распада имперского здания, рассматривали большевистское правительство как наименьшее зло в противостоянии с Белым движением (случай Грузинской Демократической Республики в 1918-1921 гг.) или внешним врагом (случай с Арменией в 1918-1920 гг.). Однако, разгромив белые армии и укрепившись у власти, большевики начали устанавливать свой политический контроль над бывшими окраинами бывшей империи под лозунгами «мировой социалистической революции».

В итоге, 30 декабря 1922 г. объединение нескольких советских республик (Российской, Украинской, Белорусской и Закавказской Федерации, включавшей в себя Армению, Азербайджан и Грузию) положило начало новому государству – Союзу ССР. За почти семь десятилетий своего существования Союз состоял из разного количе-

⁴ Маркедонов С.М. «Пятидневная война»: предварительные итоги и следствия //Неприкосновенный запас. 2008. №5 (61). С. 116-122.

⁵ Головин Н. Н. Российская контрреволюция. – Ревель, 1937. Ч. 5. Кн. 11. С. 17,106.

ства субъектов (от 4 до 16). Менялось также количество автономных образований, входивших в состав национальных республик – главных субъектов СССР. В составе национальных республик различались автономные республики (АССР), автономные области и округа (АО). Политическая география нового образования в значительной степени воспроизводила конфигурацию Российской империи. Некоторые части бывшей империи («Русская Польша», Финляндия) оказались вне состава Советского Союза, в то время как Буковина, Закарпатье, Галичина, часть Восточной Пруссии не входили в состав дореволюционной России. Данная политико-географическая «преемственность» стала основой для выстраивания исторического континуума между Российской империей и Советским Союзом.

Сегодня большое количество исследователей начинают историю российского имперского проекта не с того момента, когда Россия стала называться так официально (то есть 22 октября /2 ноября 1721 г.), а после завоевания Московским государством Казанского и Астраханского ханств в середине XVI в. Это был первый серьезный опыт инкорпорирования в состав Московского государства большой территории, компактно заселенной нерусскими народами. Таким образом, Русь, вобрав в себя иноэтничные политические сообщества, начала трансформироваться в Россию⁶. Покорив Казань, Астрахань, а в конце того же века и Сибирское ханство, московский царь унаследовал «часть престижа монгольских ханов». Как показывает американский исследователь Майкл Ходарковский, заключая договор с русским царем, кабардинские князья или шемхал Тарковский верили в то, что они вступают в союз с равным себе, в то время как русская сторона неизменно трактовала соглашения как подчинение младших правителей московскому суверену. После присоединения левобережной Украины (1654 г.) имперские претензии получили дополнительную поддержку, поскольку монарх был провозглашен «царем всея Великия, Малыя и Белья Руси». В конце XVII в. было введено понятие «Великое Российское царство». И, наконец, Петр Великий в 1721 г. официально принял титул императора. До февраля 1917 г. Российская империя присоединила к себе территории Прибалтики, части правобережной Украины и Польши, Крымского полуострова и

---

⁶ Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552-1917) – Смоленск: Русич, 2007; Суни Р. Диалектика империи: Россия и Советский Союз // Новая постимперская история постсоветского пространства – Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 179.

Кубани, Белоруссии, Кавказа, Бессарабии, Финляндии, Средней Азии и Казахстана. К 1914 г. (накануне Первой мировой войны) Российская империя состояла из 81 губерний и 20 областей. Согласно Первой (и единственной) переписи населения 1897 г., в Российской империи проживали 128,2 млн. человек, из которых великороссы (русские) составляли только 43,4%. В имперском государстве проживали около 100 народов, не считая небольших этнических групп⁷.

Российское имперское государство использовало в своей практике как дискриминационные, так и национализирующие элементы политики. Империя успешно интегрировала центральные регионы страны (даже с иноэтничным населением), но в то же время сохраняла партикуляризм на Кавказе (военно-народная система управления), в Средней Азии (сохранение структуры власти и управления Бухарского эмирата и Хивинского ханства), Финляндии (Великое княжество Финляндское). Империя также поддерживала разделение (и противопоставление) русских подданных и нерусских. Положение многих этнических групп определялось статусом «инородцев» и регламентировалось специальными законами. Под законы об «инородцах» попадали калмыки, кочевники, самоеды и другие народы Сибири, киргизы, евреи. Предпринимались также и попытки русификации отдельных групп населения (особенно это касалось Украины, Польши, финно-угорских народов). В то же самое время до самого распада Российской империи немецкое население, проживавшее в Поволжье (среди русского большинства) или в Прибалтике, сохранило свой язык. С одной стороны, господствующей церковью империи была православная, а триада «православие-самодержавие-народность», начиная со второй четверти XIX столетия, считалась официальной доктриной Российского государства. С другой же стороны, были разрешены католические, протестантские, армянские, мусульманские, еврейские школы и неправославное образование на нерусских языках. В 1870-х гг. была даже разрешена миссионерская деятельность по распространению православия среди инородцев на местных языках.

Трудно недооценить роль имперского государства в процессе модернизации окраин (создание индустриальных предприятий, железных дорог, портовой инфраструктуры), а также их европеизации. Осуществляя присоединение тех или иных территорий, Российская

---

⁷ Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811-1913). Статистические очерки – М.: Государственное статистическое изд-во, 1956.

империя прекращала внутренние конфликты в них, водворяя определенный правопорядок (и просто социальный порядок). В этом плане показательны слова известного в Дагестане мыслителя Магомеда Хандиева (сказаны в 1869 г., через 10 лет после капитуляции имама Дагестана и Чечни Шамиля): «Если в прежние годы многие из нас находили возможным грабить соседей, то теперь, наоборот, мы осознали, что это ремесло сделалось уже невозможным, и большинство из нас свыкается с этим убеждением. Не думаю, чтобы в настоящее время, по крайней мере, у нас в Дагестане, случаи грабежа повторялись чаще, чем, например, в Московской губернии. Мы, горцы Дагестана, в большинстве своем не питаем никакой ненависти к русским за то, что они отняли у нас возможность грабить и убивать. В другом они нас не притеснили. Чего мы не вытерпели при Шамиле! Мы меньше потеряли от русской картечи, чем от хищничества мюридов! Настоящее время нам представляется в виде пробуждения от страшного сна, в виде излечения от тяжелой болезни»⁸. В то же самое время нельзя не увидеть, что имперский проект по модернизации был оплачен высокой социально-политической ценой (разрушением среды традиционного обитания, хозяйственного уклада тех или иных этнических сообществ).

Российский царизм не смог создать единую полиэтничную российскую политическую нацию в пределах империи или хотя бы в пределах русского населения. Последняя задача объективно тормозилась из-за сословных перегородок (население империи делилось на 5 сословий, отдельным сословием было казачество). Не выдержав испытание Первой мировой войной, монархия потеряла все ресурсы легитимности и прекратила свое существование. За ее крушением последовала Октябрьская революция, гражданская война и распад имперского государства.

Несмотря на серьезные идеологические расхождения и даже идейно-политический антагонизм, существовавший между двумя государствами (монархическая и коммунистическая идеологии), различные экономические модели, Российская империя и СССР по многим признакам были типологически близки. Если понимать под империей «сложносоставное государство, в котором метрополия некоторым образом отличается от периферии, а отношения между ними замышляются или воспринимаются в метрополии или периферии

как оправданное или неоправданное неравенство, субординация и/или эксплуатация», то Советский Союз может быть отнесен к имперским образованиям.

И Российская империя, и СССР были полиэтничными и многоконфессиональными государствами. Оба играли важную роль в глобальных геополитических процессах. Они включали в себя территории с разной степенью интеграции в общероссийский (общесоветский) социум. У многих регионов в прошлом была своя государственность, письменность, непохожие на другие регионы обычаи, традиции, экономический уклад, система социальных отношений. Все это, с одной стороны, требовало определенного упорядочивания и гомогенизации, но, с другой – создавало предпосылки для конфликтов и спорных ситуаций, поскольку любое приведение изначального разнообразия к общему знаменателю вызывало ответную реакцию в виде националистических течений, сепаратизма, этнического и регионального партикуляризма. Ни Российская империя, ни Советский Союз не были этническими «русскими империями», в которых метрополия полностью бы отождествлялась с русским этносом. Институт власти – дворянство во времена империи и коммунистическая номенклатура во времена СССР – был полиэтничным (хотя и с некоторым численным преобладанием русских), в имперской манере он управлял как русскими, так и нерусскими территориями. Несмотря на отрицание собственной имперской природы и использование антиимпериалистических лозунгов в политической риторике, Советский Союз представлял собой попытку построения и управления огромным полиэтничным государством в эпоху национальных государств.

Известный исследователь советской национальной политики Терри Мартин определил СССР как «империю позитивного действия» («affirmative action empire»)⁹. По мнению этого историка, сутью советской национальной политики было противоречие между поддержкой нациестроительства, с одной стороны, и необходимостью централизации – с другой. С одной стороны, на протяжении 1922-1991 гг. советская власть всячески поощряла этнический партикуляризм и «коренизацию» (то есть создание управленческих кадров из представителей различных местных этнических групп). Но с другой – широко использовала практику репрессий по отношению к национальной

⁸ Цит. по: Зубов А. Б. Политическое будущее Кавказа: опыт ретроспективно-сравнительного анализа // Знамя. 2000. № 4. С. 123.

⁹ Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939 – Ithaca and London: Cornell Univ. Press, 2001. 496 P.

интеллигенции и депортацию целых этнических групп на основе «коллективной ответственности» (депортации народов Северного Кавказа в 1943-1944 гг.).

В советский период весь комплекс управленческой деятельности и пропаганды в этнической сфере именовался «ленинская национальная политика» (до XX съезда КПСС – «ленинско-сталинская»). Теоретический подход, разработанный большевиками в предреволюционные и первые послереволюционные годы, во многом определил характер внутренней политики советского государства на все последующие годы.

Первоначально в среде российских социал-демократов так называемый «национальный вопрос» считался второстепенным и сводился к лозунгу о праве наций на самоопределение. Лишь в 1912 г. лидер большевиков Владимир Ульянов (Ленин) начинает уделять проблеме значительное внимание. В России к тому времени активное развитие получили этнонациональные движения, происходили общественные дебаты по «национальному вопросу». Для самой Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) обнаружилась опасность партийного дробления на национальные группировки, подобно тому, как это происходило с социал-демократическими организациями Западной Европы. В начале XX в. российские большевики заимствуют из трудов австрийских марксистов определение «нации». Впоследствии определение главного теоретика партии большевиков по «национальному вопросу» Иосифа Сталина (нация – это «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры») вошло во все советские учебники по гуманитарным дисциплинам. А после десталинизации 1956 г. – уже без указания авторства¹⁰. При этом «нацией» считалась только такая этнокультурная группа, которая обладает всеми перечисленными выше признаками одновременно.

---

¹⁰ Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. – М.: Госполитздат, 1959. С.10. Первый теоретический труд Сталина по «национальному вопросу» появился в № 3-5 журнала «Просвещение» под названием «Национальный вопрос и социал-демократия» (за подписью К. Сталин). В 1914 г. эта статья выпущена отдельной брошюрой под названием «Национальный вопрос и марксизм». В постсталинской советской этнографии в переработанном виде эти подходы были системно изложены главным теоретиком нации и этноса академиком Ю. В. Бромлеем. См.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. – М., 1983.

Однако размышления Сталина и его последователей не были отвлеченными академическими дискуссиями. Их выводы и представления стали основой нациестроительства в СССР. При таком подходе Союз ССР рассматривался как государство, главными субъектами которого выступают социалистические нации. Фактически же советское государство институционализировало этнические группы в качестве главного субъекта политики и государственного права. Не права отдельного человека, а права наций рассматривались в качестве приоритетных. Советское государство, таким образом, закрепляло этнические различия на территориальной основе. Отказ от индивидуальных прав в пользу коллективных создавал, таким образом, предпосылки для формирования этнонациональных движений за самоопределение будущих независимых государств и вызревания конфликтных очагов. Основу для конфликтных очагов создавала и практика частых административно-территориальных преобразований, совершавшихся сверху без учета фактора общественного мнения. Так, в 1923 г. в состав Азербайджана был включен армянонаселенный Нагорный Карабах, в 1931 г. в состав Грузинской ССР была включена Абхазия. По справедливому замечанию американского этнолога Юрия Слезкина, «СССР создавался националистами и был разрушен националистами». В 1924 г. известный литовский большевик Юозас Варейкис сформулировал удачную метафору, назвав Советский Союз «коммунальной квартирой», каждая комната которой была выделена под отдельную республику¹¹.

В 1920-е – начале 1930-х гг. советская власть проводила политику «коренизации», то есть проведение политики кадровых преференций (образование, информационная политика, кадровые вопросы) по отношению к этническим меньшинствам. Как говорил Иосиф Сталин на XII Съезде РКП (б), «коренизация» была необходима, «чтобы Советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, обычаи, быт нерусских национальностей»¹².

По мнению немецкого специалиста Герхарда Симона, такая политика была нацелена на предотвращение автономистских и сепара-

---

¹¹ Slezkine Yu. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. Vol. 53. № 2. Pp. 414-452.

¹² Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. – М., 1968.

тистских тенденций, была попыткой привлечь этнические меньшинства в процесс коммунистического государственного строительства¹³.

В результате такой политики на Украине к 1930 г. осталось только три большие русскоязычные газеты, а в Одессе к концу 1920-х гг. были украинизированы все школы (притом, что численность учащихся украинцев составляла здесь всего 1/3 от общего количества). Следует добавить также, что политика «украинизации» проводилась и за пределами Украинской ССР (на Кубани, в частности). В Ленинграде в начале 1930-х гг. издавались газеты на 40 языках, включая китайский, велось радиовещание на финском языке (хотя на территории Ленинградской области проживали тогда всего 130 тыс. финнов)¹⁴.

На Северном Кавказе «коренизация» также затронула русское население, прежде всего казаков, которые в значительном количестве за свою «контрреволюционность» выселялись из равнинных станиц, заселявшихся чеченцами, ингушами, народами Дагестана. По словам видного советолога (чеченского происхождения) Абдурахмана Авторханова, в 1920-е гг. «во главе горцев стояла тогда та часть горской радикальной интеллигенции, которая с первых же дней русской революции поддерживала большевиков из-за большевистского основного лозунга: “Право народов на самоопределение вплоть до государственного отделения”. Во время гражданской войны она, разумеется, предпочла интернационалиста Ленина великодержавнику Деникину. Но требования в “национальном вопросе” у горской радикальной коммунистической интеллигенции были весьма скромные: они хотели полную внутреннюю автономию для Северного Кавказа в виде Горской советской республики в составе РСФСР. Будущие члены Политбюро С. Орджоникидзе и С. Киров находились тогда среди горцев и поддерживали требование горских коммунистов. Когда кончилась гражданская война, это желание и было выполнено. Естественно, что во главе горцев оказалась тогда именно эта радикальная горская коммунистическая интеллигенция. В Дагестане – Самурский, Коркмасов, Далгат, Мамедбеков, Тахо-Годи; в

Чечне – Эльдарханов, Курбанов, Токаев, Ошаев, Арсанукаев; в Ингушетии – И. Мальсагов, Зязиков, Альбагачиев, Гойгов; в Северной Осетии – Такоев, Мамсуров, Бутаев, Рамонов; в Кабардино-Балкарии – Энеев, Катханов, Калмыков; в Карачае – Курджиев; в Черкессии – Хакурати. Период владычества этих “падишахов” (термин Авторханова. – С.М.) является периодом максимального политического мира, межнациональной гармонии, популярности среди горцев самой Советской власти»¹⁵.

Однако с началом 1930-х гг. мероприятия по «коренизации» были свернуты. В процессе форсированной индустриализации и коллективизации были уничтожены элементы всех (включая и русскую) крестьянских культур. Репрессиям были подвергнуты руководящие административные верхушки национальных и автономных республик, представители национальной интеллигенции. В это время «национальный вопрос» по степени приоритетности уступил место проблемам безопасности и форсированной модернизации. Накануне Второй мировой войны идеология «окруженной крепости» оказалась востребована коммунистической властью, а потому «советский патриотизм» вышел на первый план. Тем не менее, некоторые элементы «коренизации» применялись (в частности, украинизация на территориях Западной Украины в 1939-1941 гг., где значительный процент составляли поляки). Подготовка к возможной войне с Германией и Японией (а позднее, и сама война) спровоцировали репрессивные меры по отношению к «подозрительным» этническим группам. Здесь следует сказать об обратной стороне «коллективной ответственности». С одной стороны, целые группы (а не отдельные личности) наделялись правами и даже территориальной собственностью, а с другой – попадали под понятие «коллективной ответственности», при которой не отдельный гражданин, а вся этническая общность могла быть обвинена в измене Родине со всеми вытекающими последствиями.

В 1930-е гг. из пограничных зон Советского Союза были выселены представители тех этнических общностей, у которых имелись «свои» иностранные государства (немцы, поляки, румыны, латыши), либо ареалы проживания вне пределов СССР (корейцы, у которых на момент их депортации в 1937 г. не было своей государственности). Великая Отечественная война актуализировала депортации как метод обеспечения внутривластной стабильности. В период Вто-

¹³ Simon G. Nationalismus und der UdSSR // Aus Politik und Zeitgeschichte. 26. 08. 1988.

¹⁴ Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации. – М.: Европа, 2006. 356 с.; Смирнова Т. М. Национальные общества Петербурга-Петрограда-Ленинграда // История Петербурга. 2001. № 2. С.79-80.

¹⁵ Авторханов А.[Г]. Убийство чечено-ингушского народа: Народоубийство в СССР – М.: СП «Вся Москва», 1991. С. 24.

рой мировой войны такие методы применял не только тоталитарный Советский Союз, но и демократические государства США, Великобритания, Франция (до ее оккупации в 1940 г.). Это, однако, не оправдывает сталинский режим. 28 августа 1941 г. национальная автономия поволжских немцев была ликвидирована, а они сами депортированы в Сибирь и Казахстан. В 1943-1944 гг. были депортированы: калмыки, чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, турки-месхетинцы, понтийские греки (хотя немецкая оккупация не имела места в Грузии, где проживали месхетинские турки). В то же время, не следует сбрасывать со счетов тот факт, что война (и ослабление советского режима) способствовала росту автономистских и сепаратистских настроений. Некоторые лидеры этнонациональных движений считали для себя возможным сотрудничать с немецкой оккупационной властью, а некоторые предпочитали вести «войну на два фронта»¹⁶.

После 1945 г. движение сопротивления советской власти продолжалось на Украине (отряды Украинской Повстанческой армии – УПА), в Прибалтике («лестные братья»), в меньшей степени в Белоруссии и Молдавии. Их протест был, во-первых, направлен против инонациональной власти, а во-вторых, против политики коллективизации и ликвидации институтов частной собственности. Это протестное движение сопровождалось эксцессами с двух сторон. Бойцы УПА проводили активный террор и этнические чистки против польского, еврейского населения. Террористические методы, диверсии (затрагивающие и гражданское население) практиковали и «лесные братья» в Прибалтике. В то же время всплеск национальных движений вызвал и новую волну репрессий. Она «накрыла» не только участников националистического подполья, но и ни в чем не повинных представителей различных народов. В начале-середине 1950-х гг. активное вооруженное сопротивление было сломлено. Вместе с тем наряду с репрессиями советское государство продолжало в той или иной форме поощрять нациестроительство. Так, среди 50 стран-основателей ООН наряду с СССР были Украинская и Белорусская ССР.

Смерть Сталина в 1953 г. практически сразу же привела к повышению статуса союзных республик. Сначала ближайший сталинский

соратник Лаврентий Берия заложил этнический принцип в практику назначения первых секретарей республиканских ЦК Компартий и других высокопоставленных чиновников. Затем после отстранения Берии Никита Хрущев (первый секретарь ЦК КПСС) увеличил представительство нерусских групп (прежде всего, украинцев) на общесоюзном уровне власти. Политика десталинизации также вызвала к жизни оживление этнонациональных движений. Самым массовым из них в 50-х – начале 60-х гг. стала борьба народов, подвергшихся в военные годы депортации, за возвращение на историческую родину. Начался процесс реабилитации депортированных народов и их возвращение на родину. В 1956-1957 гг. были приняты решения о восстановлении большинства ликвидированных национальных автономий. Всего к 1964 г. на Северный Кавказ вернулись 524 тыс. чеченцев и ингушей, многие тысячи карачаевцев, балкарцев. Однако представители не всех этнических общностей смогли реализовать свое право на возвращение на Родину. Этого были лишены крымские татары, турки-месхетинцы. Не была также восстановлена автономия немцев Поволжья¹⁷.

Осуществлявшееся после XX съезда КПСС расширение прав и полномочий союзных и автономных республик во многих вопросах экономики и культуры, «коренизация» их руководящих кадров вскоре привели к тому, что правящая номенклатура на местах оказалась представлена лишь коренными жителями. Вместе с тем коренные народы в ряде союзных и автономных республик зачастую являлись меньшинством населения. Так, численность башкир в Башкирской АССР составляла 23%, бурят в Бурятской АССР – 20%, а карелов в Карельской АССР – лишь 11%. Получив значительную власть и самостоятельность, представители национальной элиты на словах продолжали заверять в своей преданности Центру. На деле же они проводили все более самостоятельную экономическую и социальную политику, учитывавшую, в первую очередь, интересы коренного населения. Это стало особенно ощутимо после введения совнархозов и упразднения союзных отраслевых министерств.

Центральные власти с тревогой наблюдали за этими новыми для них процессами в республиках и, как могли, препятствовали им. Не имея теперь возможности для проведения массовых репрессий, они

¹⁶ Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк. Хроника 1978. 170 с.; Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: Народы в эшелонах: 20-60-е годы. – М.: Инсан, 1998. 368 с.

¹⁷ Сборник законодательных актов о реабилитации, принятых в государствах бывших союзных республик СССР. – М., 1992; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитациях жертв политических репрессий. – М., 1993.

взяли курс на более широкое распространение русского языка как средства межнационального общения. На этой основе в будущем предполагалось достичь национального единства страны. В новой партийной программе была поставлена задача: в ходе строительства коммунизма добиться «полного единства наций СССР», а советский народ был назван «новой исторической общностью людей различных национальностей». Но установка на русификацию системы образования привела к сокращению числа национальных школ в автономных республиках Поволжья, в Белоруссии, Молдавии, республиках Прибалтики. Это, в свою очередь, порождало новые узлы противоречий в отношениях между Центром и республиками.

Эпоха Леонида Брежнева (1964–1982 гг.), с одной стороны, была наиболее стабильной в сфере национальных отношений. Прекратились многочисленные административно-территориальные перекройки. Лояльные республиканские ЦК сохранили по целому ряду вопросов определенную свободу действий и неформальную автономию от союзного Центра. В то же самое время предпринимались меры против самовыражения националистических групп (репрессии против украинских организаций в 1965 и в 1972 гг., снятие с поста первого секретаря ЦК КП Украины Петра Шелеста, подозреваемого в симпатиях к националистам, в 1973 г.)¹⁸.

С другой стороны, имелись факты успешной националистической мобилизации – акции протеста в Грузии в апреле 1978 г., возникшие в ответ на попытку изменить статус грузинского языка как единственного официального языка в республике. К столь же успешным акциям можно отнести массовые выступления в феврале 1978 г. в Абхазии (они были приняты в расчет при принятии Конституции Абхазской АССР, в которой абхазский язык, наряду с грузинским и русским, попал в число официальных языков). В 1970-е гг. обозначилось ситуативное сближение между диссидентами-националистами и партийной верхушкой советских республик. По мере нарастания общего кризиса «реального социализма» националистический дискурс становился доминирующим. Так, сохранить контроль над Абхазией стремились и ЦК Компартии Грузии, и грузинские диссиденты. В «карабахском вопросе» были едины и лидеры подпольной Национальной объединенной партии Армении, и партийные функционеры в Ереване. По этой же проблеме был возможен консенсус между

главой азербайджанской компартии Гейдаром Алиевым и диссидентом Абульфазом Эльчибеём. По статусу Крыма были едины украинские националисты и руководство ЦК КП Украины. Ситуативный альянс между национал-коммунистической бюрократией и диссидентами-националистами облегчался тем, что инакомыслие в республиках Кавказа строилось на апелляции не столько к правам человека, сколько к правам этноса. Правозащитная риторика, конечно, присутствовала – главным образом, для внешнего потребления. Однако обычно она заканчивалась там, где речь заходила о «национальном возрождении» и «восстановлении исторических границ». Отсюда и тенденции этнической гомогенизации в союзных и автономных республиках в период между 1959 г. (первой послевоенной Всесоюзной переписью населения) и 1989 г. (последней Всесоюзной переписью). В 1970–1980-е гг. набирала обороты теневая экономика.

По справедливому замечанию грузинского социолога Георгия Нижарадзе, «советская теневая экономика – порождение советской дефицитной экономики. Ей чужд главный регулятор экономики рыночной – конкуренция. Соответственно, “советский капиталист” или комбинатор, совершенно лишен характерных свойств западного предпринимателя, из его системы ценностей заведомо исключается понятие “честного бизнеса”»¹⁹. Ввиду того, что любая коммерческая деятельность является незаконной, каждый вовлеченный в нее человек автоматически попадал в категорию «нечестных». Поскольку же формально-юридические принципы (членство в КПСС, ВЛКСМ или профсоюзах) в организации «теневого капитализма» не работали (а напротив, им препятствовали), оставалось уповать на другие факторы (клановый, этнический). В 1970 – начале 1980-х гг. «теневые капиталисты» начали срачиваться с местными властями, помогая бюрократии конвертировать ее административную власть в денежное богатство и осязаемые материальные блага.

В условиях горбачевской «перестройки» и политической либерализации этнонациональные противоречия вышли на поверхность. По справедливому замечанию российского политолога Тимура Музаева, «перестройка и демократизация общественной жизни во второй половине 80-х гг. не создали национальных проблем и движений, а лишь обнаружили их существование в Советском Союзе.

¹⁸ Зубкова Е. Ю. Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР. 1953–1985 годы // Отечественная история. 1994. № 4.

¹⁹ Нижарадзе Г. Мы – грузины // Защита будущего. Кавказ в поисках мира. – М.: Глагол, 2000. С. 124.

Гласность и ослабление партийной цензуры позволили народам СССР открыто заявить о своих национальных интересах и целях»²⁰. Точнее сказать, это сделали идеологи и активисты национальных движений, возникших на волне «перестройки». Первые тревожные сигналы для союзной власти стали поступать в 1986 г. (беспорядки в Якутске, Алма-Ате). За ними последовали публичные акции крымских татар в Узбекистане, петиционная кампания армян Нагорного Карабаха, правовые споры Тбилиси и автономий в составе Грузии, создание народных фронтов в Прибалтике. Затем в 1988-1990 гг. обозначился целый ряд конфликтных очагов в Средней Азии и Закавказье. Финалом «национального пробуждения» стало исчезновение с карты мира такого государства, как СССР, бывшего одним из основателей ООН, постоянным членом Совета Безопасности, ядерной сверхдержавой, одним из полюсов глобального противостояния в период «холодной войны».

Балансируя между этнизацией политики и стремлением к тотальному контролю над умами, собственностью и информацией, Советский Союз не обеспечил интеграции различных субъектов, оказавшихся в его составе. Как и Российская империя, он не смог сформировать единую политическую нацию (на этот раз советскую).

На его месте появилось полтора десятка признанных мировым сообществом государств (среди которых и Российская Федерация), а также непризнанные республики. Правопреемником Советского Союза стала Россия (Российская Федерация). В России за годы после распада СССР создана новая политическая система, изменены соотношения форм собственности и основы социальных отношений. Однако серьезным препятствием в движении Российской Федерации вперед по пути экономических и политических реформ являются межэтнические проблемы внутри страны и взаимоотношения с бывшими советскими республиками. В значительной степени нынешняя Российская Федерация, не являясь имперским государством, унаследовала те особенности, которые отличали ее исторических предшественников – Российскую империю и Советский Союз. Во-первых, это протяженные географические границы. Во-вторых, конституционное устройство государства, при котором значительная роль уделяется этническому фактору (существуют субъекты федерации, считающиеся результатом самоопределения

той или иной этнической группы). В-третьих, никуда не ушедшая хозяйственно-культурная диверсификация различных регионов (а также различный исторический опыт инкорпорирования в состав Российского государства). В-четвертых – стремление государственной элиты подменить задачи национальной интеграции задачами контроля над отдельными субъектами Федерации и обеспечением их лояльности.

Часть II. Типология конфликтов

Распад Советского Союза сопровождался большим количеством конфликтов, некоторые из которых перешли в вооруженную фазу (гражданская война в Таджикистане, армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха, грузино-абхазский, грузино-осетинский, российско-чеченский, осетино-ингушский, молдавско-приднестровский конфликты), а некоторые ограничились столкновениями или напряженностью в отношениях. Так, например, после распада Советского Союза Узбекистан в одностороннем порядке провел минирование пограничной полосы на границах с Киргизией и Таджикистаном. В начале 1990-х гг. в ряде республик российского Северного Кавказа были предприняты попытки разделения по этническому принципу (Дагестан, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия). По справедливому замечанию российского этнолога Валерия Тишкова, «в этой связи чрезвычайно важным уроком является растущее понимание того, что сам по себе раздел государств не решает важнейших вопросов экономического и социально-культурного преуспевания, а тем более самоопределения народов на этнической основе. Плата за разделы, включая человеческие жертвы и материальные разрушения, оказывается гораздо большей, чем в случае избрания стратегии улучшения порядка управления, в том числе и решения проблем межэтнических отношений на основе внутреннего самоопределения и демократической системы управления»²¹.

Как бы то ни было, самые ожесточенные конфликты 1990-х гг. в Европе пришлись на Балканы и постсоветское пространство. В этой

---

²¹ Тишков В. А. Многоэтничные государства и конфликты на рубеже столетий //Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад-2000. – М.: Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2001. С. 7.

---

²⁰ Музаев Т. М. Этнический сепаратизм в России. – М.: ООО «Панорама», 1999. С. 25.

связи чрезвычайно важным представляется понимание общего и особенного в генезисе этих конфликтов, а также в возможностях постконфликтного урегулирования.

В современной научной литературе существует большое количество определений межэтнического конфликта. По справедливому замечанию российского этнополитолога Михаила Саввы, «именно для этноконфликтологии характерен наибольший разброс мнений по поводу основных понятий – этнического конфликта, его производных, к которым относится конфликтный потенциал и напряженность межэтнических отношений. Данный вопрос нельзя считать чисто академическим, поскольку от понимания этнического конфликта зависит его интерпретация практиками, в том числе сотрудниками правоохранительных органов, журналистами»²². Большинство исследователей сходится на том, что этнический (межэтнический) конфликт является частным случаем конфликта социального, обладая при этом специфическими особенностями. К ним можно отнести характер субъектов (конфликтующие группы сформированы по этническому основанию) и эмоционально-иррациональный характер протекания конфликта. Валерий Тишков характеризует его как любую форму «гражданского, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны или одна из сторон мобилизуются, действуют или страдают по признаку этнических различий»²³.

По мнению Зинаиды Сикевич, «под этническим конфликтом» следует понимать такую социальную ситуацию, которая обусловлена «несовпадением интересов и целей отдельных этнических групп в рамках единого этнического пространства или этнической группы, с одной стороны, и государства, с другой»²⁴.

В последнем случае в определении жестко связаны субъекты конфликта и глубинные цели их политической активности, какими бы декларациями они не прикрывались и в каких бы формах не проявлялся сам этнический конфликт.

---

²² Савва М. В. Конфликтный потенциал межэтнических отношений на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 3 (33). С. 72.

²³ Тишков В. А. Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий // В кн.: Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. – М.: Вып. 2. Ч. 1. С. 30-31. Тишков В. А. О природе этнического конфликта // Свободная мысль. 1993. № 4. С. 4-15.

²⁴ Сикевич З. В. Социология национальных отношений. – СПб., 1999; Сикевич З. В. Межнациональные конфликты: предпосылки, мотивы, следствия // Вестник С.-Петербургского ун-та. – Сер. 6. 1993. Вып. 4. С. 61-67.

Норвежский исследователь Дэн Смит отмечает и такой важный аспект конфликта, как борьба из-за власти или доступа к экономическим ресурсам, которая носит «этническую маску». В этом случае этничность выступает как инструмент мобилизации конфликтующего общества, а также легитимации насилия, применяемого в ходе противостояния (защита своего этноса рассматривается как «приемлемая цена» для собственных жертв и жертв противников). По словам Смита, «метафора “этнической маски” призвана привлечь внимание к данной конкретной стратегии политической мобилизации, а вовсе не вызвать сомнение в реальности чувства этнической идентичности или снизить его значение, будь то время конфликта или вне его. Например, нет сомнения в том, что чеченцы, противостоящие России в войнах 90-х гг., обладают глубоким отчетливым и обостренным чувством своей этнической принадлежности». И, тем не менее, не только этнические чувства, но и «соперничество из-за власти между новыми и старыми политическими элитами во многом объясняет переход трений между Чечней и Россией в военные действия в 1994 г.». Впрочем, явление «этнической маски» присуще и другим межэтническим конфликтам (грузино-абхазский конфликт не в последнюю очередь связан с переходом от теневой к легальной частной собственности на черноморские объекты). Но главная проблема, по мнению Смита, – это «снятие этнической маски», поскольку укрепившаяся групповая идентичность на основе обид, недовольств и жертв с трудом поддается корректировке²⁵.

Тем не менее, на сегодняшний день можно зафиксировать два подхода к определению феномена межэтнического конфликта. В узком смысле, межэтническим конфликтом может считаться социальное противоборство, изначально мотивированное этническими (религиозными) причинами. В широком смысле, межэтнический (межконфессиональный) конфликт – это противостояние, в котором противоборствующие группы принадлежат к различным этническим (религиозным группам). При этом этническая (религиозная) принадлежность может конструироваться, пониматься и трактоваться по-разному, а этническая мотивация изначально может либо не присутствовать, либо быть слабо выраженной.

Узкое понимание межэтнического конфликта, с одной стороны, позволяет избежать «инфляции» самого понятия, но с другой – оно

---

²⁵ Смит Д. Причины возникновения и тенденции распространения вооруженных конфликтов // Межэтнические отношения и конфликты... С. 31.

выводит из аналитического поля тот этап развития конфликта, когда о нем еще нельзя с полной уверенностью говорить как об оформленном противостоянии. Между тем недооценка этих этапов конфликтов (назовем их протоконфликтами), зачастую рассматриваемых как банальное хулиганство или «бытовое явление», имеет значительные политические последствия. В 1950–1980-е гг. межэтнические столкновения между русскими и чеченцами, русскими и ингушами в Чечено-Ингушетии рассматривались исключительно как обычные «бытовые» конфликты. Ни массовые выступления русского населения против возвращавшихся из депортации чеченцев в 1958 г., ни проявления ксенофобии с чеченской стороны не анализировались органами власти именно как межэтническое противостояние. Прямым результатом недооценки этнической мотивации этих конфликтов стала трагедия начала 1990-х гг. в Чечне. Погромы в Сумгаите (1988 г.) и Баку (1990 г.) власти также пытались представить исключительно как девиантное поведение групп несознательных граждан. Последующая кровопролитная война между армянами и азербайджанцами из-за Нагорного Карабаха опровергла подобные утверждения.

В этой связи чрезвычайно важна классификация и типология межэтнических конфликтов. На сегодняшний день унифицированной классификации межэтнических конфликтов не существует. По форме протекания принято различать актуализированные («открытые») и латентные («скрытые») конфликты. Некоторые авторы обращают внимание на то, что особой категорией межэтнического противоборства является вооруженный конфликт (это определение может совпадать с понятием «открытый» конфликт). По мнению известного норвежского исследователя Дэна Смита, таковым является «открытое столкновение с применением оружия между двумя или более руководимыми из центра сторонами, непрерывно продолжающееся в течение какого-то времени в споре за контроль над территорией или ее управлением». Для конкретизации понятия «вооруженный конфликт» ученые из Отделения исследований мира и конфликтов Университета Упсалы (Швеция) предложили количественный критерий (25 погибших на войне в год) и качественный критерий (участие государства в конфликте, по крайней мере, на одной стороне)²⁶.

Между тем, на постсоветском пространстве практически все вооруженные межэтнические противостояния были следствием неразре-

шенных многолетних латентных конфликтов. Армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха начинался с «войны петиций и митингов», этнических погромов и только затем перерос в крупное военное противоборство. Грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликты изначально развивались как политико-правовые (статусные) споры. Осетино-ингушский этнотерриториальный конфликт был запрограммирован сталинской депортацией 1944 г. и последующей непоследовательной политикой по ликвидации ее последствий. Российско-чеченский конфликт на первом этапе сочетал в себе и политико-правовые, и исторические коллизии. В то же время формирование массовой поддержки конфликта (без чего он просто невозможен) происходило посредством апелляции к историческому прошлому (в том числе, и к имевшим место в истории военным конфликтам). Таким образом, массовые «воспоминания» о прошлых «открытых» (вооруженных) конфликтах стали фактором формирования новых конфликтов.

Правоту своих сегодняшних действий лидеры этнонациональных движений оправдывают ссылками на исторический опыт межэтнических конфликтов прошлых веков. Современные межэтнические конфликты вписываются их идеологами в широкий исторический контекст. Армянские и азербайджанские этнонационалисты апеллируют к истории военного противостояния между Первой Республикой Армения и АДР (Азербайджанской Демократической Республикой), Турцией в 1918-1920 гг. Лидеры этнонациональных движений Абхазии и Южной Осетии говорят о многолетней борьбе с происками «малой империи» (так в 1989 г. назвал Грузию известный правозащитник академик Андрей Сахаров). Идеологи чеченского сепаратизма выдвинули тезис о «четырёхсотлетней борьбе» России с Чечней (хотя в XVI в. Московское государство и некоторые чеченские лидеры только установили первые контакты). В Таджикистане же в начале 1990-х гг. экстремистские действия по отношению к противникам оправдывались тем, что представители враждебного региона в течение многих лет узурпировали (и фактически приватизировали) власть.

Однако вооруженные конфликты также не представляют собой единого явления. Эти противостояния включают в себя две фазы: военное противоборство и «замороженный» конфликт (та стадия, при которой боевые действия не ведутся, но политически конфликт не решен, то есть не найден компромисс по спорным вопросам, которые привели к самому конфликту).

Применительно к территории бывшего Советского Союза можно констатировать, что грань между «замороженным» конфликтом и

²⁶ Смит Д. Указ. соч. С. 21; Wallenstein P., Sollenberg M. Armed Conflict, 1989-1999 // Journal of Peace Research. 2000. № 5(37). Pp. 635-649.

военными действиями легко преодолима. В 1992 г. при посредничестве РФ был прекращен вооруженный грузино-осетинский конфликт и начался этап постконфликтного урегулирования. Однако стремление к изменению сложившегося status quo привело в 2004 г. не только к деградации переговорного процесса, но и возобновлению вооруженного противостояния, которое привело к «пятидневной войне» в августе 2008 г. Конфликт, имевший тенденцию к превращению в «скрытый», снова стал актуализированным. В мае 2004 г. отмечался десятилетний юбилей прекращения огня в Нагорном Карабахе. Однако представители противостоящих сторон не раз декларировали готовность к возобновлению военных действий. Более того, подобные декларации получают определенную общественную поддержку. По данным социологического исследования в рамках проекта «Южнокавказская сеть за гражданское согласие» при содействии Европейской комиссии (2002 г.), 32% опрошенных азербайджанцев и 16,6% респондентов-армян не выступают против военного решения карабахской проблемы, то есть против актуализации конфликта²⁷.

По данным азербайджанского политолога Арифа Юнусова, кривая популярности милитаристских настроений в Азербайджане после 2002 г. имеет тенденцию к росту. Ученый фиксирует также «омолаживание» милитаристских настроений (более молодое поколение, не имевшее военного опыта, поддерживает идеи военно-политического реванша, так как общество и власть активно пропагандируют их)²⁸.

Целый ряд постсоветских конфликтов остался на уровне латентных. Между кабардинцами и балкарцами в Кабардино-Балкарии, карачаевцами и черкесами в Карачаево-Черкесии, грузинами и азербайджанцами в Квемо-Картли, грузинами и армянами в Самцхе – Джавахети, русским населением Дона, Кубани, Ставрополя и мигрантами, русскими и крымскими татарами в Крыму, узбеками и киргизами на Юге Кыргызстана боевые действия не велись и не ведутся. Однако в последние 18 лет отношения между перечисленными этническими группами не единожды обострялись. Формы межэтнического противостояния в данных случаях носили менее ради-

кальный характер. К ним можно отнести массовые акции, драки, кадровые предпочтения для «своих», стеснения для «чужаков», захваты земельных участков. Нередко преступные действия по отношению к той или иной этнической группе служат инструментом для легитимации нынешнего экстремистского поведения. Так, активисты крымско-татарского национального движения оправдывают сегодняшние незаконные захваты земельных участков в Крыму тем, что в мае 1944 г. они были депортированы со своей исторической Родины. Такой же способ поведения был избран в начале 1990-х гг. лидерами чеченцев-аккинцев Дагестана (депортированных в 1944 г. вместе с основной массой чеченцев из Чечено-Ингушетии). Целый ряд межэтнических и межконфессиональных конфликтов начала 1990-х гг. в Дагестане (аварско-чеченский, кумыкско-аварский, лакско-кумыкский, противостояние русских и горских переселенцев в Кизлярском районе, конфликт между салафитами и тарикатистами) сопровождался насилием. Однако эти конфликты не переросли в военное противостояние и к концу 1990-х гг. перешли в разряд латентных противостояний.

Другой тип классификации межэтнических конфликтов – по особенностям статуса противостоящих сторон. Так, российский социолог Леокадия Дробижева предложила четыре типа межэтнических конфликтов. Это: статусные институциональные конфликты в союзных республиках, переросшие в борьбу за независимость; статусные конфликты в автономных республиках и областях, возникшие в результате борьбы за повышение статуса республики или его получение; этнотерриториальные конфликты; межгрупповые (межобщинные) конфликты, вырастающие на основе бытового национализма²⁹.

Более подробную типологию с включением целевого и динамического аспектов протекания этнического конфликта представила в своих работах Зинаида Сикевич. В зависимости от целей конфликтующих сторон, она выделяет пять типов конфликтов: культурно-языковой, социально-экономический, статусный, территориальный и сецессионный, а затем показывает, как в зависимости от степени напряженности и стадии развития конфликт перетекает из одного типа в другой. На первой фазе декларируются ценностно-символические притязания. Это может быть требование возрождения языка, куль-

²⁷ Абасов А., Хачатрян А. Карабахский конфликт. Варианты решения: идеи и реальность. Изд. 2, исправленное и дополненное. – М.: Международные отношения, 2004.

²⁸ Юнусов А. Азербайджан в начале XXI века: конфликты и потенциальные угрозы. – Баку: Адилоглу, 2007.

²⁹ Дробижева Л. М. Этнополитические конфликты. Причины и типология (конец 80-х – начало 90-х гг.) // Россия сегодня: трудные поиски свободы. – М.: ИЭАРАН, 1993.

турных традиций и др. (культурно-языковой тип). На второй стадии наблюдается расширение требований, включающее уже изменение экономического положения и социального статуса этногруппы (социально-экономический и статусный типы), а в третьей фазе претензии расширяются до территориальных притязаний в рамках одного государства (территориальный тип конфликта) или притязаний на оформление собственной государственности (сецессионистский тип конфликта)³⁰.

Все межэтнические конфликты постсоветского пространства изначально складывались и развивались как внутригосударственные. Все будущие независимые государства Юга Кавказа, Центральной Азии, Прибалтики, северокавказские национально-территориальные образования в составе РФ, непризнанные государства и неконтролируемые территории до 1991 г. входили в состав одного признанного ООН государства – СССР. Армяно-азербайджанский, грузино-абхазский, грузино-осетинский, российско-чеченский конфликты в позднесоветский период развивались как конфликты между руководством союзных и автономных республик, как противостояние принципов территориальной целостности и права на этнонациональное самоопределение. Осетино-ингушский конфликт, с одной стороны, был конфликтом различных этнических групп, а с другой – территориальным спором. Что же касается латентных конфликтов, то противостоящими сторонами в них и до и после распада Союза ССР были представители различных этнических групп (грузины и армяне, карачаевцы и черкесы, кабардинцы и балкарцы, лакцы и кумыки). После распада СССР армяно-азербайджанский конфликт трансформировался в межгосударственный.

Однако, по справедливому замечанию российского дипломата Владимира Казиминова, «специфика карабахского конфликта в том, что в нем сторон, как минимум, “две с половиной”»³¹. В военных действиях, конечно, были две сражающиеся стороны (формирования карабахских армян вместе с регулярными частями Республики Армения составляли одну из них), но в политическом плане их было три (Баку-Степанакерт-Ереван). Таким образом, армяно-азербайджанский конфликт рассматривался (по крайней мере, в азербайджанской интерпретации) не только как борьба двух государств, но и как борьба с «карабахским сепаратизмом». Выход национальных

республик из состава Советского Союза спровоцировал сецессионистские настроения бывших автономий. Грузино-осетинский, грузино-абхазский, российско-чеченский конфликты стали противостоянием центральной государственной власти и сепаратистских образований.

При этом определение «сепаратист» в равной степени использовалось противостоящими сторонами. Для лидеров непризнанных Абхазии и Южной Осетии в роли сепаратиста в 1989-1991 гг. выступала Грузия, вышедшая из состава СССР и тем самым предоставившая возможность для этнонационального самоопределения осетин и абхазов. По справедливому замечанию профессоров Соили Нистен-Хаарала и Дмитрия Фурмана, «проблема права на отделение от государства, сецессию, для России более важна и актуальна, чем для множества других стран. Россия в ее современной форме сама возникла относительно недавно, в 1991 г., в результате борьбы и победы движения, возглавляемого бывшим президентом Б [орисом]. Ельциным, добившегося революционным (не конституционным или «фиктивно конституционным») путем реализации для России “права на самоопределение вплоть до отделения (сецессии)” от СССР. То, что слово “сепаратизм” по отношению к движению, создавшему современную Россию, не употреблялось (как потому, что его руководители избегали прямо говорить об отделении, так и потому, что отделение от СССР его центральной республики означало не уменьшение государства при сохранении “государства – обрубка”, а просто его ликвидацию), принципиального значения не имеет. В правовом отношении антисоюзное движение российских демократов было таким же сепаратистским, как и движения за отделение в других республиках, входивших в СССР»³². Действительно, в последствии успех этого движения был объявлен на площадях и улицах Грозного как прецедент для самоопределения Чечни. Идеологи «чеченской революции» призывали отказаться от двойных стандартов и квалифицировали антисоветские действия российского руководства в 1990-1991 гг. как сепаратизм.

Осетино-ингушский конфликт сохранил формат внутригосударственного территориального. Наиболее яркие примеры конфликтов между различными этническими группами продемонстрировал Даге-

³⁰ Сикевич З. В. Указ. соч.

³¹ Цит. по: Абасов А., Хачатрян А. Указ. соч. С. 70.

³² Нистен-Хаарала С., Фурман Д. Е. Право на отделение / В кн.: Бьюкенен А. Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. – М.: Рудомино, 2001. С.204.

стан. Это – самое полиэтничное национально-территориальное образование в составе России, в котором отсутствует «титовая нация» и определяющую роль играет этнический баланс сил. Нарушение этого баланса, достигнутого в советские годы в обход официальной партийной иерархии, и поиск нового соотношения сил стали источниками серии межэтнических противостояний начала 1990-х гг. Установление нового этнического равновесия в дагестанской власти в 1994 г. способствовало снижению уровня этнической конфликтности в республике. Несмотря на то, что накануне распада СССР в Таджикистане «титовая нация» (таджики) составляла 65% от общей численности населения, конфликт был во многом спровоцирован этнорегиональными различиями (противостоянием между ленинабадцами и кулябцами с одной стороны, каратегинцами и памирцами – с другой).

Российские этнополитологи Эмиль Паин и Аркадий Попов предложили разделить межэтнические конфликты на конфликты стереотипов, конфликты идей и конфликты действий. Первый тип, по классификации Паина-Попова, совпадает с определением латентного конфликта. При таком конфликте этническая мотивация только формируется и не является доминирующей. Под определение «конфликта стереотипов» подходят фактически все латентные конфликты на Большом Кавказе и в Центральной Азии. Конфликт идей – это структурирование политических претензий противостоящих сторон. Под это определение подходит первый этап всех межэтнических конфликтов на территории Кавказа, Молдовы, переросших впоследствии в вооруженное противостояние. Для межэтнического противостояния «конфликт идей» чрезвычайно важен. Он позволяет легитимизировать насилие ради великих целей – восстановления утраченных территорий, консолидации нации, достижения исторической справедливости. «Конфликт действий» – понятие, тождественное актуализированному конфликту. Фактически схема Паина – Попова представляет модель истории любого из межэтнических конфликтов на постсоветском пространстве³³.

Чрезвычайно продуктивный подход к классификации межэтнических конфликтов предложил американский политолог Дональд Горовитц. Он основан на специфике соотношения уровней экономического развития и социальной модернизации сепаратистских регионов и этнических общностей в сравнении со средним для государств-

ва в целом и доминирующего большинства его населения – в частности. Согласно Горовитцу, возможны четыре варианта конфликтов: сепаратизм отсталой этнической группы в отсталом регионе страны, сепаратизм отсталой группы в развитом регионе, сепаратизм развитой этнической группы в отсталом регионе страны, сепаратизм развитой группы в развитом регионе страны³⁴. Очевидно, что понятия «отсталый» и «передовой» являются оценочными и субъективными, требуют уточняющих критериев. Вместе с тем очевидно, что мотив «отсталости» и «развитости» является одним из ключевых в идеологии как сепаратистов, так и их противников. Призыв превратить «отсталую» Чечню во «второй Кувейт» посредством сецессии стал одним из главных лозунгов Джохара Дудаева и его команды. Мотив освобождения «передовой христианской армянской культуры» от «отсталого» Азербайджана не раз звучал из уст лидеров карабахского армянского движения. Идея культурного превосходства не раз высказывалась представителями осетинского националистического движения по отношению к ингушам (наиболее популярен тезис осетинских интеллектуалов о «набеговом» характере ингушского общества). В то же время, для грузинского национализма характерны представления о «дикости» «абхазов и южных осетин» по сравнению с передовой культурной «европейской Грузией». Тезис о том, что индустриально развитое Приднестровье противостоит аграрной патриархальной Молдове, является составной частью приднестровского идеологического проекта. Говоря о современном чеченском сепаратизме, нельзя не отметить такую его причину, как отсутствие у чеченцев традиций собственной государственности, а значит и неукоренности всего комплекса представлений о государственном праве. Сам по себе данный факт не говорит в пользу отсталости или развитости чеченского этноса. Однако значительная роль неформального неписаного права, его приоритет над формальным законом должны рассматриваться как важная предпосылка масштабного кавказского межэтнического конфликта. Подход Горовитца позволяет также проанализировать такую проблему межэтнического противостояния и постконфликтного урегулирования, как полиюридизм (или правовой плюрализм), то есть сочетание в повседневной жизни народов Кавказа и Центральной Азии государственного, религиозного

³³ Паин Э. А., Попов А. А. Межэтнические конфликты в СССР // Советская этнография. 1990. № 1.

³⁴ Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkley, 1985; Horowitz D. Structure and Strategy in Ethnic Conflict // Paper prepared for the Annual World Bank Conference on Development Economics, Washington, D.C., April 20-21, 1998.

(шариат), обычного (адаты) права. Учет различных правовых традиций и практик может стать как фактором «разогрева» конфликтов, так и фактором их «замораживания».

Межэтнические конфликты различаются также по целям, декларируемым противоборствующими сторонами. Выделяются статусные, этнотерриториальные, культурно-языковые конфликты. Первая группа конфликтов возникает из-за стремления этнической группы (автономии, республики) повысить свой статус или добиться сепарации, реализовав право на самоопределение. Этнотерриториальные конфликты предполагают борьбу за ту или иную территорию, защиту «своей земли». Культурно-языковые конфликты возникают на основе требований разрешить и оказать содействие усилию по сохранению или возрождению языка и культуры этнического меньшинства в частной или общественной жизни. Для постсоветского пространства характерно то, что статусные и этнотерриториальные конфликты практически всегда совпадают. Так, борьба Абхазии или Чечни за повышение своего статуса фактически изначально предполагала самоопределение на «своей территории»³⁵.

Важной особенностью постсоветского пространства являлось преобладание межэтнических конфликтов над межконфессиональными. Фактически только гражданская война в Таджикистане была исключением из этого правила. В этом противостоянии (1992-1997 гг.) религиозный фактор наряду с этнорегиональным с самого начала играл ключевую роль. Это был конфликт сторонников светской модели государственности и поборников исламского пути. В грузино-абхазском и в грузино-осетинском конфликтах христиане оказывались на противоположных сторонах (в абхазском обществе 70% – православные христиане и только 30% – мусульмане, в Южной Осетии, в отличие от Северной Осетии, христианство гораздо сильнее укоренено). В случае же осетино-ингушского конфликта 1992 г. осетины-мусульмане предпочитали этническую солидарность религиозной идентичности (хотя в знаменитом для Северной Осетии городе Беслане доминирует мусульманская осетинская община). В российско-чеченском конфликте до середины 1990-х г. ислам не играл сколько-нибудь значимой роли (использовался как второстепенный инструмент для политической легитимации независимости Чечни). Только в 1996-1997 гг. «исламский фактор» вышел на первый план и в Чечне, и

на Северном Кавказе в целом. Это было связано, во-первых, с провалом чеченского независимого государства, во-вторых, с обозначившимися этническими конфликтами. В этой связи радикальный ислам рассматривался как универсальная альтернатива и национализму, и прежним идеологиям, привнесенным центральной властью (коммунизм, либерализм, социал-демократия). Впрочем, не только в вооруженных, но и в латентных конфликтах религиозный фактор играл подчиненную роль. Крымско-татарское движение (в подавляющем большинстве представленное мусульманами), рассматривающее себя в качестве политического оппонента пророссийских сил в Крыму, солидаризируется с официальной украинской властью (которая претендует на учреждение своего национального православного патриархата). Между тем, русское движение Крыма не выступает единым фронтом с «единоверной» властью независимой Украины.

Подобное явление объясняется несколькими причинами:

– государственные образования бывшего СССР, а также непризнанные республики в течение 70 лет входили в состав советского государства, с одной стороны, проводившего политику государственного атеизма, а с другой – способствовавшего правовой институционализации этничности. Религиозность запрещалась, в то время как этничность культивировалась;

– ислам и православие в регионах бывшего Советского Союза имеют существенные особенности. Кавказское, молдавское, украинское православие, кавказский и среднеазиатский ислам являются феноменами, весьма отличающимися от принятых стандартов;

– этническая консолидация на Кавказе и в Центральной Азии развита сильнее, чем конфессиональная. Более того, между различными направлениями ислама (суфизм и салафия³⁶) в двух упомянутых регионах существуют серьезные и подчас непримиримые противоречия. Что же касается христианского «мира» на постсоветском пространстве, то лидеры Русской православной церкви (Московский Патриархат) гораздо в большей степени готовы к диалогу с представителями традиционного ислама (ассоциированного с властью), чем с ка-

³⁶ Салафия (от арабского «салафа» – «изначальное») – направление в исламе, последователи которого выступают против «новшеств» (того, что они считают заимствованиями из других религий) и рассматривают себя в качестве поборников первоначального ислама (его фундамента). В российской публицистике их идентифицируют как «ваххабитов». Сами салафиты рассматривают термин «ваххабит» как ругательное прозвище или политический ярлык.

³⁵ Маркедонов С. М. Кавказ в поисках «своей земли». Проблемы легитимности и безопасности в регионе // Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 2(32).

толическими или протестантскими проповедниками. Таким образом, можно говорить о существовании надконфессиональной идентичности («традиционные конфессии»). Ее основой является представление об исторических «корнях» в регионах бывшего СССР.

В этом плане весьма проблематичным кажется рассмотрение постсоветских межэтнических конфликтов (как вооруженных, так и латентных) в свете популярной концепции «столкновения цивилизаций» или «межцивилизационных конфликтов» (в основе которых лежит противостояние религиозных систем). Между тем, в период после распада Советского Союза нерелигиозные компоненты оказывали и оказывают существенное влияние на формирование ценностей, норм и институтов государств и социально-культурных общностей региона. Среди основных идентификационных блоков можно назвать:

- этнический (принцип «крови»), начиная от кровнородственного уровня идентификации (тейп, клан), субэтнического, регионального до суперэтнического (тюркский мир, славянский мир, вайнахский мир);

- надэтнический (советская общность, российская общность, «казахстанцы», «народ Украины», региональные надэтнические общности – кавказец, южанин и другие);

- национально-государственный (отождествление себя с определенным государством и лояльностью вне зависимости от этнической или религиозной принадлежности, лезгин-гражданин Азербайджана, армянин-гражданин Грузии, чеченец-гражданин РФ, узбек-гражданин Кыргызстана или Таджикистана);

- хозяйственно-культурный (кочевники и оседлые, горцы и жители равнин);

- социальный (принадлежность к той или иной социальной страте);

- позиционирование по отношению к традиции и инновации, идентификация себя с традиционным обществом или модернизационным проектом.

Ни один из перечисленных выше компонентов, включая и религиозный, невозможно раз и навсегда ранжировать по степени важности. Постсоветские межэтнические «разломы», равно как и интеграционные проекты, историчны. В каждом конкретном случае на первом плане оказываются этничность, региональная принадлежность, религиозность или хозяйственный уклад.

Часть III. География межэтнических конфликтов на постсоветском пространстве. Большой Кавказ

Кавказский регион берет свое название от Кавказского горного хребта. Кавказский хребет – своеобразная разделительная линия между Северным Кавказом и Закавказьем (Южным Кавказом). Большой Кавказ – это историко-культурная и географическая область, ограниченная Черным морем на западе, Каспийским морем на востоке, нижним течением Дона и Кума-Манычской впадиной на севере и бывшей границей СССР с Ираном и Турцией – на юге. Сегодня Большой Кавказ включает в себя четыре государства, признанные международным сообществом. Это – Россия (на территории российского Северного Кавказа, превышающей по площади все три независимые страны Южного Кавказа, находятся семь субъектов РФ полностью и два частично), Азербайджан, Армения и Грузия.

«Безопасность – это слово, имеющее частное и общественное значение. В последние несколько лет в Кавказском регионе произошел коллапс безопасности в обеих сферах». Со словами эксперта Лондонского Института мира и войны Томаса де Ваала трудно не согласиться³⁷. Понятия «Кавказ» и «конфликты» (равно как «Кавказ» и «война», «Кавказ» и «беженцы») тесно связаны позднесоветской и постсоветской историей. Из восьми вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве шесть имели место в Кавказском регионе. Это – армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха, грузино-осетинский и грузино-абхазский конфликты, гражданская война в Грузии в 1993 г., осетино-ингушский и российско-чеченский конфликты (последние два – на территории Российской Федерации). До сих пор ни один из межэтнических конфликтов на Кавказе не урегулирован до конца. Конфликтное урегулирование в Карабахе, Южной Осетии, Абхазии, Пригородном районе Республики Северная Осетия не стало необратимым процессом.

Напротив, начиная с 2004 г., мы можем говорить о «разморозке» некоторых конфликтов на Большом Кавказе, то есть попытках изменить сложившийся баланс сил и правовой статус-кво с использованием силы. Это привело к двум военным столкновениям в Южной Осетии (август 2004 г. и так называемая «пятидневная война» авгу-

---

³⁷ Ваал Т. де. Угрозы безопасности на Южном Кавказе // Вестник Европы, 2002. № 7-8. С. 35-38.

ста 2008 г.), эскалации насилия в Абхазии (в 2006-2008 гг.). В результате «разморозки» двух конфликтов произошло коренное изменение геополитического ландшафта не только Большого Кавказа, но и всего постсоветского пространства. Независимость двух де-факто государств – Абхазии и Южной Осетии – была признана Россией (26 августа 2008 г.) и с определенными нюансами Никарагуа (5 сентября 2008 г.), Венесуэлой (10 сентября 2009 г.) и Науру (15-16 декабря 2009 г.)³⁸.

Россия, таким образом, из медиатора и миротворца окончательно не только фактически, но и юридически превратилась в гаранта самоопределения двух бывших автономий Грузинской ССР. Таким образом, впервые после 1991 г. был создан прецедент пересмотра государственных границ между республиками бывшего Советского Союза. На фоне Абхазии и Южной Осетии ситуация в зоне нагорно-карабахского конфликта выглядит локальным сюжетом (здесь нет радикальных изменений статус-кво, которые бы затрагивали и самих участников конфликта, и заинтересованные стороны). Однако и здесь, начиная с 2006 г., фиксируется увеличение количества перестрелок на линии прекращения огня (или «линии фронта», как называют полосу разделения конфликтующих сторон в Армении и Азербайджане). В марте 2008 г. произошло самое крупное нарушение режима прекращения огня, начиная с перемирия, достигнутого в мае 1994 г. между конфликтующими сторонами.

Именно Кавказ стал своеобразным «поставщиком» как непризнанных (де-факто) государственных образований на постсоветском пространстве – таких, как Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия, так и самопровозглашенных республик, просуществовавших от

нескольких дней и месяцев до нескольких лет³⁹. Из четырех ныне существующих де-факто государств постсоветского пространства три расположены в Кавказском регионе. При этом два из них – Абхазия и Южная Осетия – в августе 2008 г. стали частично признанными (их независимость не признается ООН и другими международными институтами, но признается РФ – постоянным членом Совета Безопасности ООН с правом вето, а также членом «ядерного клуба»).

При этом идеологическая база де-факто государств и самопровозглашенных республик была различной (в большинстве случаев – этнический национализм, а также исламский фундаментализм салафитского толка).

В ноябре 1990 г. на территории Дагестана были провозглашены Казачье-Ногайская Республика и Кумыкская Республика (в январе 1991 г. был даже сформирован Милли Маджлис этой республики). В сентябре 1991 г. на Первом общенациональном съезде лезгин была принята Декларация о восстановлении государственности лезгинского народа и провозглашении Республики Лезгистан. Тогда же был избран Лезгинский национальный Совет (высший представительный орган) этого этнонационального движения. 17 ноября 1991 г. на втором заседании Съезда балкарского народа была провозглашена Республика Балкария в составе РСФСР. Второй попыткой провозгласить Республику Балкария в качестве отдельного субъекта (вне состава Кабардино-Балкарии) стало четвертое заседание Съезда балкарского народа 17 ноября 1996 г. Тогда же был избран и высший орган самопровозглашенной Балкарии – Государственный Совет. В декабре 1991 г. Первый съезд кабардинского народа принял решение о «восстановлении государственности Кабарды» и избрал Национальный Совет Кабардинского народа, который был объявлен его «высшим органом вла-

³⁸ В случае с Никарагуа, Венесуэлой и Науру независимость двух бывших автономий Грузии не прошла процедуру парламентской ратификации. Никарагуанский президент Даниэль Ортега издал два декрета (№№ 46-47) о признании их независимости. Тексты декретов доступны по адресам: http://www.cancilleria.gob.ni/publicaciones/r_osetia_s.pdf и http://www.cancilleria.gob.ni/publicaciones/r_abjasia.pdf

10 сентября 2009 г. Никарагуа установила дипломатические отношения с Абхазией. В случае с Венесуэлой президент этой страны Уго Чавес сделал декларацию о признании независимости Абхазии и Южной Осетии, а через некоторое время появилась также официальная нота МИД Венесуэлы о признании абхазской независимости. Самая маленькая страна мира Науру установила дипломатические отношения с Абхазией (15 декабря) и Южной Осетией (16 декабря).

³⁹ Следует различать непризнанные государства (государства де-факто) и самопровозглашенные республики. Де-факто образованиям, несмотря на отсутствие международного признания, удалось выстроить свою государственность (с правительством, президентом, парламентом, бюджетом, армией, контролем центральной власти над всей территорией де-факто образования, пройти процедуры выборов и смены власти, создать свою политическую и гражданскую идентичность). По словам известного британского журналиста и политолога Т. де Ваала, большое количество де-факто государств на Большом Кавказе – это «мировой рекорд и не имеет смысла это, как временное явление, которое само по себе исчезнет». (См.: Ваал Т. де. Угрозы безопасности на Южном Кавказе // Вестник Европы. 2003. Т. VII-VIII. С. 38.) Самопровозглашенные республики на этом пути постигла неудача.

сти». На территории Карачаево-Черкесии было в 1991 г. провозглашено пять (!) республик. В июле 1991 г. Чрезвычайный съезд карачаевского народа принял Декларацию о государственном суверенитете Республики Карачай и создал Временный комитет по восстановлению карачаевской государственности. Вслед за карачаевцами вопрос о самоопределении поставили казаки. Летом 1991 г. казачьи активисты провели референдум в местах компактного проживания русского населения о создании Казачьей республики. 64,8% участников высказались положительно, отвечая на данный вопрос. 10 августа 1991 г. была провозглашена Баталпашинская республика. А через неделю 17 августа 1991 г. – Зеленчукско-Урупская республика. Осенью 1991 г. абазины и черкесы (адыгские этнические группы) также внесли свой вклад в «парад суверенитетов». В сентябре 1991 г. была провозглашена Республика Абаза, а в октябре 1991 г. – Черкесская Республика. При этом Урупско-Зеленчукская республика просуществовала почти полгода в режиме двоевластия (атаманская власть и районная власть де-юре Карачаево-Черкесской республики). В 1993 г. Азербайджан помимо армянского сепаратизма столкнулся с сепаратизмом тальшским (тальши – ираноязычный народ, проживающий на Юге Азербайджана). В июне 1993 г. в Ленкорани была провозглашена Тальш-Муганская Республика во главе с полковником азербайджанской армии Аликрамом Гумбатовым. Однако этот опыт не удался, в августе 1993 г. Гумбатов был арестован, после чего началась маргинализация тальшского политического движения.

Гораздо больше времени просуществовала самопровозглашенная Чеченская Республика Ичкерия. В 1991 по 1994 гг. и в 1996-1999 гг. предпринимались попытки построить Чеченское государство де-факто (сначала как светский националистический проект, а затем, как исламское государство). Однако и в первом, и во втором случаях опыт государственного строительства завершился провалом. Вместо государственных институтов в Чечне существовала федерация «полевых командиров».

В августе 1998 г. в селах Карамахи, Чабанмахи, Кадар Буйнакского района Дагестана исламские радикалы заявили об отказе подчиняться официальным властям Дагестана и о создании «Отдельной исламской территории», внутри которой произошла ликвидация официальной власти силовых структур, введение шариатского судопроизводства и вооруженных постов по защите «суверенитета» данной территории. «Отдельная исламская территория» была ликвидирована 12 сентября 1999 г. в ходе операции российской армии и внутренних войск.

Кроме де-факто государств и самопровозглашенных республик на территории Кавказа в период после распада СССР существовали неконтролируемые территории («серые зоны»), не имеющие даже и непризнанных государственных институтов. К таковым можно отнести западные области Грузии в начале 1990-х гг., Кодорское ущелье («Абхазская Сванетия») в 1994-2006 гг.

Помимо актуализированных («открытых») конфликтов в Кавказском регионе развиваются латентные («скрытые») конфликты. Между кабардинцами и балкарцами в Кабардино-Балкарии, карачаевцами и черкесами в Карачаево-Черкесии, грузинами и азербайджанцами в Квемо-Картли, грузинами и армянами в Самцхе-Джавахети, азербайджанцами и лезгинами в северной части Азербайджана, русским населением Дона, Кубани, Ставрополя и мигрантами, аварцами и чеченцами-аккинцами, кумыками и даргинцами в Дагестане боевые действия не велись и не ведутся. Однако, начиная с 1991 г., отношения между представителями перечисленных выше этнических групп не единожды обострялись. Формы межэтнического противоборства в данных случаях носили менее радикальный характер (массовые акции, драки, кадровые предпочтения для «своих» и стеснения для «чужаков»).

Сегодняшний Кавказ является одним из самых милитаризованных регионов мира. По совокупному военному потенциалу регион ненамного уступает Ближнему Востоку. Независимые государства Южного Кавказа обладают военным потенциалом, сравнимым с потенциалом средней европейской страны. Численность азербайджанской армии определяется в 95 тыс. человек, армянской – в 53 тыс. (при численности населения в 3 млн. человек), грузинской – около 30 тыс. человек. Помимо военных машин признанных государств существуют вооруженные силы де-факто государств. В Абхазии – это 5 тыс. человек, в Южной Осетии – 3 тыс. человек (не считая резервистов). В Нагорном Карабахе (чья армия интегрирована с вооруженными силами Армении) – это порядка 18-20 тыс. человек. До 2008 г. в Абхазии и в Южной Осетии находились также российские миротворцы (действовавшие там по разным мандатам). Начиная с августа прошлого года, их статус изменился, ведутся переговоры с руководством де-факто государств о создании на их территории российских военных баз⁴⁰.

⁴⁰ Цыганок А. Д. Пороховая бочка Евразии. Милитаризация Кавказа угрожает опасными последствиями // Независимое военное обозрение. 2009. 2 сентября.

Если же говорить о российском Северном Кавказе, то вся его территория входит в состав самого многочисленного Северо-Кавказского военного округа Министерства обороны РФ (это порядка 70 тыс. военнослужащих) и Северо-Кавказского регионального командования внутренних войск МВД РФ. Он также является самым крупным, включающим в себя 60% численности всех внутренних войск России, которая оценивается в 200 тыс. человек. Одним из самых многочисленных среди аналогичных подразделений страны является также Региональное пограничное управление ФСБ РФ по Южному федеральному округу (два погранотряда дислоцированы на чеченском участке российской границы). Но помимо официальных «силовых структур», на Северном Кавказе действуют также разрозненные отряды чеченских сепаратистов, джамааты исламских радикалов (такие, как джамаат «Шариат» или «Дженнет» в Дагестане, джамаат Карачаево-Черкесии и другие). Помимо этого существуют также многочисленные полувоенные формирования (службы безопасности и охраны, формирования неокказков).

Большая часть конфликтов («открытых» и «скрытых») на территории российского Кавказа тесно связана с конфликтами в бывших республиках советского Закавказья, и наоборот. В этой связи мы можем говорить о феномене «связанных конфликтов», разрешение которых может быть наиболее успешным только в комплексе.

Армяно-азербайджанское противостояние из-за Нагорного Карабаха привело к значительному перемещению армянских беженцев на территорию Краснодарского и Ставропольского краев. По официальным данным, с 1989 по 2001 гг. количество армян Кубани увеличилось на 42,52% (на 244 783 человек, то есть 3,7% его национального состава). Сегодня армяне – это 12% населения Туапсе, 15% – Сочи, 38% – Адлера⁴¹. Таким образом, «армянский вопрос» стал в Краснодарском крае одним из важнейших общественно-политических факторов, а антиармянская (мигрантофобская) риторика – одним из способов политической легитимации краевой элиты, списывающей собственные просчеты на чужаков-мигрантов.

Одним из ярких примеров «связанных» этнических конфликтов является «осетинская проблема». Грузино-осетинский конфликт стал первым межэтническим противоборством в постсоветской Грузии,

переросшим в масштабное вооруженное столкновение в январе 1991 – июле 1992 гг. Этот конфликт оказал существенное воздействие на ход и результаты первого межэтнического конфликта на территории РФ – осетино-ингушского. Военная фаза последнего пришлась на октябрь-ноябрь 1992 г. В результате эскалации грузино-осетинского противостояния в Северную Осетию в начале 1990-х гг. прибыли порядка 43 тыс. беженцев из Южной Осетии и внутренних районов Грузии. Беженцы способствовали радикализации этнонационалистических настроений в североосетинском обществе. В это же время лидеры Северной Осетии и североосетинские националисты оказались вовлечены в другой межэтнический конфликт, осетино-ингушский. В значительной степени беженцы из Южной Осетии стали массовой опорой радикалов Северной Осетии, требовавших сохранения «территориальной целостности» своей республики. Результат – появление 40 тыс. (по ингушским данным – более 70 тыс.) вынужденных переселенцев – ингушей.

Грузино-абхазский конфликт способствовал консолидации адыгских этнонациональных движений («черкесского мира») в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгее, а также активизации Конфедерации горских народов Кавказа, сыгравших свою значительную роль в грузино-абхазском конфликте 1992-1993 гг. И сегодня «черкесский мир» – один из важнейших участников (хотя часто не декларирующих свое участие) грузино-абхазского противостояния.

Выдавливание из Грузии кварельских аварцев в начале 1990х гг. привело к завязыванию конфликтного узла на Севере Дагестана. Переселяющиеся в Кизлярский и Тарумовский районы Дагестана аварцы (представляющие горский хозяйственно-культурный тип) вступили в конфликт с русскими и ногайцами (представителями равнинного хозяйственно-культурного типа). Как следствие – отток русского населения из северных районов Дагестана. Проблемы этнонационального развития дагестанских народов Азербайджана (лезгины, аварцы) находятся в сфере пристального внимания как властной элиты Дагестана, так и общественно-политических движений различных этнических групп этой республики.

Проблемы лезгинского и аварского меньшинства в Азербайджане, конфликт из-за Нагорного Карабаха, «чеченский фактор» на протяжении всех 1990-х гг. существенно ухудшали двусторонние российско-азербайджанские отношения. В российско-грузинских двусторонних отношениях, помимо абхазско-осетинских проблем, не

---

⁴¹ Маркедонов С. М. Этнический и религиозный фактор в общественно-политических процессах Кавказского региона. – М.: МАКС Пресс, 2005.

менее важна стабилизация ситуации в Ахметском районе Грузии (Панкисское ущелье).

«Пятидневная война» в Южной Осетии в августе 2008 г. снова подняла политическую роль северокавказских республик. В военных действиях против Грузии принимал участие батальон «Восток» (составленный из этнических чеченцев). Представители этнонационалистических движений Северной Осетии и Кабардино-Балкарии выразили готовность отправить добровольцев в зоны конфликтов, однако в прошлом году (в отличие от начала 1990-х гг.) массового участия волонтеров не произошло. Возможности для мобилизации населения под лозунгами «защиты братьев» абхазов и осетин были снова воочию продемонстрированы. В то же самое время Ингушетия (из-за осетино-ингушского конфликта) стала единственной республикой России, отказавшейся принимать беженцев из Южной Осетии.

Грузино-осетинский конфликт

В августе 2008 г. многолетний грузино-осетинский конфликт вылился в «пятидневную войну». За 17 лет это третье вооруженное противостояние между Грузией и Республикой Южная Осетия, де-юре признаваемой (в том числе и Россией до 26 августа 2008 г.) частью грузинского государства. Однако нынешнее противостояние качественно иное, чем два предыдущих, поскольку в нем напрямую участвовали Вооруженные силы Российской Федерации. Если в период грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. мы имели дело с самостоятельностью отдельных военнослужащих РФ, то на сей раз действия Российской армии были не просто поддержаны на официальном уровне. Кремль оценил их как операцию по «принуждению Грузии к миру», призванную спасти осетинский народ от масштабной гуманитарной катастрофы. В отличие от предыдущих грузино-осетинских вооруженных противостояний (1991–1992, 1992–1993, 2004 гг.), в нынешний конфликт активно вовлечены США и государства Европейского Союза. Активность продемонстрировала Украина, которая пыталась сдерживать действия российского Черноморского флота во время военной операции против Грузии. В первый раз Тбилиси вел борьбу с сепаратистскими образованиями (Абхазией и Южной Осетией) одновременно – «на два фронта». События в Южной Осетии и вокруг нее стали едва ли не главным вопросом международной повестки дня. В первые сутки «пятидневной войны» Совет Безопасности ООН трижды собирался для обсуждения ситуации на Кавказе.

Грузино-осетинский конфликт был первым межэтническим противоборством в постсоветской Грузии, переросшим в масштабное вооруженное столкновение. Юго-Осетинская автономная область в составе Грузинской ССР – исторический предшественник непризнанного государственного образования Республика Южная Осетия – была образована 20 апреля 1922 г. Ее территория составляла 6,5% территории Грузии (3,84 тыс. кв. км). Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Юго-Осетинской АО проживали 98,5 тыс. человек. Из них 63,2 тыс. – осетины, 28,5 тыс. – грузины, 2,1 тыс. – русские, 0,9 тыс. – представители еврейских этнических групп. Численность осетин в Грузии в 1989 г. составляла 165 тыс. (порядка 3% населения)⁴². Около 100 тыс. осетин проживали во внутренних районах Грузии (наиболее крупными были осетинские общины в Тбилиси, Гори, Рустави). Правовой статус Южной Осетии в докризисный период регулировался Законом о Юго-Осетинской АО, который был принят в 1980 г.

В своем развитии конфликт прошел несколько этапов – от локального (даже не регионального) противостояния, малоизвестного и малоинтересного мировому сообществу, до события международного значения.

Первый этап (1988–1989 гг.) можно назвать идеологическим. В этот период противоборствующие стороны обозначили главные претензии друг к другу, а также сформировали основополагающие этнополитические мифологемы будущего конфликта. Например, грузинские историки и журналисты стали говорить об осетинах как о «пришельцах на грузинской земле», «выходцах из Северного Кавказа», а осетины актуализировали тему «аланского брательства» (в современном осетинском историко-политологическом нарративе аланы рассматриваются как предки осетин).

Второй этап (1989–1991 гг.) – политико-правовой. В течение двух лет грузинская и осетинская сторона вели друг с другом законотворческую («статусную») войну. 20 сентября 1989 г. были опубликованы проекты законов Грузинской ССР, ущемлявшие права Юго-Осетинской АО. Чуть менее чем два месяца спустя, 10 ноября, на сессии народных депутатов Юго-Осетинской АО было принято решение о преобразовании области в автономную республику в со-

---

⁴² Скаков А. Ю. Южная Осетия: демография, экономика, политика /В кн. Грузия: проблемы и перспективы. – М: Российский институт стратегических исследований, 2002. Т. 2. С. 167.

ставе Грузии. Эту акцию в Тбилиси восприняли крайне негативно, поскольку Южная Осетия повышала свой статус в одностороннем порядке. 16 ноября 1989 г. Президиум Верховного Совета Грузинской ССР отменил решение югоосетинского областного Совета. Еще через неделю прошел многотысячный антиосетинский марш грузинских националистов на Цхинвали, столицу Юго-Осетинской АО, появились первые жертвы. Далее произошло ключевое для эскалации конфликта событие. 11 декабря 1990 г. Верховный Совет Грузии принял решение об отмене автономного статуса Южной Осетии. Почти одновременно власти Советского Союза объявили о режиме ЧП в югоосетинской автономии, а грузинское руководство начало ее блокаду.

Третий этап – вооруженная борьба между Грузией и Южной Осетией (январь 1991 – июль 1992 гг.). 6 января 1991 г. внутренние войска МВД СССР отправляются из Цхинвали в казармы, в город входит шеститысячный отряд грузинских боевиков, появляются жертвы среди мирного населения. В ходе военных действий столицу Южной Осетии штурмовали трижды (февраль и март 1991 г., июнь 1992 г.). В конфликт вовлекается Северная Осетия (субъект РФ на Северном Кавказе), куда прибыли около 43 тыс. беженцев из самой Южной Осетии и внутренних областей Грузии. При этом североосетинские действия напрямую Кремлем не контролировались. Более того, условием подписания Федеративного договора Владикавказ ставил поддержку (в той или иной форме) Южной Осетии Москвой. В конце мая 1992 г. Северная Осетия перекрывает газопровод, ведущий в Грузию.

24 июня 1992 г. президенты РФ и Грузии Борис Ельцин и Эдуард Шеварднадзе подписывают Дагомысские (Сочинские) соглашения о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта. 14 июля начинается миротворческая операция. Вводятся российский, грузинский и североосетинский миротворческий батальоны, боевые действия прекращаются, создается Смешанная контрольная комиссия (представители РФ, Грузии, Южной Осетии, Северной Осетии) по соблюдению условий прекращения огня. В результате вооруженного противостояния было сожжено 100 сел, убито более тысячи человек.

Таким образом, вооруженный конфликт был «заморожен». Начинается его четвертый этап, продолжавшийся до мая 2004 г. В отличие от Абхазии, Южная Осетия не знала масштабных этнических чисток грузинского населения. Вплоть до августа 2008 г. здесь сохра-

нялось совместное проживание грузин и осетин. В Конституции непризнанной Республики Южная Осетия грузинский язык был назван в качестве языка меньшинства. Перестрелки, блокады и провокации прекратились, удалось достичь относительного мира. До 2004 г. между Тбилиси и Цхинвали действовало прямое автобусное сообщение, существовали рынки (Эргнети), где грузины и осетины торговали совместно, взаимно признавались автомобильные номера.

Следует заметить, что в послевоенных условиях основу экономики территории с «отложенным статусом» составляла контрабанда, в которую были вовлечены представители обеих этнических групп. Но эта теневая экономика накрепко привязывала Южную Осетию к Грузии, она же, пусть и неформальным способом, формировала доверие двух конфликтовавших общин. Заметную роль в урегулировании конфликта играл и президент Северной Осетии Александр Дзасохов (избран в 1998 г.), который имел прямые неформальные контакты с соратником по бывшему Политбюро ЦК КПСС Эдуардом Шеварднадзе. Все это позволяло разряжать обстановку. Более того, за 12 лет был наработан значительный позитивный потенциал в процессе мирного урегулирования.

Во-первых, миротворческую миссию несли совместно грузинский и российский батальоны. Во-вторых, были подписаны важные документы, обеспечивавшие реабилитацию конфликтной территории. Среди них следует особо отметить Меморандум о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами в грузино-осетинском конфликте от 16 мая 1996 г. и российско-грузинское межправительственное Соглашение о взаимодействии в восстановлении экономики в зоне грузино-осетинского конфликта и возвращении беженцев от 3 декабря 2000 г.

Пятый этап (2004–2008 гг.) можно охарактеризовать как «разморозку» конфликта. Он начался с попыток официального Тбилиси пересмотреть сложившийся в Южной Осетии баланс сил и политико-правовой формат урегулирования. «Революция роз» в Грузии (октябрь-ноябрь 2003 г.), ошеломляющая победа (97% голосов) на президентских выборах Михаила Саакашвили (январь 2004 г.) произошли, как и в начале 1990-х, на основе мобилизации «патриотического» ресурса. В выступлениях Саакашвили и его соратников звучали идеи воссоздания единой Грузии и реванша за «национальные унижения» в Южной Осетии и Абхазии. 31 мая 2004 г. без согласования действий со Смешанной контрольной комиссией (СКК) под предлогом борьбы с контрабандой на территорию Южной Осетии были введе-

ны силы спецназа МВД Грузии (300 человек). Эти действия члены СКК расценили как нарушение Дагомысских соглашений. С грузинской стороны прозвучали обвинения в адрес российских миротворцев в этнической ангажированности, а также криминальной деятельности. 20 июля 2004 г. президент Грузии публично заявил, что не исключает возможность денонсации Дагомысских соглашений: «Если в рамках соглашений на территории Цхинвальского района нельзя поднимать грузинский флаг, я готов выйти из этих соглашений»⁴³.

Этим заявлением Саакашвили продемонстрировал, что стремится к реализации трех целей:

- интернационализировать грузино-осетинский конфликт, подключить к его урегулированию США, страны Европы;
- реформатировать конфликт из грузино-осетинского в грузино-российский и представить его как проявление российского неоимпериализма;
- отказаться от эксклюзивной роли России как гаранта мира в регионе.

Именно реализация данных целей стала квинтэссенцией пятого этапа грузино-осетинского конфликта. 8-19 августа 2004 г. в Южную Осетию пришла вторая война. В этом военном противостоянии использовалось не только стрелковое оружие, но и артиллерия. И хотя к концу месяца стороны удалось на несколько дней разъединить, август (роковое время в конфликте) 2004 г. стал началом новой волны обстрелов, нападений, провокаций и перекрытий жизненно важных коммуникаций. С тех пор тактика «мелкого военного фюла» стала в Южной Осетии повседневной реальностью.

Эта кратковременная война (забытая особенно на фоне «горячего августа» 2008 г.) стала в определенной степени переломным моментом российской политики в регионе. До 2004 г. Москва стремилась к объективности и нейтралитету, сохранению статус-кво как наилучшего выхода. После 2004 г. Россия (понимая взаимосвязь ситуации в Южной Осетии с безопасностью всего Северного Кавказа) фактически становится на сторону непризнанной республики.

Во-первых, теперь Москва рассматривает Цхинвали как инструмент для воздействия на Тбилиси, ставшего к этому моменту не только на откровенно проамериканский, но и антироссийский путь. Во-вторых, потеря Южной Осетии видится как угроза для самой РФ.

Не разрешенный до сих пор осетино-ингушский конфликт тесно связан с ситуацией вокруг непризнанной республики.

В 2004–2006 гг. парламент Грузии принял целый ряд постановлений, которые признавали российскую миротворческую миссию «отрицательной», а действия РФ оценивали как «неприкрытую аннексию». Осенью 2006 г. Тбилиси запускает проект «альтернативной Южной Осетии», делая своим «знаменем» бывшего премьер-министра и министра обороны непризнанной республики Дмитрия Санакоева. Цель этого проекта – реформатировать переговорный процесс (фактически отказавшись от прямого диалога с Цхинвали). В марте 2007 г. Тбилиси создает на территории Южной Осетии «временную административную единицу». Это решение фактически поставило крест на переговорах между Грузией и непризнанной республикой. Тбилиси предпринимает попытки международной легитимации Санакоева (он участвует в форумах в Брюсселе и Страсбурге, его рассматривают как «конструктивного» представителя осетинской стороны в отличие от Эдуарда Кокойты).

Венцом политики «разморозки» стали переподчинение грузинского миротворческого батальона Министерству обороны Грузии (ранее он подчинялся командованию Совместных сил по поддержанию мира), а также неоднократные заявления министра по реинтеграции Грузии Темури Якобашвили о необходимости выхода из существующих форматов мирного урегулирования. Переговоры между конфликтующими сторонами прекратились.

В 2008 г. Москва тоже внесла свою лепту в «размораживание» конфликтов в Грузии. 21 марта Государственная Дума приняла заявление, в котором обозначила два условия для возможного признания независимости Абхазии и Южной Осетии (вступление Грузии в НАТО, силовая операция против двух непризнанных республик). После этого, в апреле, уходящий президент РФ Владимир Путин поручил федеральному правительству оказать «предметную помощь» населению Абхазии и Южной Осетии. Само это поручение предполагало среди прочего установление фактически прямых дипломатических контактов Москвы с Цхинвали и Сухуми. Незамедлительно последовала жесткая реакция Запада, который обозначил территориальную целостность Грузии в качестве одного из своих приоритетов.

Как бы то ни было, к 7 августа 2008 г. статус-кво в Южной Осетии был нарушен. В ходе боевых столкновений 2004 г. погибли порядка 70 человек, а в последующие годы число жертв с обеих сторон

⁴³ Грузия угрожает выходом из Договора по Осетии. 20. 06. 2004. Доступно на сайте http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_3911000/3911101.stm

(по разным оценкам) составляло 100 человек. В августе 2008 г. количество перешло в качество. Тактика «повышения» уровня насилия привела к штурму Цхинвали и жесткой ответной реакции со стороны России (на которую, похоже, не рассчитывали ни в Тбилиси, ни на Западе). Таким образом, военно-политическая авантюра Саакашвили и прямое вмешательство России в грузино-осетинский конфликт были подготовлены всей логикой предыдущего этапа «размораживания конфликта». В ходе «пятидневной войны» Южная Осетия с помощью РФ установила свой контроль над территориями бывшей Юго-Осетинской АО, которые с начала 1990-х гг. и до 2008 г. находились под юрисдикцией Тбилиси (Ахалгорский район, Лиахвский коридор). Около 15 тысяч этнических грузин были вынуждены покинуть Южную Осетию.

26 августа 2008 г. Россия признала независимость Южной Осетии. 17 сентября того же года был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между РФ и Южной Осетией (ратификация в Государственной Думе прошла 29 октября), а 24 октября назначен посол России в Цхинвали. В начале 2009 г. институт полномочного представителя президента Южной Осетии в России трансформировался в посольство.

В то же время, кроме России и с известными оговорками Никарагуа, Венесуэлы и Науру, независимость Южной Осетии никто не признал. США, страны ЕС, ООН, ОБСЕ, Совет Европы, ПАСЕ, НАТО по-прежнему рассматривают Южную Осетию как неотъемлемую часть Грузии. Вместе с тем, представители Южной Осетии допущены к участию в многосторонних консультациях по вопросам стабильности и безопасности на Кавказе (известны как «Женевский процесс» или «Женевские переговоры»), которые начались 15 октября 2008 г. В дискуссиях участвуют представители РФ, США, Европейского Союза, ООН, ОБСЕ, Грузии. Югоосетинская и абхазская делегации не считаются официальными дипломатическими миссиями, однако они принимают участие в переговорном процессе по широкому спектру гуманитарных проблем и вопросов безопасности. Статусные вопросы в ходе «Женевских консультаций» оказались вне фокуса дискуссий.

Грузино-абхазский конфликт

«Абхазская проблема» без преувеличения стала главной «политической травмой» постсоветской Грузии. Борьба грузинских национал-демократов за выход Грузии из состава СССР в конце 1980-х гг. прак-

тически совпала со стремлением абхазов к этнонациональному самоопределению. Ключевое в новейшей истории Грузии событие – митинг 9 апреля 1989 г. на проспекте Руставели в Тбилиси (разогнанный с применением сил военнослужащих Закавказского военного округа) – стал ответной реакцией на всеабхазский сход в селе Лыхны (древняя столица Абхазского княжества) 18 марта 1989 г. Этот сход потребовал от ЦК КПСС пересмотра статуса Абхазии в составе Грузинской ССР.

В отличие от грузино-осетинского конфликта, актуализированного в период «перестройки», грузино-абхазский конфликт имел глубокие исторические корни. Абхазы (самоназвание «апсуа») – этнос, близкий по языку к адыгским народам Северо-Западного Кавказа. К началу XIX в. Абхазское княжество находилось под формальным протекторатом Османской империи. В 1810 г. началось инкорпорирование княжества в Российскую империю. До 1864 г. оно пользовалось фактической автономией. В результате антироссийского восстания 1866 г. (вызванного ликвидацией Абхазского княжества и переходом к общеимперской юрисдикции) и событий русско-турецкой войны 1877-1878 гг. значительные группы абхазов были вынуждены эмигрировать за пределы Российской империи. В конце XIX – начале XX вв. Сухумский округ входил в состав Кутаисской губернии, а затем подчинялся российской кавказской администрации в Тифлисе. В 1904-1917 гг. Гагра и прилегающие к ней районы входили в состав Сочинского округа Черноморской губернии. Таким образом, в дореволюционный период территория сегодняшней Абхазии была разделена между различными административно-территориальными образованиями Российской империи.

После распада Российской империи и образования на ее территории новых независимых государств, в том числе Демократической республики Грузия, «абхазский вопрос» стал точкой столкновения между белогвардейскими вооруженными силами Юга России под командованием Антона Деникина и независимой Грузией. Летом 1918 г. Абхазия была включена в состав Грузинского государства. Этот процесс сопровождался вводом грузинских войск на территорию Абхазии и разгоном абхазского Народного совета. Жесткий национализм меньшевистского правительства Грузии способствовал большевизации Абхазии. В марте 1921 г. была провозглашена Советская социалистическая республика Абхазия. В декабре того же года она вошла по союзному договору в состав Грузии – уже советской. В 1931 г. была создана Абхазская АССР в составе Грузинской

ССР. При Сталине грузинским республиканским руководством проводилась жесткая политика дискриминации по отношению к абхазскому населению. В 1937-1938 гг. в основу абхазского алфавита была положена грузинская графика, в 1945-1946 гг. обучение в абхазских школах было переведено на грузинский язык, были заменены многие абхазские топонимы. Впоследствии дискриминационные меры по отношению к абхазскому населению были существенно смягчены, появились СМИ на абхазском языке, возродилось национальное образование.

Однако политика этнической дискриминации принесла свои отрицательные плоды. Тем более, что экономическая политика Грузинской ССР и в 1960-1980-е гг., основанная на массовом привлечении в Абхазскую АССР рабочей силы из Грузии, была нацелена на изменение этнодемографического баланса не в пользу абхазов. И если в 1959 г. на территории Абхазии проживали 158 221 грузин (абхазов – 61 193), то в 1970 г. – 213 322 грузин (абхазов – 83 907)⁴⁴. В 1979 г. грузины составляли уже 43,8% населения автономии. «Политика репрессий в отношении абхазского языка и культуры, осуществлявшаяся совершенно конкретными лицами грузинской национальности (причем не только высшими чиновниками, но и рядовыми исполнителями), формировала обобщенный «образ врага» по отношению к самой массе грузинских переселенцев, обладавших к тому же социальными привилегиями», – констатирует современный грузинский исследователь Гия Нодия⁴⁵.

Абхазское население стало связывать свои надежды на этнонациональное самоопределение с выходом из состава Грузии. В 1957, 1967, 1977 гг. представителями абхазской этнонациональной интеллигенции готовились обращения к руководству Советского Союза с просьбами о выходе из состава Грузинской ССР и вхождении в состав РСФСР (или образования самостоятельной Абхазской ССР). В конце 1977 г. в союзные органы власти было направлено так называемое «Письмо 130» (подписантами были представители абхазской интеллигенции). Это был уже не первый всплеск массового недовольства в Абхазии. Авторы «Письма 130» ставили вопрос о выходе

Абхазской ССР из состава Грузинской ССР с последующим конституционным закреплением этой сецессии. 22 февраля 1978 г. это обращение стало предметом рассмотрения на Абхазском бюро обкома под названием «О неправильных взглядах и клеветнических измышлениях, содержащихся в коллективном письме от 10 декабря 1977 г.». Однако решение обкома вызвало жесткую реакцию населения. 29 марта 1978 г. собрался сход жителей села Бзыбь и нескольких сел Гудаутского района в поддержку «Письма 130». Более того, на сходе прозвучало требование (оно выдвигалось и во время массовых акций 1967 г.) о прекращении миграции грузин на территорию Абхазии (таковая поощрялась властями в Тбилиси). В 1978 г. при принятии Конституции Абхазской ССР было принято компромиссное решение, абхазский язык наряду с грузинским и русским стал государственным на территории автономии. На XI Пленуме ЦК Компартии Грузии (27 июня 1978 г.) тогдашний первый секретарь Эдуард Шеварднадзе высказался против «перегибов» грузинских коммунистов в «абхазском вопросе»⁴⁶. Таким образом, «российский фактор» в абхазском движении возник еще задолго до грузино-абхазского конфликта новейшего времени. Абхазские лидеры не раз провозглашали свое единство с народами Северного Кавказа, а потому в своих требованиях апеллировали (еще к властям СССР) по поводу желательности включения их автономной республики в состав России (куда входили семь Северо-Кавказских автономий).

С началом этнонационального самоопределения грузин в период «перестройки» обострился и «абхазский вопрос». В марте 1989 г. в селе Лыхны Гудаутского района состоялся 30-тысячный сход, на котором было заявлено о необходимости возвращения Абхазии «политического, экономического и культурного суверенитета в рамках ленинской идеи федерации». С 1989 г. до сегодняшнего дня грузино-абхазский конфликт новейшего времени прошел несколько этапов.

Первый этап (март 1989 – июль 1992 гг.) – политико-правовой. В отличие от Южной Осетии, конфликт начинался не с идеологического обоснования взаимных этнических претензий, а как спор о юридической правомерности (неправомерности) вхождения Абхазии в состав Грузии и юридической же обоснованности (необоснованности) этнонационального самоопределения Грузии и Абхазии. На первом этапе борьба шла не столько между Тбилиси и Сухуми,

⁴⁴ Маркедонов С. М. Грузино-абхазский конфликт и безопасность на Кавказе //Русский вопрос (Чехия). <http://www.russkiiivopros.com/index.php?page=one&id=66&kat=6&csl=20>

⁴⁵ Нодия Г. Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обязательства // Грузины и абхазы. Путь к примирению. – М., 1998. С. 30.

⁴⁶ Аргун Б. М. Событие 1978 г. в Абхазии //Абхазоведение. История, археология, этнология. – Сухум, 2003. Вып. 2. С. 23.

сколько между абхазской и грузинской общинами в самой Абхазии. Грузино-абхазское противоборство отличалось и большей, по сравнению с Южной Осетией, этнической мозаичностью. На лыхненском сходе присутствовали около пяти тысяч представителей от армянской, русской и греческой общин Абхазии. Абхазские националисты акцентировали внимание общественности на том, что противниками «грузинизации» Абхазии являются не только этнические абхазы, но также и русские, армяне, греки. Для идеологического и правового обоснования национального самоопределения Абхазии немало сделал лидер русской общины Абхазии – историк и археолог Юрий Воронов. Говорить об абхазском сепаратизме в 1989 г. – начале 1992 г. неправомерно. В это время сепаратистами по отношению к СССР выступали сами грузины. В то время как абхазы противодействовали грузинским национал-радикалам и защищали существовавшее на тот момент единое союзное государство.

Второй этап (июль 1992 – июль 1994 гг.) – военно-политический. Рубежом между первым и вторым этапами стало решение Верховного Совета Абхазии об отмене Конституции Абхазской АССР 1978 г. и восстановлении Конституционного проекта 1925 г. Аннулирование правовой базы вхождения Абхазии в состав Грузии и ответная реакция грузинских властей – ввод войск Госсовета Грузии на территорию Абхазии – стали началом крупного вооруженного столкновения. Грузино-абхазский конфликт из межэтнического противоборства на территории Абхазии перерастает в военное столкновение между грузинским государством и мятежной территорией. С этого времени абхазское национальное движение из просоветского превращается в сепаратистское. Своей главной целью оно видит выход из состава независимой Грузии. Осенью 1993 г. Грузия терпит военное поражение и фактически теряет свой контроль над значительной частью территории Абхазии. Только «Абхазская Сванетия» (Кодорское ущелье) оставалась до августа 2008 г. вне контроля Сухуми.

14 мая 1994 г. конфликтующие стороны при участии России подписали Московское соглашение о прекращении огня и разделении сил. В июле 1994 г. началась миротворческая операция российских сил на территории Абхазии. Она стала рубежом между вторым и третьим этапами конфликта. Поскольку операция осуществлялась по мандату Совета глав государств СНГ, предполагалось, помимо российских воинских частей, участие контингентов других стран-членов Содружества. Однако до фактического завершения операции в августе 2008 г. ее осуществлял только российский миротворческий контин-

гент. Миротворцы были размещены в «зоне безопасности» на двенадцатикилометровой территории по обе стороны реки Ингури, в Гальском районе Абхазии и Зугдидском районе Грузии. 21 июля 1994 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 937 по поводу определения формата Миссии Организации по наблюдению в Грузии (МООНГ). Мандат МООНГ строился на основе Московских соглашений. В резолюции № 937 была подчеркнута «ключевая важность прогресса на переговорах под эгидой ООН и при помощи России, как посредника»⁴⁷.

В ходе военных действий погибли 4 тыс. грузин (1 тыс. человек пропали без вести) и более 3 тыс. абхазов. Потери экономики Абхазии от конфликта составили 10,7 млрд. долларов США. До середины 1990-х гг. на территории республики осталось большое количество мин, унесшее жизни 700 человек. Около 250 тыс. грузин (почти половина довоенного населения) были вынуждены бежать из Абхазии, однако впоследствии порядка 55-60 тыс. вернулись в Гальский район в восточной части республики (до войны был самым грузинонаселенным, в остальные районы возвращение беженцев не произошло)⁴⁸.

Третий этап (июль 1994 – июль 2006 гг.) – дипломатический, в ходе которого были предприняты попытки урегулирования последствий грузино-абхазского вооруженного противостояния. Эти попытки предпринимались, во-первых, в формате ООН. Первый раунд переговоров между конфликтующими сторонами под эгидой ООН прошел 28 ноября – 1 декабря 1993 г. (отсюда его название – «жневский процесс», который не следует путать с начавшимися в октябре 2008 г. консультациями по стабильности и безопасности на Кавказе). Начиная с 1997 г., специальный представитель Генсека ООН, координирующий «Женевский процесс» и работу МООНГ, открыл свой офис в Тбилиси. В 1993 г. создана Группа друзей Генерального секретаря ООН по Грузии (включала изначально США, Германию, Великобританию, РФ, Францию). В 1997 г. начал свою работу Координационный Совет и три рабочих группы по неприменению насилия, возвращению временно перемещенных лиц и экономическим проблемам в рамках «Женевского процесса». Последняя

⁴⁷ См. информацию о деятельности ООН по урегулированию грузино-абхазского конфликта на сайте <http://www.unomig.org>

⁴⁸ Abkhazia Today. International Crisis Group. Europe Report. № 176.-15 September 2006.

встреча Координационного Совета прошла в мае 2006 г. после почти пятилетнего перерыва. Этот перерыв был вызван обострением этнополитической ситуации в Кодорском ущелье осенью 2001 г. Однако после того, как грузинские военные подразделения в нарушение Московских соглашений 1994 г. вошли в верхнюю часть Кодорского ущелья (демилитаризованную зону, по условиям этого документа), Координационный Совет более не собирался. В 2002 г. специальным представителем Генсека ООН германским дипломатом Дитером Боденом был представлен мирный проект из восьми пунктов «Основные принципы распределения полномочий между Тбилиси и Сухуми» («план Бодена»), который предполагал создание суверенной Абхазии в составе единого федеративного Грузинского государства. План не был принят конфликтующими сторонами⁴⁹.

Во-вторых, Россия предпринимала самостоятельные попытки разрешения конфликта. Начиная с конца 1994 г. неофициально и с 1996 г. официально, РФ вместе с Грузией фактически инициировала введение жестких социально-экономических санкций против Абхазии. Эти действия были узаконены решением Совета глав государств СНГ «О мерах по урегулированию конфликта в Абхазии, Грузии» от 19 января 1996 г. Столкнувшись с чеченским сепаратистским вызовом, Москва первоначально поддерживала намерения Тбилиси по восстановлению территориальной целостности Грузии. В 1997 г. тогдашний министр иностранных дел РФ Евгений Примаков предложил для переговорного процесса формулу «общее государство» и пытался убедить в необходимости ее принятия Сухуми. Однако попытки грузинского руководства в одностороннем порядке без учета интересов РФ силой изменить сложившийся статус-кво и «разморозить конфликт» (май 1998 г., Гальский район, октябрь 2001 г., Кодорское ущелье) изменили позицию российской дипломатии. Уже в 1999-2000 гг. Москва существенно ослабила режим санкций против Абхазии (но окончательно отменила их только в марте 2008 г.). В марте 2003 г. президенты РФ и Грузии Владимир Путин и Эдуард Шеварднадзе подписали Сочинские соглашения, предполагающие создание трех рабочих групп: по возвращению беженцев первоначально в Гальский район, восстановлению железнодорожной линии Сочи-Тбилиси через Абхазию и обновлению Ингури ГЭС. Однако последующая «революция роз» и приход к власти в Грузии президента Саакашвили (январь 2004 г.)

сделали реализацию этих договоренностей невозможной. В мае 2004 г. грузинский президент заявил: «Мы вернем Абхазию в мой президентский срок»⁵⁰.

С этого времени переговорный процесс начал неуклонно деградировать. За десять лет переговоров изначальные позиции грузинской (территориальная целостность Грузии и возвращение всех беженцев на всю территорию Абхазии) и абхазской стороны (независимость Абхазии с возвращением только тех, кто не участвовал в военных действиях против абхазских сил) не претерпели существенных изменений. Компромиссные политические формулы не были найдены. Конфликтующие стороны смогли наладить конструктивное партнерство только в процессе эксплуатации Ингури ГЭС (крупнейший энергетический объект всего Кавказского региона, построен в 1977 г. 60% вырабатываемой электроэнергии идет в Грузию, 40% – в Абхазию).

Четвертый этап (июль 2006 г. – 2008 г.) – попытка «разморозки» грузино-абхазского конфликта. Рубежом между третьим и четвертым этапами стала Кодорская операция Михаила Саакашвили. С этого момента процесс переговоров между сторонами конфликта был окончательно остановлен. Грузинские власти пытались изменить формат переговорного процесса, представив так называемое «правительство Абхазии в изгнании» (состоящего из этнических грузин) как единственного законного представителя республики. Что же касается властей Абхазского де-факто государства, то президент Грузии всеми силами стремился представить их исключительно как российских марионеток. По словам президента Грузии (16 июля 2006 г.), «это не этнические конфликты (противостояния в Южной Осетии и Абхазии. – С.М.). Это навязанные нам политические конфликты. Они связаны с попытками постсоветских сил, пережитков старого советского империалистического мышления, получить контроль хотя бы над некоторыми из соседних территорий...». В 2007-2008 гг. грузинские власти предприняли целую серию военно-политических провокаций (включая и полеты военной авиации) в Абхазии, демонстративно нарушающих Московские соглашения 1994 г. В свою очередь, Россия также нарушала статус-кво, введя в конце мая 2008 г. на территорию Абхазии подразделения железнодорожных войск (не предусмотренных Соглашениями 1994 г.) и уничтожая грузинские беспилотные аппараты (апрель 2008 г.). Во время военных действий

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ М. Саакашвили: Мы вернем Абхазию в мой президентский срок. 26 мая 2004 г. // <http://top.rbc.ru/politics/26/05/2004/52202.shtml>

в Южной Осетии 9 августа 2008 г. абхазские вооруженные формирования фактически открыли «второй фронт» и, не встречая жесткого сопротивления, взяли под контроль Кодорское ущелье. 26 августа 2008 г. РФ признала независимость Абхазии, а 30 августа 2008 г. Грузия вышла из Московских соглашений 1994 г.

После августа 2008 г. начинается новый, пятый, этап конфликта. Его принципиальное отличие – признание национальной независимости Абхазии РФ и Никарагуа и начало дипломатических консультаций по преодолению последствий «пятидневной войны». Как и Южная Осетия, Абхазия представлена на Женевских консультациях по безопасности и стабильности на Кавказе. Однако – это неофициальное представительство, поскольку США, ЕС в целом и его отдельные члены, а также ООН, ОБСЕ, НАТО, Совет Европы не признают независимости Абхазии. Вместе с тем нельзя не отметить более частых (по сравнению с Южной Осетией) визитов различных европейских дипломатов, чиновников ООН в Абхазию. На неофициальном уровне дипломаты различных стран признают наличие определенных предпосылок для развития абхазской государственности (в отличие от Южной Осетии). Россия установила с Абхазией дипломатические отношения, назначила в Сухуми своего посла. В настоящее время ведется подготовка к созданию на территории Абхазии военно-морской базы Черноморского флота (в Очамчире) и военно-воздушной базы (в Гудауте).

Армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха

Конфликт вокруг Нагорного Карабаха (небольшой территории Южного Кавказа площадью всего в 4,4 тыс. кв.км) стал одним из первых на территории бывшего СССР. За два десятилетия он трансформировался из межобщинного и межреспубликанского противостояния в рамках одного государства Советский Союз в затяжной международный конфликт с неясными перспективами разрешения. С распадом СССР два новых государства – Армения и Азербайджан – с самого момента обретения независимости оказались вовлечены в военно-политическое противостояние. До сегодняшнего дня между ними нет дипломатических отношений, а граница превращена в линию фронта. Азербайджан осуществляет блокаду Армении. Армения же, в свою очередь, блокирует территорию азербайджанского анклава Нахичевани (из Баку туда можно попасть только на самолете).

Во многом именно конфликт из-за Нагорного Карабаха катализировал процессы распада СССР.

20 февраля 1988 г. армянские представители Областного Совета Нагорно-Карабахской Автономной области (НКАО) в составе советского Азербайджана приняли на своей сессии решение «О ходатайстве перед Верховными Советами Азербайджанской ССР и Армянской ССР о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР». Февральская резолюция областной сессии НКАО существенным образом меняла привычные на тот момент политические представления и правила игры. До февраля 1988 г. только союзное руководство (КПСС, Совет министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР) могли инициировать административно-территориальное переустройство внутри Советского Союза. Карабахские депутаты (этнические армяне) в 1988 г. нарушили монополию Кремля на административно-территориальный передел. Они сами решили совершить объединение снизу, в одностороннем порядке приняв решение ходатайствовать о передаче НКАО под юрисдикцию Еревана. Эта же февральская резолюция «разбудила» азербайджанское общество. До «горячего февраля» 1988 г. Азербайджан считался самым «советским» из всех субъектов Закавказья. Организованного диссидентского движения (в отличие от Армении, Грузии или республик Прибалтики) здесь не было. Антисоветская деятельность Абульфазы Эльчибея в 1970-е гг. была фактически единичным явлением. Февраль 1988 г. стал точкой отсчета для массовой политизации Азербайджана. Кстати сказать, популярное ныне слово «майдан» стало впервые символом гражданской и политической активности не на Украине времен «оранжевой революции», а в Азербайджане периода «перестройки», во время 18-дневного митинга под лозунгами «Карабах – азербайджанский!» (17 ноября – 8 декабря 1988 г.). Позже день 17 ноября объявят «Днем пробуждения» («Дирчелиш»).

В феврале 1988 г. впервые в публичном пространстве СССР националистический дискурс вышел на первый план. Как справедливо замечает британский исследователь Томас де Ваал, «в те февральские дни 1988 г. многие советские руководители вдруг осознали, что стоят на ногах совсем не так твердо, как им казалось. Две составные части коммунистической партии открыто спорили друг с другом, и московское руководство быстро пришло к выводу, что мятежников нельзя сокрушить привычными силовыми методами»⁵¹.

⁵¹ De Waal T. Black Garden: Armenia and Azerbaijan through peace and war. – New York. London: New York Univ. Press, 2004. P. 11-12.

В современной историографии Армении и Азербайджана конфликт из-за Карабаха искусственно удлиняется, распространяется на донационалистическую эпоху, когда аграрное в своем большинстве население Карабаха не мыслило в категориях национальной борьбы или национального освобождения, рассматривая себя в качестве подданных хана, слуг меликов и прочее. В XIX в. говорить об Армении или Азербайджане как о государственно-политических понятиях не представлялось возможным. Карабах, следовательно, не мог принадлежать ни тем, ни другим. Он принадлежал Карабахскому ханству, которое находилось в вассальной зависимости от Персии, а после русско-персидской кампании 1804-1813 гг. перешел к Российской империи. Гюлистанский договор 1813 г. подтвердил переход «в собственность Российской империи ханств: Карабахского и Ганджинского, обращенного ныне в провинцию под названием Елисаветпольской». А Туркманчайский мир, завершивший вторую русско-персидскую войну (1826-1828 гг.), говорил о переходе к «Российской империи в совершенную собственность Ханства Эриванского по сию и по ту сторону Аракса, и Ханства Нахичеванского»⁵².

Только в процессе урбанизации Закавказья среди армян и азербайджанцев (в начале XX в. в Российской империи их называли «кавказскими татарами» или «мусульманами») стал утверждаться дискурс национализма. Все это сопровождалось и формированием представления о своей «исконной» национальной территории. В первой четверти XX в. территория Нагорного Карабаха дважды становилась ареной межэтнических кровопролитных столкновений (1905-1907 и 1918-1920 гг.). В 1919 г. Лигой наций и Парижской мирной конференцией территория Карабаха была признана спорной.

После советизации Азербайджана спорные между ним и Арменией области были заняты частями Красной Армии. И если Зангезур вошел в состав советской Армении, то Нахичевань и Нагорный Карабах перешли под юрисдикцию Азербайджана. В 1923 г. была создана Автономная область Нагорного Карабаха (АОНК) в составе Азербайджанской ССР. В 1928 г. из АОНК был выделен Шаумяновский район (с доминирующим по численности армянским населением). В 1937 г. АОНК была преобразована в Нагорно-Карабахскую Автономную область (НКАО) в составе Азербайджанской ССР.

Таким образом, в составе советского Азербайджана оказалась территория с преобладающим армянским населением. По данным Всесоюзной переписи 1939 г., в НКАО армяне составляли 88% от общей численности населения. В 1989 г. (согласно данным последней советской переписи населения) они по-прежнему составляли большинство, но их доля снизилась до 76,9%. В советский период требования об объединении НКАО и Армении («миацуме») периодически выдвигались, хотя и не попадали в фокус публичного внимания в силу информационной закрытости СССР. В ноябре 1945 г. первый секретарь ЦК КП Армении Григорий Арутюнов направил соответствующие предложения в Совнарком СССР. Руководитель компартии Азербайджана Мирджафар Багиров внес свое контрпредложение – включить Шушинский район НКАО в состав Азербайджана вкуче с тремя районами Армянской ССР, в которых проживало значительное количество азербайджанцев⁵³.

В начале 1960-х г. карабахские армяне обратились с письмом в ЦК КПСС с жалобами на этническую дискриминацию. В первой половине 1960-х гг. формируются подпольные или полуподпольные группы армянских диссидентов-националистов. В 1963 г. возникает «Союз армянской молодежи». 24 апреля 1965 г. в Ереване прошел митинг, приуроченный к 50-летию геноцида армян в Османской Порте. На митинге был выдвинут лозунг «Справедливо решить армянский вопрос». В 1965 г. новое обращение по поводу НКАО было передано председателю Президиума Верховного Совета СССР Анастасу Микояну. В 1968 г. в столице НКАО Степанакерте прошел митинг с требованием присоединить область к Армении. Последнее перед «перестройкой» массовое обращение армян по поводу НКАО было вызвано принятием союзной Конституции (1977 г.) и Основных законов республик и автономий (1978 г.). Оно не привело к положительным для армянской стороны результатам. Следующая петиционная волна начинается во второй половине 1987 г.⁵⁴

В отличие от грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов, в армяно-азербайджанском противостоянии практически не было временного промежутка между политико-правовыми спорами и использованием насилия. Первый крупный митинг в Степанакерте с требованиями присоединить НКАО к Армении прошел 13 февраля

⁵² Маммадов И., Мусаев Т. Армяно-азербайджанский конфликт. История, право, посредничество. – Тула: Гриф и К, 2006. С. 19.

⁵³ Восканян С. С. Очерк истории армяно-азербайджанских этнополитических отношений. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. С.179.

⁵⁴ Зубкова Е. Ю. Указ. соч.

1988 г., а 22 февраля этого же года у поселка Аскеран происходит столкновение с использованием огнестрельного оружия.

В своем развитии конфликт из-за Нагорного Карабаха прошел несколько этапов. *Первый этап (1988-1991 гг.) можно охарактеризовать как внутрисоюзный конфликт двух союзных республик (и автономной области на стороне одной из республик)*. На этом этапе доминирующим требованием армянской стороны является «миацум» (объединение). Для азербайджанской стороны главным приоритетом становится сохранение территориальной целостности своей республики. Союзное руководство колеблется в течение всего первого периода конфликта. С одной стороны, ЦК КПСС выступает за сохранение статус-кво (то есть объективно поддерживает Азербайджан). С другой стороны, продвигая концепцию демократизации, пытается распространить ее и на межэтнические отношения, актуализируя проблематику прав этнических меньшинств и самоопределения (то есть дает шансы для Армении). Политика союзного Центра является непоследовательной. 12 января 1989 г. впервые в СССР вводится прямое управление автономной областью из Москвы (минуя Баку), для чего создается Комитет особого управления НКАО. Но 28 ноября этот Комитет упраздняется, а вместо него Москва создает другую структуру – Республиканский комитет (то есть контролируемый Баку) по управлению НКАО. Союзный Центр использует силу против двух сторон (против азербайджанской в январе 1990 г. и против армянской во время операции «Кольцо» весной-летом 1991 г.), но это зачастую происходит несвоевременно, со значительным опозданием и чрезмерно (под это использование попадает мирное население). Главный итог первого этапа – полная утрата союзным центром контроля над ситуацией. В 1988-1991 гг. был практически завершен «обмен населением» между Арменией и Азербайджаном (изгнание армян из Азербайджана и азербайджанцев из Армении, этническая гомогенизация внутри Нагорного Карабаха, выдавливание азербайджанцев из Степанакерта, а армян из Шуши). В этот период также произошло формирование квазигосударственных и военных структур, предикатов будущих органов государственной власти и национальной армии Армении и Азербайджана.

После провала августовского путча ГКЧП, провозглашения независимости Азербайджана (28 августа 1991 г.), Нагорно-Карабахской Республики (НКР) (2 сентября 1991 г.), принятия Декларации о государственной независимости Армении (23 сентября 1991 г.) конфликт переходит в формат межгосударственного.

В 1991-1994 гг. начинается второй этап армяно-азербайджанского конфликта. Он переходит в фазу открытого вооруженного противостояния. Первоначально (1991 г. – начало 1993 г.) «нервом» военного противостояния оказывается борьба между Баку и армянами Карабаха (которых азербайджанская сторона называет сепаратистами). Лозунг «миацума» (объединения) уступает лозунгу этнонационального самоопределения. Официальный Ереван не признает независимость НКР, однако выступает ее гарантом. Участие регулярных частей армии Республики Армения становится более активным в марте 1993 г. (в ходе операций за Кельбаджарский район). Сегодня армянская дипломатия стремится если не полностью отрицать, то преуменьшить роль национальной армии Армении в войне. Между тем, интеграция НКР и Армении в ходе военных действий шла по нарастающей. Особенно после установления контроля над так называемым «Лачинским коридором». Этот коридор напрямую связал Ереван и Степанакерт и прекратил существование Карабаха как анклава. Таким образом, по выражению российского дипломата Владимира Казиминова, мы можем говорить о «двух с половиной сторонах» конфликта.

В полночь 12 мая 1994 г. вступило в силу Соглашение о бессрочном прекращении огня, подписанное министрами обороны Армении, Азербайджана и НКР. Итогом военного этапа конфликта стали многочисленные человеческие жертвы, беженцы, число которых трудно определить с абсолютной точностью. Госдепартамент США назвал цифру 25 тыс. убитых с двух сторон. Азербайджанский исследователь конфликта Ариф Юнусов провел собственные расчеты и установил количество погибших в 17 тыс. человек (11 тыс. азербайджанцев и 6 тыс. армян), а раненых – 50 тыс. человек. В результате военного конфликта под контроль армянских сил перешла почти вся территория бывшей Нагорно-Карабахской Автономной области. Исключение составляют небольшие участки Мартунинского и Мардакертского районов. Под армянским контролем также 5 районов за пределами НКАО полностью (Лачинский, Кельбаджарский, Кубатлинский, Джебраильский и Зангеланский) и 2 частично (Физулинский и Агдамский), а также азербайджанские анклавы на территории Армении (3 села). Под контролем азербайджанской армии оказался анклав Арцвашен (который был частью Армянской ССР, а не НКАО в советское время). Таким образом, 13,62% азербайджанской территории (признанной ООН) сегодня находится не под контролем Баку. Из-за конфликта беженцами стали 390 тыс. армян и более 750 тыс.

азербайджанцев (они прибыли не только в «свои государства», но и в Россию, другие страны СНГ и «дальнего зарубежья»⁵⁵).

В 1994 г. начинается следующий, третий этап конфликта, который можно, с одной стороны, определить как «замороженный», поскольку политического решения не найдено до сих пор. В отличие от других вооруженных конфликтов на территории бывшего СССР, в Нагорном Карабахе и соседних с ним территориях нет миротворцев. Соглашение о прекращении огня держится на установившемся в 1994 г. балансе сил. Противостоящие друг другу стороны разделяет линия прекращения огня (или «линия фронта») протяженностью более 120 км. Перемирие нередко нарушается (в 2007 г. зафиксировано трехкратное увеличение перестрелок и столкновений, в марте 2008 г. было отмечено самое крупное боевое соприкосновение сторон за 14 лет), однако возобновления военных действий удалось избежать.

С другой стороны, последние 15 лет стали периодом интенсивных поисков формулы мирного урегулирования. В декабре 1994 г. Будапештский саммит ОБСЕ подтверждает мандат Минской группы посредников как структуры, занимающейся переговорным процессом и поиском мирного разрешения. На Лиссабонском саммите ОБСЕ в декабре 1996 г. все члены Организации, кроме Армении, подтверждают «территориальную целостность Азербайджана» и самоопределение в его рамках для армян Нагорного Карабаха. В 1996 г. и летом 1997 г. был предложен так называемый «пакетный план урегулирования» (согласно которому все основные вопросы, начиная от статуса и заканчивая беженцами, решаются вместе в одном «пакете»). Данный вариант более приемлем для армянской стороны. В качестве альтернативы «пакету» был выдвинут в декабре 1997 г. «поэтапный план» (который предполагал деокупацию занятых территорий и частичное возвращение беженцев как первый этап, за которым должно пройти обсуждение статуса спорной территории). Эта версия конфликтного урегулирования была ближе Баку. В ноябре 1998 г. посредники выдвигают новую формулу «Общее государство», согласно которой «Нагорный Карабах является государственным и территориальным образованием в форме Республики и образует общее государство с Азербайджаном в его международно признанных границах». Для азербайджанской стороны данный проект оказывается неприемлемым.

25 апреля 1999 г. президенты Армении и Азербайджана, соответственно, Роберт Кочарян и Гейдар Алиев проводят двустороннюю встречу в Вашингтоне, а 4-5 марта 2001 г. – в Париже. 3-7 апреля 2001 г. мирные переговоры проходят в Ки-Уэсте (Флорида, США). С этого времени любой очередной раунд переговоров сопровождается появлением версий о возможных сценариях по разрешению конфликта (этому способствует отсутствие поля для широкого публичного обсуждения хода переговоров). По поводу встреч в Париже и в Ки-Уэсте высказывалась мысль о возможных договоренностях по обмену территориями (присоединение НКР к Армении в обмен на обеспечение коридора между Азербайджаном и Нахичеванью). В 2006 г. появилась информация о таком «компромиссе», как проведение референдума в Нагорном Карабахе и одновременный вывод армянских сил из оккупированных территорий. Однако февральская встреча президентов Роберта Кочаряна и Ильхама Алиева (был избран президентом в октябре 2003 г.) в замке Рамбуйе (Франция) прошла безрезультатно.

В последние несколько лет в фокусе внимания оказались так называемые «Мадридские принципы». Это – предложения Минской группы, официально представленные министрам иностранных дел Армении и Азербайджана на Мадридском саммите ОБСЕ в ноябре 2007 г. Они предусматривают определение окончательного статуса Нагорного Карабаха путем всенародного голосования на последнем этапе мирного процесса, после того как будут предприняты все остальные меры доверия, включая отказ от применения силы, возвращение перемещенных лиц в свои дома и возобновление торговли и связи.

6 июля 2008 г. завершилась первая встреча президентов Ильхама Алиева и Сержа Саркисяна (был избран президентом Армении в феврале 2008 г.), в ходе которой они договорились развивать переговорный процесс на основе «Мадридских принципов». 1 августа 2008 г. американский сопредседатель Минской группы Мэттью Брайза заявил: «Будет проведен референдум, на котором определятся сами карабахцы»⁵⁶.

Официальный Баку, не опровергая американского дипломата полностью, заявил, что такой референдум возможен через 15-20 лет.

⁵⁶ В Азербайджане политологи раскритиковали предложение Брайзы о референдуме по Карабаху. 4. 08. 2008 // <http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1226500.html>

⁵⁵ De Waal T. Ibid. P. 285; Юнусов А. Указ. соч.

2 ноября 2008 г. президенты Армении, Азербайджана и РФ подписали Московскую (или Майендорфскую, по названию замка, в котором прошла встреча лидеров государств) Декларацию по Нагорному Карабаху, состоящую из пяти пунктов. Это – первый документ (хотя он и не является юридически обязывающим), совместно подписанный президентами Армении и Азербайджана (Соглашение о прекращении огня 1994 г. подписывали министры обороны)⁵⁷. Декларация подтвердила готовность президентов работать над поиском решения конфликта исключительно политическими методами. Между тем следует отметить, что каждый новый раунд переговоров и встреч президентов или министров иностранных дел Азербайджана и Армении перемежается милитаристской риторикой (по этой части более активен Азербайджан, что объясняется его военно-политическим проигрышем в ходе вооруженной фазы конфликта в 1994 г.).

Серьезное влияние на динамику нагорно-карабахского урегулирования оказал процесс армяно-турецкого примирения. Усилилось давление на Ереван и Баку со стороны стран-сопредседателей Минской группы ОБСЕ. Сразу же после завершения саммита «Большой восьмерки» 10 июля 2009 г. появилось Совместное заявление трех президентов США, России и Франции, посвященное принципам разрешения многолетнего конфликта. В тексте заявления шла речь об «обновленной версии» «Мадридских принципов», рекомендованных тремя странами. В этот раз документ вышел не из-под пера дипломатов – сопредседателей Минской группы, а был озвучен президентами стран, совместно председательствующими в посреднической структуре ОБСЕ. В нем говорится о:

- возвращении территорий вокруг Нагорного Карабаха под контроль Азербайджана, наделении Нагорного Карабаха промежуточным статусом,
- обеспечении гарантий безопасности и самоуправления, открытии коридора между Арменией и Нагорным Карабахом,
- определении в будущем окончательного правового статуса Нагорного Карабаха на основе юридически обязательного волеизъявления,
- обеспечении прав всех внутренне перемещенных лиц и беженцев на возвращение в места их прежнего проживания;

– международных гарантиях безопасности, в том числе и операции по поддержанию мира⁵⁸.

И хотя в данном документе нельзя не заметить противоречий (возвращение всех оккупированных районов Азербайджану и установление временного статуса для Карабаха вкупе с коридором между ним и Арменией), «обновленные» «Мадридские принципы» являются определенными рамками, внутри которых посредники будут воздействовать на конфликтующие стороны для достижения примирения между ними.

Осетино-ингушский конфликт

Осетино-ингушский конфликт из-за Пригородного района – это первое этнополитическое противостояние, перешедшее в активную вооруженную фазу. Несмотря на непродолжительность вооруженных столкновений (31 октября – 4 ноября 1992 г.), конфликт до сих пор полностью не разрешен. За годы советской власти и в особенности в постсоветский период этот вопрос стал основополагающим фактором самоидентификации осетин и ингушей. Для ингушской стороны вопрос о возвращении Пригородного района связывается с полной реабилитацией ингушского народа. В известном смысле прорыв в решении проблемы Пригородного района – это вопрос лояльности ингушей Российскому государству. Во многом то же самое можно сказать и о мотивах осетинской стороны. Для нее уступки ингушам разрушают фундаментальный этнонациональный миф: речь идет об Осетии как о российском форпосте на Северном Кавказе. В начале 1990-х гг. произошла инструментализация осетино-ингушского конфликта. Апелляция к этой теме является важнейшим ресурсом легитимации для политических элит Северной Осетии и Ингушетии.

«Проблема Пригородного района» в ее современном состоянии является следствием многочисленных административно-территориальных преобразований. Свои исторические права на эту территорию предъявляют осетины (до конца XIV в. здесь проживали аланы, рассматриваемые в качестве предков современных осетин). Ряд селений Пригородного района считаются также «колыбелью» ингушского народа. На территории Пригородного района находится село Тарское (бывшее Ангушт), от которого произошло слово «ингуши» – русское наименование этноса с самоназванием «галгай». Помимо

⁵⁷ См. полный текст Декларации по Нагорному Карабаху от 2 ноября 2008 г. на сайте <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/11/208670.shtml>

⁵⁸ Посредники обнародовали базовые принципы урегулирования карабахского конфликта. 2009, 11 июля // <http://www.regnum.ru/news/1185133.html>

осетин и ингушей свои претензии на территорию района выдвинули в начале 1990-х гг. лидеры неоказачьего движения Северного Кавказа. Согласно их взглядам, Пригородный район – исконная казачья земля, а ингуши проживали там только 23 года (с 1921 г., то есть с момента переселения казачьих станиц Сунженского отдела Терской области, до 1944 г.). На территории Пригородного района действительно находились 4 станицы и 1 хутор Сунженской линии. Однако в то же самое время ингуши имели здесь порядка 40 селений. С 1922 по 1934 гг. Пригородный район входил в состав Ингушской Автономной области (до 1924 г. Ингушского национального округа в составе Горской АССР), с 1934 г. – в составе Чечено-Ингушской Автономной области (с 1936 по 1944 гг. – АССР).

Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., в Пригородном районе проживали 33,8 тыс. человек, из которых ингуши – 28,1 тыс. человек, русские – 3,5 тыс. человек, чеченцы – 0,4 тыс. человек. Территория района равнялась 34% всей территории пяти ингушских районов единой Чечено-Ингушетии. После депортации ингушей в 1944 г. эти земли были переданы Северо-Осетинской АССР. После восстановления Чечено-Ингушской АССР Пригородный район остался в составе Северной Осетии. За период с 1944 по 1957 гг. он был заселен осетинами (притом такое заселение проводилось отнюдь не в добровольном порядке, особенно за счет осетин – выходцев из внутренних районов Грузии). В 1960–1970-е гг. в районе произошло обновление частного жилищного фонда. Новое поколение осетин выросло уже в «своих домах», не зная другой родины, кроме Пригородного района⁵⁹.

В 1972 г. группа национальной интеллигенции направила в руководящие партийные и советские органы СССР открытое письмо «О судьбе ингушского народа». Данное обращение было оценено тогдашними чиновниками ЦК КПСС и КГБ СССР как проявление «буржуазного национализма». В январе 1973 г. в Грозном прошел ингушский митинг, на котором были озвучены требования возвращения Пригородного района в состав Чечено-Ингушетии. При этом организаторы и участники акций 1972-1973 гг. выступали с позиций интернационализма, апеллируя к ценностям «ленинской националь-

ной политики» и советского братства народов. В октябре 1981 г. «проблема Пригородного района» снова актуализировалась. Похороны таксиста-осетина, убийство которого приписывали ингушам, вылились в массовые акции в столице Северной Осетии с антиингушскими лозунгами. Реакцией на эти события стало назначение в 1982 г. первым секретарем Северо-Осетинского обкома Владимира Одинцова, работника аппарата ЦК КПСС. 5 марта 1982 г. было принято специальное постановление Совета министров СССР об особом порядке прописки и совершения сделок по купле-продаже недвижимости для ингушей в Пригородном районе.

В период «перестройки» «проблема Пригородного района» стала предметом публичной политической дискуссии. В развитии конфликта мы можем выделить четыре этапа. *Первый этап (1989-1991 гг.) можно определить как петиционный и правовой.* В течение двух лет были сформулированы основные требования и позиции сторон, сформированы завышенные ожидания в ингушском обществе (отождествившем процесс демократизации с территориальной реабилитацией) и алармистские настроения в осетинском обществе (связанные с возможными изменениями территориально-административной конфигурации Северной Осетии).

На Втором съезде ингушского народа (1989 г.) была принята резолюция, в которой содержались требования территориальной реабилитации ингушского народа: «Просить ЦК КПСС, Верховный Совет СССР, Второй Съезд народных депутатов СССР решить вопрос восстановления автономии ингушского народа в его исконных исторических границах со столицей в правобережной части г. Орджоникидзе (в то время название Владикавказа. – С.М.). Данная резолюция получила негативную оценку руководства Северной Осетии и лидеров возникших неформальных этнонациональных объединений. В текст «Декларации о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики» (ноябрь 1990 г.) был внесен пункт о необходимости включения в состав тогда еще единой Чечено-Ингушетии Пригородного района и правобережья Владикавказа. Пиком этого этапа стало принятие Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (26 апреля 1991 г.). В этом правовом документе были зафиксированы нормы по территориальной реабилитации репрессированных народов (третья, шестая и седьмая статьи). Однако принятый закон не предлагал конкретные правовые механизмы реализации упомянутых статей и создавал опасные прецеденты для тотальных территориальных переделов (так как «восстановление исто-

⁵⁹ Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992-...). Его предыстория и факторы развития. – М., 1998.; Дзадзиев А.Б. Осетино-ингушский конфликт: современное состояние проблемы //Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 6(30). С. 96-106.

рической справедливости» оборачивалось несправедливостью по отношению к реалиям начала 1990-х гг.).

Второй этап (1991-1992 гг.) может быть охарактеризован как концентрация сил для «окончательной победы». Активисты двух этнонациональных движений в соседних республиках изначально не стремились к переговорам и компромиссам. Они делали ставку на собственную силу и поддержку этой силы (или смирение с ней) в Москве. Население ингушских районов и Северной Осетии начало формировать отряды самообороны. Агонизирующий союзный центр и формирующийся российский центр фактически самоустранились от контроля над ситуацией в зоне конфликта. В ноябре 1991 г. чрезвычайная сессия Верховного Совета Северной Осетии утвердила создание Государственного комитета самообороны республики. В конце 1991 г. – начале 1992 г. были созданы отряды Республиканской гвардии и народного ополчения Северной Осетии. Ингушские силы самообороны были созданы в селах Майское, Куртат, Дачное. 30 ноября 1991 г. жители трех ингушских районов приняли участие в референдуме по вопросу: «Вы за создание Ингушской республики в составе РСФСР с возвратом незаконно отторгнутых ингушских земель со столицей в городе Владикавказе?». Тогда 92,5% голосовавших дали положительный ответ.

Третий этап – вооруженная фаза конфликта и последующий режим ЧП (1992-1995 гг.). Несмотря на непродолжительный период столкновений (31 октября – 4 ноября 1992 г.), их значение нельзя недооценивать. Они на долгие годы определили этнополитический климат в двух республиках, стали основой для политической идентификации постсоветской Ингушетии и Северной Осетии. Обе стороны дают свою собственную интерпретацию событий. Осетинская сторона считает, что ингушские боевики из сел Пригородного района и Назрани пытались осуществить аннексию спорной территории. Ингушская сторона видит источник конфликта в действиях осетинских вооруженных формирований, атаковавших ингушские села. До сих пор официальная позиция и политико-правовая оценка российской власти по этому вопросу не прозвучала. Советом Безопасности РФ был подготовлен лишь проект политической оценки событий октября-ноября 1992 г. В конфликтующих республиках такая оценка была дана, хотя и с диаметрально противоположных позиций. Она была озвучена Верховным Советом Северной Осетии (10 ноября 1992 г.) и Народным собранием Ингушетии (21 сентября 1994 г.). По официальным данным, в зоне конфликта в ходе осетино-ингушского

вооруженного противостояния погибли 478 человек, ранены 840 человек, более 200 человек пропали без вести. Свыше 40 тыс. человек стали вынужденными переселенцами. Ингушская сторона называет цифру 70 и даже 100 тыс. вынужденных переселенцев (последняя цифра явно завышена). Общий материальный ущерб был оценен в 12 млрд. руб. (в ценах 1992 г.)⁶⁰.

Конфликт в Пригородном районе способствовал инверсии политических отношений двух северокавказских республик с федеральным центром. Если в 1990-1991 гг. Северная Осетия занималась политической фрондой по отношению к российской власти, а Ингушетия обеспечивала массовую поддержку команде Бориса Ельцина (на президентских выборах 1991 г. в Назрановском районе Ельцин получил 99,9% голосов), то после 1992 г. ситуация развернулась на 180 градусов. Российская власть, начав с обещаний разрешить проблемы реабилитации репрессированных народов в сжатые сроки, вернулась к политике обеспечения статус-кво, справедливо опасаясь дальнейшей политизации этничности. В 1992 г. Северная Осетия вернулась к привычной роли форпоста российской политики на Кавказе.

1 ноября 1992 г. указом президента России в зоне конфликта был введен режим ЧП и создана Временная администрация (ВА) с руководителем в ранге заместителя председателя Правительства РФ. После ноября 1992 г. боевые действия между противоборствующими сторонами прекратились. Произошел обмен пленными, однако такая проблема, как возвращение вынужденных переселенцев, не разрешена и сегодня. Между тем, позиция руководства Северной Осетии по проблеме вынужденных переселенцев эволюционировала от полного неприятия самой постановки проблемы (конец 1992 г.) до признания необходимости проведения переговоров об их возвращении (март 1993 г.). В феврале 1995 г. президентским указом режим ЧП был отменен, ВА была преобразована во Временный государственный комитет по ликвидации последствий конфликта.

Четвертый этап (продолжающийся до настоящего времени) можно определить как поиск формулы разрешения конфликта.

В октябре 1997 г. Временный комитет был преобразован в «Представительство полномочного представителя Президента РФ в Северной Осетии и Ингушетии». В сентябре 2000 г. оно было переименовано в «Представительство спецпредставителя Президента РФ».

⁶⁰ Дзадзиев А. Б. Указ. соч.; Маркедонов С. М. Этнонациональный и религиозный фактор... С. 60-61.

7 октября 2004 г. президент Владимир Путин подписал указ «О мерах по совершенствованию деятельности государственных органов по развитию отношений между Республикой Северная Осетия-Алания и Республикой Ингушетия», согласно которому была упразднена должность специального представителя президента России по вопросам урегулирования осетино-ингушского конфликта и его аппарат. Обязанности по решению проблем беженцев были возложены на полномочное представительство президента РФ в Южном федеральном округе. Однако у всех упомянутых выше структур была одна цель – поиск компромисса между противоборствующими сторонами и ликвидация последствий вооруженного противостояния осетинской и ингушской сторон.

В марте 1993 г. президент Северной Осетии Ахсарбек Галазов и президент Ингушетии Руслан Аушев в г. Кисловодске (Ставропольский край) подписали соглашение о необходимости совместно решать проблему возвращения вынужденных переселенцев. В июне 1994 г. состоялась встреча президентов двух республик в г. Беслане (Северная Осетия). По итогам встречи был подписан «Порядок возвращения вынужденных переселенцев в места их прежнего компактного проживания в населенных пунктах Пригородного района Республики Северная Осетия». 8 августа 1994 г. был утвержден «График возвращения вынужденных переселенцев». Начиная с 1994 г., в Пригородном районе периодически возникали конфликты между возвращающимися ингушами и осетинами (май 1995 г., март 1996 г. и др.). В октябре 2002 г. было подписано «Соглашение о развитии сотрудничества и добрососедства между Республикой Северная Осетия и Республикой Ингушетия». Текст Соглашения содержал декларацию о преодолении наследия октября 1992 г.

8 февраля 2006 г. тогдашним полномочным представителем президента РФ в Южном федеральном округе Дмитрием Козаком был принят План мероприятий по ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта. Однако данный план был отвергнут Народным собранием Ингушетии (так как в нем акценты были сделаны не на изменение территориально-административного устройства и возвращение вынужденных переселенцев, а на обустройство их в Ингушетии). В свою очередь, 9 августа 2005 г. парламент Северной Осетии оспорил в Конституционном суде РФ пункты Закона «О реабилитации репрессированных народов», касающиеся территориальных вопросов.

Президенты Ингушетии Мурат Зязиков (2002-2008 гг.) и Юнусбек Евкуров (занял этот пост в 31 октября 2008 г.) испытывали (и ис-

пытывают) жесткое давление со стороны активистов гражданского общества по вопросу о «возвращении Пригородного района». Эта тема была одной из центральных в ходе работы Пятого съезда народа Ингушетии (31 января 2009 г.), своеобразной республиканской диалоговой площадкой между властью и обществом. На съезде была зачитана Резолюция, принятая на конференции неправительственных организаций Ингушетии 15 января 2009 г. Ингушские интеллектуалы и активисты гражданского общества прямо ставят вопрос о территориальных изменениях, то есть возвращении Пригородного района в состав их республики. Президент Евкуров в этом вопросе намного более осторожен. В своем выступлении он заявил, что «однажды нарушенное внутреннее единство наших народов восстановить очень трудно», однако необходимо «заботиться о бережном отношении к понятиям дружба народов, братство народов и максимально ограничить себя от провокационных лозунгов и высказываний»⁶¹.

Нельзя не заметить определенную позитивную динамику в подходах к урегулированию конфликта в действиях третьего президента Ингушетии Юнус-бека Евкурова. По справедливому замечанию российского кавказоведа Константина Казенина, «Ингушетия теперь настаивает на возвращении вынужденных переселенцев, покинувших свои дома во время конфликта октября-ноября 1992 г., именно в те села Пригородного района, где они жили до конфликта. Не признается более практика “закрытых сел”, а также строительства в Пригородном [районе] новых поселков для переселенцев. Зато руководство Ингушетии внятно отказывается от претензий на возвращение района...»⁶². Этот курс вызвал ответные подвиги и в позициях североосетинской власти. На совещании по проблемам беженцев и вынужденных переселенцев 2 октября 2009 г. президент Северной Осетии Таймураз Мамсуров заявил, что ингуши могут свободно вернуться в Пригородный район, а власти Северной Осетии не чинят им препятствий в этом⁶³. 17 декабря 2009 г. президенты двух конфликтующих республик подписали «Программу совместных действий

⁶¹ Цит. по: Евкуров выступает за возвращение ингушских беженцев в Пригородный район Северной Осетии 2009. 9 февраля // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/149341/>

⁶² Цит. по: Константин Казенин: Пять главных дел Евкурова. 2009. 22 июня // <http://www.regnum.ru/news/1177785.html>

⁶³ Мамсуров: власти Северной Осетии не мешают ингушам вернуться в Пригородный район. 2009, 2 октября // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/160154/>

органов государственной власти, общественных и политических организаций Северной Осетии и Ингушетии по развитию добрососедских отношений на 2010 г.». В данном документе североосетинские власти признали право ингушских вынужденных переселенцев вернуться к местам своего проживания, а руководство Ингушетии отказалось от требований «территориальной реабилитации».

Тем не менее, по данным различных источников, на сегодняшний день порядка 15-20 тыс. вынужденных переселенцев смогли возвратиться в места их прежнего проживания. Сохраняется и мягкий апартеид. В частности, во время выборов органов местного самоуправления Пригородного района 1 марта 2009 г. в тех селах, где проживают ингуши, голосование не проводилось. Ситуацию все эти годы осложнял конфликт между Грузией и Южной Осетией, в результате которого сама Северная Осетия тоже была вынуждена размещать у себя беженцев-осетин из Южной Осетии и внутренних регионов Грузии.

Начало пересмотра внутренних административных границ (то есть решение о передаче Пригородного района под юрисдикцию Ингушетии) может вызвать «эффект домино» и для других субъектов РФ. Спорные границы имеют Чечня и Ингушетия, Калмыкия и Астраханская область, разные районы внутри Дагестана. В то же время невозможно игнорировать весь комплекс проблем, связанных с обеспечением прав и свобод для представителей этнических меньшинств (тех же ингушей на территории Северной Осетии).

Российско-чеченский конфликт

«Чеченский вопрос» стал первым серьезным испытанием на прочность для посткоммунистической России. Едва отразив попытки коммунистической реставрации в августе 1991 г., новое российское государство, провозгласившее своими приоритетами свободу, демократию, рыночную экономику и верховенство закона, столкнулось с вызовом иного качества – сепаратизмом. И если в 1990-1991 гг. формирующийся российский центр поддерживал этнонациональные движения в их борьбе с союзными властями, то в 1991 г. он сам оказался перед лицом сепаратистской угрозы. И сегодня, спустя почти два десятилетия, состоятельность России как единого федеративного государства во многом зависит от того, насколько адекватным будет ответ на «чеченский вопрос».

История инкорпорирования Чечни в состав Российского государства сложна и противоречива. Однако полностью «привязывать»

крупный этнополитический конфликт современности к историческому прошлому российско-чеченских отношений было бы неверно. Фактор истории, безусловно, сыграл свою роль в актуализации сепаратистских настроений в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Но тот же самый фактор истории в условиях Адыгеи, Дагестана или Карачаево-Черкесии не привел к столь негативным результатам. Следовательно, необходимо констатировать: остроту конфликту придали уникальные особенности региона, сформировавшиеся уже в новейший период.

Первое чеченское посольство во главе с Батай-мурзой Окоцким (одним из чеченских владетелей) посетило Москву в 1588 г. Однако до второй половины XVIII в. Россия имела минимальные и нерегулярные контакты с Чечней и чеченцами. В 1785 г. Российская империя сталкивается с чеченцами в ходе подавления движения шейха Мансура (Ушурмы), начатого под знаменем священной войны против неверных («газавата»). В этой связи трудно идентифицировать именно этнополитическую составляющую восстания (так как его лозунги были не националистическими, а религиозными, а противопоставление «мы – они» осуществлялось не по принципу «крови», а по вероисповеданию). В 1816-1827 гг. российская имперская администрация на Кавказе начинает продвижение вглубь территории Чечни. В военно-политическом контроле и хозяйственно-колониационном освоении Чечни тогдашний российский «наместник» генерал Алексей Ермолов видел залог прекращения набегов (компенсирующего экономического фактора в горских обществах того времени). Начиная с 1828 г., многие чеченцы принимают участие в борьбе с Российской империей в составе имамата Дагестана и Чечни (в особенности в период 1834-1859 гг., когда имамом был знаменитый Шамиль). В 1860 г. по указу императора Александра II в восточной части Северного Кавказа была создана Терская область, в состав которой вошли Чеченский, Ичкерийский, Ингушский и Нагорный округа. Примерно 1/5 часть от общей численности чеченцев после завершения Кавказской войны покинула свою родину и переехала в единоверную Османскую империю. Российская администрация, борясь с широким спектром антиимперских движений (от религиозных проповедников до обычных абреков), пыталась привлечь чеченцев на сторону официальной власти. В ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг. отличился Чеченский конно-иррегулярный полк в составе русской армии, а в годы Первой мировой войны чеченцы хорошо зарекомендовали себя в составе «Дикой дивизии».

В годы гражданской войны чеченцы участвовали и в светском (Горская республика), и в теократическом (эмиратство шейха Узун-хаджи) государственных проектах. Ведя борьбу с Белым движением как с политическим наследником Российской империи, чеченские националисты вступили в ситуативный союз с Советской Россией. Большевики активно использовали лозунги самоопределения народов, оказавшиеся созвучными чаяниям чеченцев. Фактически Чечня стала важным центром сопротивления Антону Деникину и Вооруженным силам Юга России. В марте 1920 г. после ухода деникинских войск на Северном Кавказе установилась советская власть. С помощью чеченцев Советская Россия осуществляла политику расказачивания. В начале 1920-х гг. советская власть, видя в исламе «революционную силу», проводила политику, благожелательную по отношению к чеченским духовным авторитетам. Первые годы советской власти были для чеченцев наиболее благоприятным периодом сотрудничества с государством как таковым. Однако коллективизация и последовавшая после относительно либерального религиозного курса политика государственного атеизма резко изменили ситуацию. В конце 1920-х-1930-е гг. по Чечне прокатилась волна восстаний (наиболее мощное выступление в Ножай-Юртовском районе в 1932 г.). В январе 1940 г. началось восстание во главе с Хасаном Исраиловым. Его лидеры вскоре провели вооруженный народный съезд в Галанчоже (горные районы) и объявили провозглашение «Временного народно-революционного правительства Чечено-Ингушетии» во главе с самим Исраиловым. В феврале 1942 г. Майрбеком Шериповым было поднято восстание в Шатое и Итум-кале, после чего произошло объединение восставших с силами Исраилова.

Эти выступления спровоцировали депортацию чеченцев из мест их традиционного проживания. По словам историка Вахита Акаева, «...руководители восстания нанесли колоссальный вред своему народу, предоставили сталинско-бериевским чекистам повод для физической и политической расправы над ними»⁶⁴. В соответствии с постановлением Государственного комитета обороны (ГКО) № 5073 от 31 января 1944 г., более 400 тыс. чеченцев были депортированы в Казахстан и Среднюю Азию. Чечено-Ингушская АССР была упразднена. После XX съезда начался процесс десталинизации. 9 января

1957 г. Президиум Верховного Совета СССР постановил восстановить автономию чеченцев и ингушей и разрешить их возвращение на прежнее место жительства. В состав Чечено-Ингушетии были переданы Наурский и Шелковской районы, входившие ранее в состав Ставропольского края. Процессу возвращения предполагалось придать плановый и постепенный характер. Однако этот процесс вышел из-под контроля. Бесконтрольный процесс репатриации создавал серьезные проблемы с трудоустройством на новом месте, а также с обеспечением жильем. Эти проблемы были питательной почвой для роста этнонационалистических экстремистских настроений, призывов к восстановлению исторической справедливости даже ценой нарушения справедливости по отношению к жителям республики – нечеченцам. Возвращение чеченцев ознаменовалось межэтническими столкновениями, которые достигли своего пика в августе 1958 г. Убийство русского рабочего чеченцем вылилось в многотысячную траурную демонстрацию представителей русской общины. В ходе массовых акций были выдвинуты требования выселения чеченцев из Грозного, переименования Чечено-Ингушетии в Грозненскую область, установления квот для чеченцев Грозненской области (не более 10% от общей численности населения). В течение двух дней участниками акции был блокирован грозненский вокзал и совершено нападение на обком КПСС. При этом демонстранты не выдвигали радикальных антикоммунистических лозунгов, ограничившись античеченскими. Выступления представителей русской общины были жестко подавлены и расценены как проявления «великодержавного шовинизма» и «контрреволюционности». В ходе судебных разбирательств были осуждены 91 участник акции. Официальная власть ни на уровне ЦК, ни на уровне обкома КПСС не попыталась дать строгий объективный анализ сложившейся ситуации. Как бы то ни было, начиная с 1959 по 1989 гг. (то есть до новых военных конфликтов) более 50 тыс. русских покинули пределы Чечено-Ингушетии⁶⁵.

Тем не менее, после 1958 г. ситуация в республике стала относительно управляемой. Не велось активного антироссийского повстанческого движения, демонстрировалась внешняя лояльность. Однако тонкий слой «советскости» скрывал антироссийские стереотипы. Для их укоренения существовали важные предпосылки:

⁶⁴ Акаев В. Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе / Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» Института этнологии и антропологии РАН. Документ № 127. – М., 1999. С. 6.

⁶⁵ Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев: 1953 – начало 1980-х гг. – Новосибирск: Сибирский хронограф. 1999.; Белозеров В. С. Этническая картина Северного Кавказа. – М.: ОГИ. С. 227.

– недостаточная интегрированность Чечни в советскую экономику и социальные структуры советского общества;

– демографический взрыв в условиях небольшой территории.

В Чечено-Ингушетии главная ставка делалась на развитии нефтедобычи и переработки. Эти стратегические отрасли развивались, главным образом, за счет русских кадров. Отрасли, в которых себя могли бы реализовать чеченцы, не получали достаточного внимания со стороны союзного центра. Начиная с 1959 г., численность чеченцев значительно выросла. В 1959 г. она составляла 256,8 тыс. человек, в 1979 г. – 670 тыс. человек, а в 1989 г. – 792,4 тыс. человек. Бурный демографический рост в небольшой по площади автономной республике способствовал постепенному формированию «лишней рабочей силы» и скрытой безработице. Социально-экономическими нишами для чеченцев стали отхожие промыслы («шабашки»), подпольный бизнес, связанный с криминалом. Фактически наряду с официальной советской экономикой в Чечне интенсивно развивалась параллельная экономическая система, не связанная жестким соблюдением законов и правил. Сезонные миграции экономически активного населения республики (мужского населения) за пределы Чечено-Ингушетии, сопряженные с неоднозначным и нередко негативным опытом взаимоотношений с правоохранительными структурами, способствовали жесткому противопоставлению «чеченского мира» русским, СССР и России.

С началом политической либерализации периода «перестройки» активизируется формирование чеченского этнонационального движения, которое в 1989-1990 гг. имеет два центра. Один формируется вокруг Чечено-Ингушского обкома КПСС (в 1989 г. впервые после депортации этнический чеченец становится первым секретарем обкома партии). Второй – вокруг неформальных структур (многие из которых обкомом были и созданы). В 1989-1991 гг. оба этих центра действуют синхронно, выступая за прямое вхождение Чечено-Ингушетии в состав «обновленного Союза ССР», минуя Российскую Федерацию в качестве самостоятельного субъекта. Однако в апреле-мае 1991 г. отношения между республиканским обкомом и Чеченским национальным съездом (ЧНС) обостряются, этнонационалисты начинают претендовать на реальную власть. Именно этот процесс может рассматриваться как начало современного этнополитического конфликта в Чечне. В своем развитии конфликт прошел шесть этапов.

На первом этапе (апрель 1991 г. – ноябрь 1991 гг.) лидеры чеченских националистов из ЧНС (трансформировавшегося в июне

1991 г. в Общенациональный конгресс чеченского народа – ОКЧН) повели борьбу за властную монополию внутри республики. В начале сентября 1991 г. ОКЧН и его лидер Джохар Дудаев объявили низложенным Верховный Совет Чечено-Ингушской Республики и начали борьбу против единственно легитимных на тот момент структур власти. 6 сентября 1991 г. боевики ОКЧН организуют силовой разгон Верховного Совета. Агонизирующий союзный центр и российский центр не препятствуют Дудаеву и его сторонникам, поскольку у первого нет реальных ресурсов, а второй рассматривает ОКЧН как противников «коммуниста Завгаева». 27 октября 1991 г. проходят выборы президента Чечни, а их победитель Дудаев 2 ноября 1991 г. публикует Указ ««Об объявлении суверенитета Чеченской Республики». Несмотря на наличие сильной антидудаевской оппозиции, российские власти не могут адекватно оценить ситуацию, вводят с опозданием режим ЧП (7 ноября 1991 г.). Однако, не имея четкой стратегии на «чеченском направлении» и достаточных ресурсов (в то время еще не завершена процесс раздела союзного имущества), не реализуют введенного ЧП. С этого времени Чечня, во-первых, отделяется от трех ингушских районов некогда единой Чечено-Ингушетии, а во-вторых, выходит из правового поля новой России.

Начинается второй этап конфликта (ноябрь 1991 г. – декабрь 1994 г.), в котором Российскому государству противостоит де-факто государство Чеченская Республика Ичкерия (Ичкерия – историческая область Чечни, занятая царскими войсками в 1852 г., символ борьбы за независимость, романтизированный дудаевцами). В это время Чечня прекращает все выплаты в российский федеральный бюджет (начиная с 29 января 1992 г.), ликвидирует российские налоговые и правоохранительные структуры, национализировать добычу нефти на территории республики. Конституция Чеченской Республики Ичкерия ликвидирует российское гражданство. В 1993 г. Чечня не принимает участие в референдуме о доверии президенту и Верховному Совету РФ, выборах в Государственную Думу, Совет Федерации и конституционном референдуме. Создаются свои вооруженные силы и силовые структуры. Чеченское руководство отказывается от участия в процессе российской приватизации. Ичкерийское де-факто государство проводит собственную внешнюю политику (участие в грузино-абхазском и армяно-азербайджанском конфликтах, поддержка свергнутого грузинского президента Звиада Гамсахурдиа). С февраля 1992 г. начинаются нападения чеченских формирований на российские военные городки и базы внутренних войск. В

1992-1994 гг. республику покинули 147 тыс. человек (80% из них – русские)⁶⁶. В 1993-1994 гг. внутри Чечни произошло несколько конфликтов с использованием силы (между президентом и парламентом, между республиканской властью и городскими властями Грозного, между республиканской властью и отдельными районами республики). На втором этапе конфликт перестает быть только противостоянием между федеральной властью и сепаратистской окраиной. Он становится также и внутречеченским. В июне 1994 г. в Надтереченом районе формируется антидудаевский центр силы (Временный Совет Чеченской Республики), ориентирующийся на Москву. Две неудачные попытки антидудаевской оппозиции (сентябрь и ноябрь 1994 г.) нанести поражение ичкерийской власти приблизили более активное подключение федерального центра к разрешению ситуации в Чечне.

С этого момента начинается третий этап конфликта – первая чеченская антисепаратистская военная кампания (1994-1996 гг.). Она часто называется «первой чеченской войной», хотя официально конфликт определялся российской властью как «меры по поддержанию конституционного порядка». Несмотря на определенные военные успехи вооруженных сил и МВД России, итогами этого этапа конфликта стали вывод федеральных войск, массовые разрушения и жертвы с обеих сторон, новая де-факто независимость Чечни до 1999 г. В ходе военной кампании Москве, во-первых, не удается выйти на решение политических проблем Чечни. Во-вторых, проведение операции вне жесткого правового поля создает условия для злоупотреблений со стороны военных, милиционеров, сотрудников спецслужб. Это превращает военную кампанию в «освободительную войну» чеченцев, заставляет многих противников Дудаева прекратить борьбу с ним и временно встать на сторону сепаратистов.

Четвертый этап конфликта (1996 – 1999 гг.) является частичным возвратом к реалиям начала 1990-х гг. Де-факто государство Чеченская Республика Ичкерия восстанавливается, а российский контроль над республикой прекращается. В 1997 г. российские войска покидают Чечню. Российско-чеченский конфликт существенно отличается от грузино-абхазского, грузино-осетинского, армяно-азербайджанского и молдавско-приднестровского тем, что только в этом случае центральная власть предоставила сепаратистскому обра-

зованию шанс на создание собственной независимой государственности. Подписав Хасавюртовские Соглашения (август 1996 г.), Москва соглашалась на «отложенный статус Чечни» до 31 декабря 2001 г. Фактически это было признанием того, что Чечня не полностью находится в политическом пространстве РФ (что фиксировала российская Конституция 1993 г.). Однако в 1996-1997 гг. ичкерийские власти в одностороннем порядке, игнорируя Хасавюртовские соглашения, стали определять свой «отложенный статус». Уже в сентябре 1996 г. власти сепаратистской Ичкерии ликвидировали светское судопроизводство, ввели Уголовный кодекс, основанный на нормах шариата и противоречащий российскому законодательству.

Однако исчезновение общей угрозы раскололо сепаратистский лагерь на сторонников светской националистической модели и поборников исламского государства. Избранный президентом в 1997 г. Аслан Масхадов оказался не в состоянии обеспечить единство ичкерийской элиты. В 1997 г. в оппозицию Масхадову перешли такие влиятельные полевые командиры сепаратистов, как Шамиль Басаев и Салман Радуев. В 1998 г. различные группы сепаратистов активизируют террористическую борьбу друг против друга. В течение 1996-1999 гг. отдельные ичкерийские группировки совершают теракты и диверсии за пределами республики на территории других субъектов РФ. Только в апреле-августе 1999 г. они проводят на Ставрополье и в Дагестане более 30 вооруженных акций. Власти де-факто государства оказываются не в состоянии противостоять похищениям российских официальных лиц на территории Чечни (в мае 1998 г. был похищен полномочный представитель президента РФ в Чечне Валентин Власов, а в марте 1999 г. – полномочный представитель МВД РФ Геннадий Шпигун). В то же самое время чеченские исламисты активизируют военно-политическое сотрудничество с религиозными радикалами по всему Северному Кавказу, но особенно с дагестанскими салафитами (которые в 1998 г. создают на территории Буйнакского района «Отдельную исламскую территорию»). Вторжение групп боевиков из Чечни в соседний Дагестан 7 августа 1999 г. стало точкой отсчета нового, пятого, этапа конфликта. В течение месяца боевые действия велись на дагестанской территории, а 23 сентября 1999 г. президент России Борис Ельцин подписал Указ «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации». Указ предусматривал создание Объединенной группировки войск на Северном Кавказе для проведения контртеррористической операции.

⁶⁶ Чечня в пламени сепаратизма. – Саратов: Изд-во Поволжской академии госслужбы, 1998. С. 176-177.

Пятый этап российско-чеченского конфликта – это вторая антисепаратистская военная операция. Официально она называется «серией контртеррористических операций». С формальной точки зрения, режим контртеррористической операции был отменен решением Национального антитеррористического комитета (НАК) России 16 апреля 2009 г., хотя первоначальные ее сроки определялись в два месяца! Между тем, еще 31 января 2006 г. на своей пятой по счету большой кремлевской пресс-конференции президент РФ Владимир Путин заявил: «Я думаю, что вполне можно говорить об окончании контртеррористической операции – при понимании того, что правоохранные органы Чечни практически берут на себя основную ответственность за состояние правоохранительной сферы. В Чечне созданы все органы государственной власти, я уже об этом говорил, и вы хорошо об этом знаете». Однако следует разделять военную операцию, нацеленную на разрушение инфраструктуры сепаратистского образования, и выстраивание новой пророссийской властной системы.

Главным содержанием пятого этапа конфликта стала военная победа над сепаратистами. Военная кампания 1999-2000 гг. имела ряд существенных отличий от военных действий против сепаратистов в 1991-1994 гг. Вторая кампания проходила при общественной поддержке действий власти внутри страны. Более того, рейтинг главы правительства Владимира Путина, позиционировавшего себя в качестве непримиримого врага сепаратистов, в конце 1999 – начале 2000 гг. стремительно рос. Первый президентский срок Путина (2000-2004 гг.) был во многом обеспечен благодаря «чеченскому фактору». Во время второй военной кампании российское руководство не вступало в переговоры с сепаратистскими лидерами, не делая различий между «умеренными» светскими националистами и исламскими радикалами. В течение 2000-2001 гг. федеральным силам удалось решить военные задачи. Спротивление боевиков трансформировалось и перешло из формата боев за города и населенные пункты в теракты, диверсии, точечные удары (как внутри Чечни, так и за ее пределами – теракты в Москве, Ессентуках, Беслане).

Шестой этап конфликта начинается в декабре 2002 г. и продолжается по настоящее время. Его можно определить как попытку (удачная она будет или нет, покажет время) организации постконфликтного урегулирования посредством выстраивания постсепаратистской модели власти и управления. 12 декабря 2002 г. в день принятия российской Конституции увидел свет указ президента РФ

В. Путина о проведении конституционного референдума в Чеченской Республике (состоялся 23 марта 2003 г.). Этот шаг означал переход от системы военно-политического контроля над Чечней с использованием временных администраций к передаче властных полномочий республиканской элите, аттестующей себя в качестве пророссийской. В действительности же Кремль сделал ставку не столько на традиционно пророссийских чеченцев, которые либо участвовали в военных действиях на стороне РФ, либо находились фактически во внутренней эмиграции в различных городах страны, а на бывших полевых командиров и идеологических вождей сепаратистов. Таковым был Ахмад Кадыров, занимавший в 1995-2000 гг. пост муфтия сепаратисткой Ичкерии. Эти последние были в конфликте с радикальными исламистами, продвигавшими в Чечне идеи исламского государства. Был достигнут некий общественный договор. Региональная элита согласилась на реализацию чеченской национальной идеи в составе России, но при этом она обеспечивалась значительной властной автономией, которой лишены другие регионы РФ⁶⁷.

Такой союз привел к определенным и достаточно серьезным результатам: по сути, с федеральных силовых структур была снята ответственность за окончательный разгром боевиков. В то же время федеральный центр закрыл глаза на те методы, которыми этот разгром осуществлялся, а также на политико-правовую обособленность Чечни. Таким образом, мы можем говорить о проведении в течение шести лет политики «чеченизации власти». Олицетворением политики «чеченизации» стал сначала Ахмад Кадыров, а после его смерти в мае 2004 г. его сын Рамзан (стал президентом в 2007 г.). Рамзан Кадыров – политически активная фигура, позволяющая себе публичное обсуждение и даже критику федеральных структур власти. Его самостоятельность проявлялась не раз и в выдавливании из власти и из республики своих оппонентов, и лоббировании экономических интересов Чечни, и в снижении военного присутствия РФ. После отмена режима контртеррористической операции в Чечне 16 апреля 2009 г. в Грозном был открыт международный аэропорт (с таможней). 16 ноября 2009 г. был совершен первый рейс в Саудовскую Аравию, а также постепенный вывод 20-тысячной группировки внутренних войск, базирующейся в республике на временной основе.

---

⁶⁷ Маркедонов С. М. Чеченизация российской власти //Свободная мысль. 2007. № 3. С. 5-20.

Гражданская война в Грузии

В начале 1990-х гг., помимо межэтнических конфликтов, Грузия оказалась вовлечена в силовое внутривнутриполитическое противостояние между сторонниками и противниками первого президента этого государства Звиада Гамсахурдиа. Это событие на долгие годы сформировало у грузинской власти комплекс нелегитимности, поскольку ни один президент Грузии до сих пор не покидал свой пост в соответствии с конституционными процедурами и в результате демократических выборов.

Первым этапом гражданской войны можно считать свержение всенародно избранного президента Грузии. Звиад Гамсахурдиа сначала был избран Верховным Советом республики 14 апреля, а затем победил на всеобщих выборах 26 мая 1991 г. Будучи радикальным этнонационалистом, проводником политики «Грузия – для грузин», ответственным за развязывание грузино-осетинского конфликта, Гамсахурдиа оказался крайне слабым и неэффективным администратором. Свое недолгое президентство он построил на идеологии «осажденной крепости», борьбы с «имперскими происками», что имело катастрофические последствия для экономики страны. По справедливому замечанию известных грузинских экономистов Владимира Папава и Теймураза Беридзе, «остро негативное воздействие оказала на Грузию экономическая самоизоляция: весной 1991 г. был взят курс экономического противостояния с Россией. В результате “изолированной” оказалась отнюдь не Россия, а сама Грузия. На период искусственного “блокадного” противостояния пришлось первая значительная волна разрыва существовавших в течение десятилетий экономических взаимосвязей Грузии с другими республиками бывшего СССР»⁶⁸. В течение нескольких месяцев Гамсахурдиа умудрился поссориться с большей частью своих вчерашних соратников (Тенгиз Сигуа, Тенгиз Китовани). Применение же репрессий против своих оппонентов (Георгий Чантурия, Георгий Хаиндрава), разгон митинга 2 сентября 1991 г. сделали действия оппозиции более радикальными и жесткими. Оппозиционные выступления и силовые действия властей осенью 1991 г. привели к столкновениям между противоборствующими сторонами. Началась трехмесячная осада Дома правительства Грузии. 21 декабря 1991 г. части грузинской Нацио-

нальной Гвардии под предводительством Тенгиза Китовани подняли мятеж, впоследствии поддержанный вооруженными формированиями «Мхедриони» Джабы Иоселиани. 6 января 1992 г. Гамсахурдиа и члены правительства были вынуждены покинуть Грузию. Власть в стране перешла к так называемому «Военному Совету». Гамсахурдиа получил политическое убежище в непризнанной Чеченской Республике Ичкерия.

Второй этап гражданской войны (первая половина 1992 г.) прошел, главным образом, на территории Западной Грузии (Мегрелия). Этот этап, в отличие от первого, имел не только политический, но и этнорегиональный аспект. До сих пор в этнологической литературе не существует консенсуса по поводу этнического статуса мегрелов (большинство авторов считают их субэтнической группой грузин). Мегрелия – историческая область Грузии, занимающая территорию между реками Цхенисцкали и Ингури (имела в XVI-XIX вв. собственное княжество и владетельный княжеский род Дадиани). Начиная с 1992 г., Мегрелия стала политическим плацдармом свергнутого президента Гамсахурдиа.

Звиадисты не признали власть Военного Совета, а затем Госсовета Грузии (был создан в марте 1992 г.). Впоследствии власть вернувшегося в Грузию Эдуарда Шеварднадзе рассматривалась звиадистами как нелегитимная. С их точки зрения, единственным легитимным главой Грузии был всенародно избранный президент Гамсахурдиа. Партизанские действия сторонников свергнутого президента начались уже в феврале 1992 г. Второе восстание в Мегрелии было подавлено центральными грузинскими властями в апреле 1992 г., а в июле того же года началось третье восстание. С началом грузино-абхазского вооруженного конфликта (август 1992 г.) в Тбилиси были объективно заинтересованы в обеспечении крепкого тыла в Мегрелии. В августе 1992 г. Госсовет Грузии выпустил «Манифест великого примирения», обращенный к сторонникам Гамсахурдиа и предполагавший амнистию за участие в вооруженных действиях против центральных властей. Борьба с «агрессивным абхазским сепаратизмом» (как официально называли абхазское движение в Тбилиси) на время сгладила противоречия между звиадистами и сторонниками Шеварднадзе.

Третий этап (пик) гражданской войны пришелся на конец лета – осень 1993 г. Основным его театром была также Мегрелия. Ухудшение военно-политической ситуации в Абхазии спровоцировало звиадистов на новое вооруженное выступление. 28 августа 1993 г. один

⁶⁸ Папава В., Беридзе Т. Начало экономических реформ в посткоммунистической Грузии / В кн.: Т. Беридзе, Э. Исмаилова и В. Папава. Центральный Кавказ и экономика Грузии. – Баку: Нурлан, 2004. С. 45.

из командиров звиадистских вооруженных группировок в Мегрелии Вахтанг Кобаля (более известный как Лоти) начал четвертое с момента отстранения от власти Гамсахурдиа восстание. В г. Зугдиди часть бывших грузинских парламентариев, преданных первому президенту страны, обратились с требованием проведения парламентских выборов с участием звиадистов как полноценных политических акторов. 24 сентября 1993 г. из Чечни в Грузию вернулся Гамсахурдиа. На митинге в Зугдиди первый президент Грузии призвал, с одной стороны, бороться за Сухуми (столицу Абхазии), а с другой – к передаче власти «законно избранному главе государства». Выступление звиадистов совпало по времени с наступлением абхазов, что дало повод и Шеварднадзе, и его сторонникам обвинить первого грузинского президента в тайном сговоре с абхазским лидером Владиславом Ардзинбой. 16 сентября 1993 г. грузинский парламент ввел режим ЧП в стране и приостановил свою деятельность сроком на две месяца. В октябре 1993 г. звиадисты взяли под свой контроль важный железнодорожный центр Западной Грузии Самтредиа, а также Ланчхути и город-порт Поти. Силы звиадистов оказались в непосредственной близости от Кутаиси (второго по величине города Грузии). Однако уже в конце октября 1993 г. наступление сторонников Гамсахурдиа было остановлено. С использованием прямой военной помощи со стороны Группы российских войск в Закавказье (ГРВЗ) четвертое восстание в Мегрелии в начале ноября 1993 г. было подавлено.

В декабре 1993 г. первый президент Грузии Звиад Гамсахурдиа покончил с собой (по другой версии – погиб при невыясненных обстоятельствах). Его гибель способствовала политической маргинализации и криминализации звиадистского движения. В феврале 1998 г. звиадист Г. Эсебуа захватил в Зугдидском районе четырех военных наблюдателей ООН. В октябре 1998 г. А. Элиава (в прошлом соратник Кобаля) поднял мятеж против центральной власти в г. Сенаки, однако это выступление, в отличие от восстаний 1992-1993 гг., было быстро и эффективно подавлено. Ситуация в Мегрелии претерпела кардинальные изменения с приходом к власти президента Михаила Саакашвили, имевшего поддержку в Западной Грузии. Массовое участие выходцев из Мегрелии в акциях в Тбилиси сыграло значительную роль в «революции роз» в 2003 г. Именно Западная Грузия в январе 2004 и январе 2008 гг. дала наибольший процент голосов в поддержку Михаила Саакашвили.

Молдавско-приднестровский конфликт

Молдавско-приднестровский конфликт – противостояние между признанной мировым сообществом Республикой Молдова и де-факто государством Приднестровская Молдавская Республика (ПМР), под контролем которой находится, главным образом, левобережье Днестра и большая часть правобережного города Бендеры. Конфликт, начавшийся в период «перестройки» как внутриреспубликанский (в рамках Молдавской ССР), после обретения независимости Молдовой перерос в вооруженное противостояние в 1992 г. и до сих пор не получил своего политического разрешения.

Данный конфликт существенно отличается от других вооруженных противостояний на территории бывшего СССР по следующим признакам. Во-первых, в отличие от других де-факто государств, возникших в результате распада Советского Союза, ПМР на момент начала конфликта с Молдавией не имела властной инфраструктуры в виде автономной республики или области. Территория ПМР не была определена Конституцией СССР 1977 г. и Основным законом Молдавской ССР 1978 г., она создавалась уже в ходе конфликта 1989-1990 гг.

Во-вторых, этническая композиция конфликта на Днестре более сложна, чем в Абхазии, Южной Осетии или в Нагорном Карабахе. С одной стороны, даже в названии де-факто государства ПМР присутствует слово «молдавская», а молдавский язык (на кириллической основе) является одним из трех государственных языков (наряду с украинским и русским). В политической элите непризнанной ПМР этнические молдаване всегда были представлены (Григорий Маракуча в 1990-2005 гг. был председателем Верховного Совета республики, Александр Караман – вице-президентом в 1996-2001 гг.)⁶⁹. С другой стороны, на правом берегу Днестра в Республике Молдова количество русского населения по абсолютным показателям (200 300 человек) без учета процентного соотношения различных этнических групп превышает число русских в Приднестровье (168 316 человек). Таким образом, этнический компонент конфликта не является здесь ведущим. Намного более важной проблемой является борьба за политическую идентификацию.

В-третьих, вооруженная фаза конфликта на Днестре, по сравнению с Абхазией или Нагорным Карабахом, была менее интенсивная.

⁶⁹ Troebst S. «We are Transnistrians !» Post-Soviet Identity Management in the Dniester Valley // *Ab imperio*. 2003. № 1. P. 437-467.

Она не сопровождалась этническими чистками и перемещением масс беженцев.

В-четвертых, в ходе урегулирования молдавско-приднестровского конфликта только на Днестре противоборствующие стороны в течение многих лет (1994-2003 гг.) обсуждали не предпосылки невозможности совместного проживания, а условия для возможной реинтеграции.

Политический кризис в Приднестровье и «приднестровский вопрос» обозначился в 1989 г. Тогда же обозначились и конфликтные точки между руководством Молдавии (Кишинев), с одной стороны, и населением левобережных районов тогдашней Молдавской ССР (Тирасполь, Каменский, Рыбницкий, Дубоссарский, Григориопольский и Слободзейский), а также правобережного города Бендеры – с другой. Именно эти территории впоследствии стали Приднестровской Республикой. Главными причинами конфликта были, во-первых, советская политика «конструирования» этнотерриториальных образований, а, во-вторых, курс на форсированную национализацию и самоопределение, предпринятый республиканскими элитами советской Молдавии в период «перестройки».

В 1940 г. советское руководство решило объединить в рамках одного субъекта советской федерации пять районов Молдавской АССР в составе Украины (данное этнотерриториальное образование существовало в 1924-1940 гг.) и территорию Бессарабии, которая в 1918-1940 гг. входила в состав Королевства Румыния и попала под юрисдикцию СССР в результате заключения Пакта Молотова-Риббентропа. Таким образом, в составе одного административно-территориального образования оказались территории с разной политической идентичностью и разной историей. До 1989 г. в составе советской Молдавии не было (в отличие от Грузии, Азербайджана, России или Узбекистана) никаких этнотерриториальных автономий. При этом экономическая структура двух берегов Днестра существенно отличалась друг от друга. На левом берегу было сосредоточено большинство промышленных предприятий советской Молдавии, имевших «союзное подчинение» (напрямую ЦК КПСС, министерствам и ведомствам в Москве, минуя ЦК КП и Совмин Молдавии). Эти экономические отличия также укрепляли идентификационные различия между двумя берегами Днестра.

Конфликт между Молдовой и Приднестровьем прошел несколько этапов.

Первый этап молдавско-приднестровского конфликта (1989-1991 гг.) – внутригосударственный конфликт, развитие и эскалация

которого проходила в рамках единого государства Советского Союза на фоне деградации и дегенерации КПСС как системы политического управления и распада советских институтов на «национальные» протогосударственные образования. В это время начался процесс территориальной дезинтеграции советской Молдовы. Именно в 1989-1991 гг. сформировалось «ядро» будущего непризнанного государства, родилось само его политическое имя – Приднестровская Республика.

Поводом для дезинтеграции Молдавии стали политические инициативы республиканского руководства 1989 г. – подготовка закона «О языке МССР», который предполагал перевод молдавского языка с кириллицы на латиницу, а также введения молдавского в качестве единственного государственного языка. В левобережных районах Днестра эти меры восприняли как дискриминационные. Это привело к возникновению общественного движения за введение на всей территории тогдашней советской Молдавии двух государственных языков (молдавского и русского). При этом даже этнические молдаване Левобережья выступили против перевода молдавского языка на латиницу. В мае 1989 г. в Кишиневе был создан Народный фронт Молдовы (выступавший за ускоренную национализацию), а в Тирасполе – Интердвижение (выступавшее за сохранение позиций русского языка). Народный фронт начал интенсивно продвигать идею «общей румынской судьбы». В августе 1989 г. в Тирасполе (будущей столице Приднестровья) создается Объединенный Совет трудовых коллективов (ОСТК), провозгласивший своей главной целью борьбу с этнической дискриминацией. ОСТК начал забастовочные действия, в то время как Народный фронт в Кишиневе провел «Великое национальное собрание», выступившее за исключение русского языка из общественной жизни республики.

Эскалация конфликта произошла после того, как 31 августа 1989 г. Верховный совет Молдавии придал молдавскому языку статус государственного. В ответ на это на второй конференции ОСТК (ноябрь 1989 г.) было артикулировано предложение о создании автономии в Приднестровье. В конце 1989 – начале 1990 гг. на левом берегу Днестра проводятся референдумы о создании Приднестровской Автономной Социалистической Республики. Попытки депутатов от Приднестровья защищать и продвигать свои территориальные интересы в рамках Верховного Совета Молдавии (был избран 25 февраля 1990 г.) не увенчались успехом. В высшем законодательном органе Молдовы в то время доминировали представители Народного фрон-

та. В июле 1990 г. Народный фронт выступил с требованием о переименовании Молдавии в Румынскую Республику Молдова. Все это ускорило самоопределение Приднестровья, которое 2 сентября 1990 г. провозгласило свою отдельную республику в составе СССР. С этого времени до распада СССР в декабре 1991 г. лидеры Приднестровья пытались безуспешно добиться признания у советских лидеров. Первые столкновения и первые жертвы конфликта появились в 1990-1991 гг. (инциденты у Дубоссар, Бендер). Тогда же активно формируются силовые структуры противоборствующих сторон.

Второй этап (первая половина 1992 г.) – перерастание конфликта в вооруженное противостояние. В марте-июне 1992 г. прошла серия инцидентов с применением оружия (расстрел машины дубоссарских милиционеров, столкновения отряда МВД Молдовы с частями 14-й российской армии, дислоцированной в Приднестровье начиная с 1956 г., вооруженный инцидент в Бендерах, теракт у села Карагаш). Конфликтующие стороны провели мобилизацию (в Молдове призваны 18 тыс. резервистов, а в Приднестровье оружие роздано 14 тыс. добровольцев). 19-21 июня 1992 г. вооруженная фаза конфликта достигла пика. Произошло сражение за Бендеры, молдавские регулярные части предприняли штурм горисполкома, обороняемого приднестровцами. Помощь ПМР оказали российские добровольцы и военнослужащие 14-й армии, у многих из которых были в Приднестровье семьи (тогда и впоследствии это дало возможность говорить о «руке Кремля» в процессе эскалации конфликта). Провал наступления на Бендеры (а также протесты молдавских оппозиционеров против гражданской войны) вынудил Кишинев искать выхода из сложившегося тупика. 21 июля 1992 г. в Москве президентом РФ Борисом Ельциным и президентом Республики Молдова Мирчей Снегуром в присутствии лидера ПМР Игоря Смирнова было подписано соглашение «О принципах урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдовы». Начинается новый этап конфликта – поиски мирного урегулирования. Во время вооруженного противостояния погибли более 1000 человек, из которых 400 человек – мирные жители. В июле 1992 г. в зону вооруженного конфликта вводятся миротворцы. Для наблюдения за выполнением условий мира создается Объединенная Контрольная Комиссия (ОКК) в составе Молдовы, РФ и ПМР (в ее работе также будут участвовать представители Украины и ОБСЕ).

Третий этап (1992–2003 гг.) может быть охарактеризован, как организация переговорного процесса. Начиная с 1994 г., между

Молдовой и ПМР был подписан целый ряд документов, определяющих неприменение силы и нормализацию отношений между двумя сторонами Днестра.

5 июля 1995 г. было подписано Соглашение о поддержании мира и гарантиях безопасности между Республикой Молдова и Приднестровьем, которое стало первым международным документом, подписанным при непосредственном участии Приднестровья. 8 мая 1997 г. в Москве был подписан Меморандум «Об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем». Гарантами мира и безопасности в зоне конфликта стали Россия и Украина. ОБСЕ взяла на себя функцию посредника на переговорах. В начале 2000-х гг. в процесс мирного урегулирования более активно включились США и Европейский Союз. После визита в Кишинев 16-17 июня 2000 г. президент РФ Владимир Путин принял решение о создании Госкомиссии по содействию политическому урегулированию приднестровской проблемы во главе с маститым дипломатом Евгением Примаковым. Она предложила проект Соглашения на основе принципа «Общего государства». Обе стороны, приняв проект за основу, далее отказались от него (в том числе и из-за критики внутри своих республик).

Наиболее близко стороны подошли к взаимопониманию в период подготовки так называемого «Меморандума “Об основных принципах государственного устройства объединенного государства”» (известен как «план Дмитрия Козака», на тот момент первого заместителя главы администрации президента России) в 2003 г. Меморандум предполагал создание Молдавского федеративного государства. Документ был парафирован обеими сторонами, однако в самый канун его подписания молдавская сторона отказалась ставить свою подпись. С точки зрения лидеров Приднестровья, отказ Молдовы показал неспособность президента этого государства и его команды к равноправному диалогу. С точки зрения представителей молдавской стороны, отказ мотивирован тем, что Меморандум не был поддержан представителями международных структур (ОБСЕ, Совета Европы, НАТО), а также США и европейскими странами. По мнению же американских европейских дипломатов, их поддержка оказалась невозможной из-за того, что Москва стремилась пролонгировать пребывание 14-й армии на территории Приднестровья. Как бы то ни было, провал «плана Козака» способствовал общей деградации переговорного процесса.

Четвертый этап может быть определен как стагнация мирного процесса, которая перемежается поисками новых вариантов

разрешения конфликта. Он начинается в 2003 г. и продолжается до сегодняшнего дня. Переговоры между президентами Молдовы и Приднестровья прекращаются. Попытку взять лидерство в миротворческом процессе предпринимает Украина. 22 апреля 2005 г. на саммите ГУАМ озвучивается так называемый «план Виктора Ющенко». Согласно плану украинского президента, до августа 2005 г. парламент Молдавии должен был принять закон об особом статусе Приднестровья, по которому региону оставались флаг, герб и три государственных языка – русский, украинский и молдавский. В случае, если Молдавия перестанет быть самостоятельным государством, Приднестровье получало право выйти из ее состава. «План Ющенко» допускал прямое общение представителей мирового сообщества с ПМР без участия Молдавии. Однако данный проект постигла участь «плана Козака». Между тем, начиная с 3 марта 2006 г., Украина начала пропускать через свою границу (а у ПМР граница с Украиной – это 405 км) только те приднестровские грузы, которые были оформлены таможенной службой Молдавии. В Тирасполе этот шаг расценили как введение совместной украино-молдавской экономической блокады Приднестровья, что также не способствовало сближению позиций конфликтующих сторон. Более того, этот шаг Киева еще сильнее подтолкнул ПМР к Москве.

17 сентября 2006 г. Приднестровье организовало референдум об определении будущего статуса по двум вопросам: «1. Поддерживаете ли Вы курс на независимость Приднестровской Молдавской Республики и последующее свободное присоединение Приднестровья к Российской Федерации? 2. Считаете ли Вы возможным отказ от независимости Приднестровской Молдавской Республики с последующим вхождением Приднестровья в состав Республики Молдова?». Пророссийская позиция получила 97% голосов. 31 января 2007 г. на пленарном заседании Верховного Совета непризнанной республики был принят проект постановления «О признании утратившими силу некоторых нормативных актов Верховного Совета ПМР». Утратившими силу признавались документы, принятые высшим законодательным органом ПМР в период с 1993 по 2005 гг. Таким образом, Тирасполь подвел определенную черту под многолетними попытками (в том числе и совместными с Молдовой) построить фундамент «общего государства». Дискурс суверенитета и независимости вышел на первый план.

Тем не менее, в апреле 2008 г. после многолетнего перерыва произошла встреча президентов Молдовы и ПМР, соответственно,

Владимира Воронина и Игоря Смирнова. Вторая встреча президентов прошла 24 декабря 2008 г. Между тем, позиции сторон не претерпели существенных изменений. Кишинев настаивает на унитарной модели своей государственности, предлагая Приднестровью «самый высокий уровень автономии». Тирасполь настаивает на фактической конфедерации, подчеркивая, что народ ПМР выбрал на референдуме 2006 г. курс на независимость.

18 марта 2009 г. при решающей роли России в Москве состоялась очередная встреча двух президентов, по итогам которой было подписано совместное заявление за подписями Воронина, Смирнова и президента РФ Дмитрия Медведева. Заявление не является юридически обязывающим документом, но оно в то же время предполагает приверженность исключительно политическим методам решения конфликта, а также полноценное возобновление переговорного формата «5+2» (страны-гаранты, посредники, плюс конфликтующие стороны)⁷⁰.

Однако после московской встречи мирная инициатива российского президента не получила должного развития (Тирасполь не получил долгожданного изменения таможенных правил, а Кишинев – гарантий того, что Кремль готов оказывать более жесткое давление на «сепаратистов»). Определенным фактором торможения мирного процесса стал и внутривнутриполитический кризис в Молдавии (он развернулся весной 2009 г. после очередных парламентских выборов, привел к внеочередной парламентской кампании в июле 2009 г. и уходу от власти президента Владимира Воронина).

Ситуация в Гагаузии

Гагаузия (имеющая официальное название Гагауз Ери) является автономным территориальным образованием на юге Республики Молдова. Эта автономия – результат постсоветской национальной политики Молдовы, в советское время такого этнотерриториального образования не существовало. Население автономии незначительно. По данным переписи населения 2004 г., в этом автономном образовании проживают 155,6 тыс. человек или 4,6% населения Республики Молдова. При этом на долю гагаузов (тюркоязычный народ) приходится 82,1% общей численности жителей автономии (127,8 тыс.

⁷⁰ См. текст Совместного заявления президентов РФ, Молдовы и Приднестровья на сайте <http://ru.interlic.md/2009-03-18/sovместnoe-zajavlenie-prezidentov-rossii-moldovy-pridnestrovja-9118.html>

человек), болгар – 5,1% (8 тыс. человек), молдаван – 4,8% (7,5 тыс. человек), русских – 3,8% (5,9 тыс. человек), украинцев – 3,2% (4,9 тыс. человек). Официальными языками автономии являются гагаузский, молдавский и русский. При этом в нынешней Молдове Гагаузия является крупнейшим русскоязычным регионом (без Приднестровья). В конце 1980-х – начале 1990-х гг. на фоне конфликта в Приднестровье проблемы Гагаузии решались сравнительно мирно⁷¹.

Между тем, в начале 1990 г. ситуация там балансировала на грани межэтнического конфликта. Стремительная «национализация» Молдовы привела к тому, что населенные пункты с компактным проживанием гагаузов в августе 1990 г. провозгласили свою республику. Именно Гагаузия, территория бывшей Советской Молдавии, стала пионером в движении самопровозглашенных республик (для сравнения, Нагорный Карабах провозгласил свою независимость в декабре 1991 г.). В отличие от самоопределяющегося Кишинева, Комрат (столица Гагаузии) заявлял о своем стремлении остаться в составе «обновленного Союза». В октябре 1990 г. с целью сорвать выборы в Верховный Совет Гагаузии активисты молдавского Народного фронта организовали марш на Комрат (известный как «поход на Гагаузию»). В ответ в Гагаузии (ее поддержало Приднестровье) началась мобилизация, формирование добровольческих отрядов. Однако 30 октября удалось достичь компромисса (договориться об отводе добровольцев с двух сторон) и не допустить эскалации насилия. После распада Советского Союза в 1994 г. на территории Гагаузии прошел референдум, на котором население региона выступило в пользу автономного статуса в составе Молдавского государства. Тогда же национальный парламент Республики Молдова принял особый закон, регламентирующий статус Гагауз Ери в составе единого государства. В соответствии с Законом «Об особом правовом статусе Гагаузии» и «Об административно-территориальном устройстве Гагаузии» территория автономии включает в себя 3 района и 26 населенных пунктов. Особый статус Гагаузии дает ей право на участие в формировании внутренней, социально-экономической и внешней политики единой Молдовы. Отсюда и большой набор договоров, которые Гагауз Ери подписала с различными субъектами РФ, областями Украины и Белоруссии, Румынии, Болгарии, Чехии, Польши и Литвы. Особая статья – взаимоотношения с Турцией. Анкара традиционно оказывает поддержку и покровительство тюркоязычным народам по различным линиям. И хотя гагаузы

Молдовы в большинстве своем исповедуют христианство, турецкая помощь поступает в автономию. За счет турецких средств в Гагауз Ери была модернизирована система водоснабжения, а также открыт Молдавско-турецкий лицей, который открывает образовательные перспективы для получения высшего образования в Турции. 19 сентября 2008 г. парламент автономии с минимальным перевесом голосов «за» признал независимость Абхазии и Южной Осетии.

Центральная Азия

Центральная Азия – обширный по площади регион Евразии, не имеющий выхода к Мировому океану. Впервые Центральная Азия была описана в качестве отдельного региона немецким географом Александром Гумбольдтом. В 1843 г. увидел свет его трехтомный труд «Центральная Азия». По определению ЮНЕСКО, регион включает Монголию, Западный Китай, Северную Индию, Северный Пакистан, Северо-Восточный Иран, Афганистан, районы азиатской части России южнее таежной зоны, пять бывших республик СССР (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Кыргызстан). В российской науке со времен существования Российской империи существует понятие «Средняя Азия». В советское время СССР был разделен на экономические районы. В состав Среднеазиатского района входили четыре республики (Узбекистан, Туркмения, Таджикистан и Киргизия), а Казахстанский район совпадал с административно-территориальными границами Казахской ССР. После распада Советского Союза привычное определение «Средняя Азия и Казахстан» было вытеснено понятием «Центральная Азия». В 1992 г. президент Казахстана Нурсултан Назарбаев предложил использовать именно термин «Центральная Азия» для определения всех постсоветских государств региона.

В отличие от Южного Кавказа и Молдовы, центральноазиатские республики бывшего Советского Союза продемонстрировали высокую устойчивость. Пожалуй, единственным исключением из этого ряда был Таджикистан, где переход к независимости оказался сопряженным с пятилетней гражданской войной (1992-1997 гг.). Следствием гражданской войны в этой республике стало огромное количество жертв (по неофициальным оценкам, до 100-150 тыс. человек погибших), а также архаизация всей политической и социальной жизни⁷². Что же касается других государств региона, то, несмотря на

⁷¹ См. официальный сайт автономии Гагауз Ери <http://www.gagauzia.md/>

⁷² Пятнадцать лет, которые изменили Центральную Азию (1991-2006). – М: Центр стратегических и политических исследований, 2006. С. 104.

высокий конфликтный потенциал (проблемы узбекско-таджикских, казахстанско-узбекских отношений, ситуация на Юге Киргизии, рост исламского радикализма, серия межэтнических столкновений с использованием силы в конце 1980-х – начале 1990-х гг.), Центральной Азии удалось избежать повторения кавказских сценариев. Здесь не было ни межгосударственных противостояний, как в случае с Арменией и Азербайджаном, ни сепаратистских конфликтов, как в России и Грузии. Не возникали и де-факто государства (к таковым, конечно же, нельзя отнести многочисленные «серые зоны» Центральной Азии, хотя бы ту же Ферганскую долину). Данные политические условия во многом определили российский подход к региону. Из всех государств региона РФ имеет общую границу только с Казахстаном. Но это – самая протяженная в мире сухопутная государственная граница. Ее длина составляет 7 тыс. км. и охватывает пространство от Астраханской и Волгоградской областей до Западной Сибири. В РФ проживают большие по численности казахские общины, в Астраханской области – самая крупная, составляющая 15% всего населения области. В некоторых районах Волгоградской области, например, в Паласовском, численность казахов составляет 60% всего населения, а в Старополтавском – 45%⁷³. Однако эти общины, во-первых, в целом хорошо интегрированы в российский социум, а во-вторых, их лидеры и активисты не выдвигают публично каких-либо ирредентистских лозунгов. С Туркменистаном РФ объединяет весь комплекс проблем Каспийского региона, а также вопросы энергетической безопасности.

В этой связи одним из главных приоритетов российской политики в Центральной Азии является недопущение «экспорта Афганистана» в эту часть «ближнего зарубежья». Москва сыграла значительную военно-политическую роль в поддержке светской власти в Таджикистане, обеспечении безопасности границ этой республики, а на завершающем этапе гражданской войны выполняла функции эффективного медиатора. Именно в Москве представители Объединенной таджикской оппозиции (ОТО), воевавшей с Народным фронтом во главе с действующим ныне президентом Эмомали Рахмоновым, подписали соглашение о мире в Таджикистане. Афганистан настиг Россию в 1992 г. на таджикско-афганской границе. Заключение ДКБ (Договора о коллективной безопасности) в мае 1992 г. в

---

⁷³ Маркедонов С. М. Этнонациональный и религиозный фактор... С. 205-206.

Ташкенте было во многом реакцией на «экспорт Афганистана» в СНГ. Затем РФ поддерживает «панджшерского льва» Ахмад Шах Масуда и объединенный фронт антиталибовской оппозиции (в 1996 г. 9/10 афганской территории контролируют талибы). Объясняется это тем, что правительство талибов было единственной силой, признавшей независимость Чеченской Республики Ичкерия.

После 11 сентября 2001 г. США начали военную операцию в Афганистане (а также запустили проект по «демократизации “Большого Ближнего Востока”»). Эта операция стала началом активного военно-политического освоения Центральной Азии американцами. В отличие от Южного Кавказа, российский истеблишмент дал согласие на проникновение американцев в регион, поскольку в данном случае США оказались готовы к тому, чтобы сдерживать «экспорт Афганистана» в Центральную Азию в частности, и в СНГ вообще. Другой вопрос, насколько «демократизация» Афганистана оказалась эффективным средством для решения этой задачи. Сегодня уже очевидно, что американцы не смогли ни остановить террористический вал, ни разгромить структуру «Талибана», ни побороть наркотическую угрозу. 20% героина производится именно на его территории. 90 тыс. га афганской земли предназначается для производства наркотиков, а доход наркобаронов измеряется в 1 млрд. долл. США. В 2005 г. на международной конференции по Афганистану эту тенденцию озвучил и сам президент этого государства Хамид Карзай. Однако сегодня США отвлекают на себя и радикальных исламистов, то есть те силы, которые рассматривают Россию в качестве угрозы своей безопасности.

Между тем, именно в 2000-е гг. обозначились четкие различия в подходах к развитию Центральной Азии между РФ и США. Для Москвы оказывается неприемлемой форсированная демократизация центральноазиатских государств извне. По словам заместителя министра иностранных дел РФ Григория Карасина (курирующего взаимоотношения с государствами постсоветского пространства и высказавшего приводимую ниже оценку вскоре после андижанских событий), «мы вовсе не считаем, что у других международных игроков не может быть своих специфических интересов к государствам СНГ... Но мы не можем согласиться с методами насильственной “демократизации” всего постсоветского пространства, будь то цветные революции или информационно-политическое давление на действующую власть»⁷⁴.

---

⁷⁴ Пятнадцать лет, которые... С. 26.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. Центральная Азия стала точкой сближения геополитических интересов России и КНР. Этому способствовали и андиганские события, и отдаление РФ от США после иракской кампании 2003 г., и общее неприятие Москвой и Пекином проектов по созданию «демократических» «Большого Ближнего Востока» и «Большой Центральной Азии». Еще 26 апреля 1996 г. Россия, Китай и страны Средней Азии (Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан) создали «Шанхайскую пятерку». В 1996 и 1997 гг. главы пяти государств на встречах в Шанхае и Москве подписали «Соглашение об укреплении доверия в военной области в приграничных районах» и «Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в приграничных районах». В этом плане создание ШОС (Шанхайская Организация Сотрудничества) 15 июня 2001 г. в Шанхае (КНР) было лишь совершенствованием механизма «пятерки». Общая площадь государств-членов ШОС равняется около 30 млн. 189 тыс. кв. км, что составляет 3/5 площади Евразии, а население – 1,4 млрд. 455 млн. человек, что составляет 1/4 всего населения земного шара. В этой связи ШОС часто определяют как центральноазиатское НАТО. Однако, у этой структуры, как и у ее Североатлантического прототипа, схожие проблемы. Речь идет об отсутствии конкретных целей, долгосрочной стратегии и реальных результатов работы. Среди приоритетов ШОС борьба с «тремя силами зла» – терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом была подписана за три месяца до трагедии 11 сентября 2001 г. Как видим, даже из этого перечня «вызовов» в один ряд поставлены явления разных логических рядов (терроризм может служить как реализации сепаратистских целей, так и быть инструментом антисепаратистской борьбы). В любом случае, нельзя объединять в качестве целей борьбы цель и средство. В 2000-е гг. ШОС использовался российской дипломатией для демонстрации своей геополитической оппозиционности евроатлантистам. Отсюда и привлечение к работе в саммитах ШОС Ирана и Индии. Однако фактически ШОС стал легитимацией китайского присутствия в регионе, а Россия не получила через механизмы этой структуры каких-то новых геополитических профитов⁷⁵.

⁷⁵ См. о деятельности Шанхайской Организации Сотрудничества http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/SHANHASKAYA_ORGANIZATSIYA_SOTRUDNICHESTVA_SHOS.html

Следующей стратегической целью России в Центральной Азии является сдерживание исламского фундаментализма и поддержка светской власти. Именно этот фактор объясняет особенности российской политики по обеспечению безопасности в Таджикистане в 1990-е гг. и отношение Москвы к событиям в Андижане в 2005 г. По мнению президента Международного центра стратегических и политических исследований Виталия Наумкина, «сегодня достаточно сложно провести четкий водораздел между радикальными исламистскими настроениями и недовольством народных масс... При этом внутривластная ситуация в Узбекистане сложилась таким образом, что, кроме исламистов, другой оппозиции режиму президента Каримова здесь не осталось. И люди, вышедшие на антиправительственный митинг (речь идет о событиях в Андижане 2005 г. – С.М.), естественно, были вдохновлены их идеями»⁷⁶.

Для сохранения стабильности в нестабильном Центральноазиатском регионе Москва считает необходимым поддерживать любую действующую светскую власть (даже тоталитарную, как в Туркменистане времен президентства Сапармурата Ниязова в 1991-2007 гг.). Однако следует понимать, что простое сохранение власти без серьезной модернизации (пусть и авторитарной) не сможет ликвидировать те вызовы, которые стоят сегодня перед Россией в Центральной Азии. Чтобы предотвратить исламизацию этих республик, политэлиты Узбекистана и Таджикистана должны уже сегодня выиграть битву за «новое поколение», сделав его главным проводником светской модернизации. Слабая ротация кадров и управленческий застой отвращают амбициозную молодежь от власти, толкают ее в объятия непримиримой оппозиции. Официальные же исламские структуры в этих республиках слишком сращены с властью и не могут выигрывать богословскую конкуренцию со своими радикальными оппонентами. Повышение интеллектуального уровня представителей «системного ислама» – также одна из приоритетных задач властей Таджикистана и Узбекистана. Сегодня авторитарные режимы Центральной Азии (в особенности узбекский) стоят перед непростой задачей: как сделать акцент не только на усилении полицейских начал, а на придании авторитаризму более модернизационного характера. Однако, по справедливому замечанию Виталия Наумкина, «у Каримова есть шанс вернуть ситуацию в прежнее русло и не допустить разрас-

⁷⁶ Наумкин В. В. Предисловие / В кн.: Средняя Азия: Андижанский сценарий. Сборник / сост.: М. М.Мейер. – М.: Европа, 2005.

тания исламистского движения... Но это только в краткосрочной перспективе, поскольку у официального Ташкента нет не только методов решения, но и четкого видения все более обостряющихся социальных проблем»⁷⁷. Схожим образом развивается ситуация и в Таджикистане, где после несомненного прогресса в преодолении общественно-политического раскола времен гражданской войны (1992-1997 гг.) власть делает ставку на продление полномочий главы государства. Через поправки к Основному закону (были приняты в 2003 г.) президент Таджикистана получает возможность избираться дополнительно на два срока по семь лет (сняты также возрастные ограничения для кандидатов в президенты).

Гражданская война в Таджикистане

Пятилетняя гражданская война в Таджикистане (1992-1997 гг.) развернулась после провозглашения независимости в результате распада Советского Союза. Данный конфликт имеет несколько измерений. Во-первых, политико-гражданское. Либерализация периода «перестройки» создала запрос на поиск моделей, альтернативных советской. Как следствие, появление исламско-демократической и национал-демократической оппозиции. Во-вторых, религиозное. Либерализация в странах советской Средней Азии совпала с проникновением в регион идей так называемого «обновленческого ислама» или фундаментализма. Основным пафосом его проповедников был призыв «вернуться к истокам, отказавшись от «формального церемонного ислама» (связанного с советской официальной властью) в пользу «ислама молящегося». Постепенно мотив «очищения ислама» стал подменяться выдвиганием радикальных политических лозунгов – создание исламского государства, борьба с «неверными». Для восприятия исламского радикализма в Таджикистане были свои предпосылки. Еще в 1976 г. в Курган-Тюбе произошло открытое выступление исламистов против официальной власти. В-третьих, региональное (этнорегиональное)⁷⁸. Внутритаджикские региональные различия достаточно сильны. Об этом свидетельствует тот факт, что межрегиональные браки в Таджикистане заключаются реже, чем межэтнические! При этом памирцы, живущие в Горном Бадахшане, отличаются от таджиков еще и в конфессиональном плане (в отли-

чие от таджиков-суннитов, памирцы – шииты-исмаилиты). Еще в советский период в Таджикистане обозначились противоречия между промышленно развитым севером и аграрным патриархальным югом. «Перестройка» спровоцировала стремление определенных элитных групп изменить традиционное распределение ролей между различными кланово-региональными группами (ленинабадцами, каратегинцами, кулябцами, гисарцами и памирцами-бадахшанцами). В советский период административное доминирование было у выходцев из Ленинабадской области (их «младшими партнерами» были кулябцы), в то время как у каратегинцев были прочные позиции в торговле и сфере услуг.

Первые президентские выборы в независимом Таджикистане выиграл бывший лидер республиканской Компартии Рахмон Набиев, что должно было означать сохранение «разделения административно-бюрократического труда», сложившегося еще во времена СССР. Однако стремление оппонентов Набиева пересмотреть правила игры вкупе со сложной социально-экономической ситуацией и завышенными ожиданиями от достижения независимости спровоцировали политический кризис, переросший затем в гражданскую войну и фактический раскол страны.

Первый этап гражданского конфликта можно определить как «митинговый». Он охватывает весну 1992 г. Именно в это время появляются первые жертвы, происходит кристаллизация и резкая поляризация противоборствующих сил. Весной 1992 г. на площадях столицы Таджикистана Озоди и Шохидон развернулись массовые акции. На площади Шохидон сконцентрировались «антикоммунисты» (так идентифицировали себя противники Рахмона Набиева), а на площади Озоди – сторонники победившего президента. Практически сразу же привычное для периода «перестройки» противопоставление «коммунисты – демократы» в Таджикистане нарушается. Становится очевидным, что массовой базой «демократов» на площади Шохидон является аграрное население республики, а также представители исламского духовенства, выступающие с резкими антизападными лозунгами, в то время как «коммунисты» получали поддержку со стороны промышленных предприятий и горожан и выступали с светскими лозунгами. В апреле 1992 г. начинаются массовые беспорядки (взятие заложников, давление на оппозицию в регионах и столице). 5 мая 1992 г. вводится режим ЧП и комендантский час в Душанбе. Это способствует более радикальным действиям со стороны оппозиции (она предпринимает захват здания телецентра, желез-

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Постсоветская Центральная Азия: потери и обретения. – М: Восточная лит-ра, 1998. С. 222.

нодорожного вокзала и президентского дворца, здания КГБ). Оппозиция выдвигает требования: формирование коалиционного правительства, отставка ключевых персон таджикостанской власти (председатель парламента, вице-президент, генеральный прокурор, председатель Комитета обороны). 11 мая Рахмон Набиев соглашается на формирование Правительства национального примирения, в котором 11 из 24 постов отдается так называемым «исламским демократам». Тем не менее, достигнутый компромисс оказывается хрупким. По регионам происходят погромы «чужаков». Исламисты рассматривают майские соглашения как свой промежуточный успех и стремятся к полной победе.

Начинается второй этап конфликта, который можно определить как эскалацию вооруженного насилия (противоборствующие стороны пытаются не достичь компромисса, а одержать решающую победу). Для этого этапа характерны этнические эксцессы (анти-узбекская и антирусская кампании). Во многом они определили последующую роль этнических меньшинств Таджикистана в гражданской войне. Жесткие гонения против узбеков в районе Курган-Тюбе со стороны исламистов привели их в лагерь антиисламистского Народного фронта (создан осенью 1992 г. из представителей ленинабадцев и кулябцев). Этот факт объясняет военно-политическую поддержку Народного фронта со стороны официального Ташкента. Исламисты рассматривают в качестве врага и военнослужащих 201-й мотострелковой дивизии, дислоцированной в Таджикистане еще во времена СССР (после распада союзного государства ее статус не был сразу же определен, хотя симпатии военных были на стороне «ленинабадцев», то есть противников «исламо-демократов»). Как следствие – поддержка Народного фронта Россией.

Между тем, к лету 1992 г. исламисты все более отходят от своей изначальной «демократической риторики» и прибегают к неприкрытому насилию. 24 августа 1992 г. ими был убит генеральный прокурор Таджикистана Нурулла Хувайдуллоев. Через несколько дней, 31 августа, Рахмон Набиев полностью утрачивает контроль над ситуацией в стране (он укрывается в расположении 201-й дивизии), а 7 сентября пытается бежать из Душанбе в свой родной город Ходжент. В столичном городе хозяйничают исламисты, в то время как их противники консолидируют свои силы посредством создания Народного фронта. К октябрю 1992 г. количество жертв достигает уже 15-20 тыс. человек с обеих сторон, число беженцев приближается к сотне тысяч (многие из них уходят в соседний Афганистан). 5 декабря

1992 г. после нескольких попыток силы Народного фронта (при поддержке 201-й дивизии) овладевают столицей Таджикистана Душанбе. И если летом-осенью 1992 г. террору подвергались противники исламистов, кулябцы и ленинабадцы, то в декабре 1992 – начале 1993 гг. силы Народного фронта «отыгрались» на каратегинцах и памирцах. В это время происходит выход на первые роли в Таджикистане Эмомали Рахмонова (с 1992 г. он – глава государства, а с 1994 г. по настоящее время – президент).

В начале 1993 г. начинается следующий этап гражданской войны, который можно определить как позиционное противостояние и попытки организовать переговорный процесс. К весне 1993 г. официальные власти Таджикистана (Народный фронт) контролировали уже почти 90% территории страны. В апреле 1993 г. начинается активное проникновение в Таджикистан вооруженных отрядов исламистов с афганской территории, где они укрылись после взятия Народным фронтом Душанбе. Противостояние внутри Таджикистана стремительно интернационализируется. В военных действиях в Каратегине (Гарме) активное участие на стороне Народного фронта приняла регулярная армия Узбекистана. По мнению известного российского востоковеда Алексея Васильева, в 1992-1993 гг. перед Россией был выбор: или оставить «афганизированный» Таджикистан и уйти (при условии отсутствия реальных границ от таджикско-афганских до российско-казахстанских рубежей), или пойти на непопулярный шаг и вмешаться в конфликт. РФ выбрала второй путь, направив в Таджикистан дополнительные контингенты пограничных войск и поддерживав находившуюся там 201-ю дивизию. Постепенно главными инструментами исламистов становятся теракты, диверсии⁷⁹.

В это же время ведутся поиски по выходу из гражданского противостояния. Первый раунд межтаджикских переговоров проводится в апреле 1994 г. в Москве. Он завершился подписанием протокола о создании Совместной комиссии по проблемам беженцев. Второй раунд переговоров в Тегеране (июнь 1994 г.) был посвящен проблемам прекращения огня, диверсий и терактов. Однако переговоры перемежаются обменом ударами между властью и оппозицией (ноябрь 1994 – апрель 1995 гг.). 17 августа 1995 г. Эмомали Рахмонов и Саид Абдуло Нури (лидер Объединенной Таджикской оппозиции – ОТО) подписали протокол «Об основных принципах установления мира и национального согласия в Таджи-

⁷⁹ Постсоветская Центральная Азия... С. 27.

кистане». И, наконец, 27 июня 1997 г. президент Таджикистана и лидер ОТО в Москве в присутствии президента Бориса Ельцина подписали Общее соглашение по установлению мира и национального согласия в Таджикистане. На следующий день начинает свою работу Комиссия по национальному примирению (КНП), которую возглавляет Саид Абдулло Нури. Начинается процесс освобождения из заключения оппозиционеров и захваченных исламистами боевиков. В ноябре 1997 г. легализована деятельность оппозиции. Представители оппозиции включаются во властные структуры, национальную армию. В феврале 1998 г. в Таджикистан возвращается один из знаковых лидеров ОТО Ходжи Акбар Тураджонзода (его называли «мозгом оппозиции») и в марте того же года занимает пост первого вице-премьера правительства Таджикистана (работал в этой должности до февраля 2005 г., после чего стал депутатом национального парламента третьего созыва). Гражданская война унесла жизни 100-150 тыс. человек (по данным фонда «Умед», эта цифра составляет 300 тыс. человек). Порядка 1 млн. человек в ходе войны стали беженцами (с началом процесса национального примирения активизировалась их репатриация). Экономический ущерб составил 7 млрд. долларов США. Под удар была поставлена целостность и состоятельность самого государства Таджикистан.

Четвертым этапом гражданского конфликта можно считать трехлетний переходный период (1997-2000 гг.), который ознаменовал собой реконструкцию политической системы страны с целью не просто преодоления общественного раскола, но и формирования эффективной исполнительной и законодательной власти, восстановления правопорядка и прекращения анархии. Некоторые радикальные группировки, не подписавшие Общее соглашение, продолжили сопротивление, но были подавлены в 1998-2001 гг. В феврале 2000 г. с избранием нового парламента трансформационный процесс окончательно перешел в мирное русло. Даже столь острый вопрос, как продление президентских полномочий для Эмомали Рахмонова (оно было реализовано по итогам референдума 2003 г. и выборов главы государства 2006 г.), не привел к новой эскалации насилия, хотя партии оппозиционного спектра (Демократическая партия Таджикистана, Партия исламского возрождения) не поддержали эту инициативу.

Украина

После распада Советского Союза в 1991 г. место независимой Украины в системе европейской и глобальной безопасности трудно

недооценивать. Оно определяется целым рядом факторов. Во-первых, Украина – вторая по размеру территории (603,7 тыс. кв. км) и пятая по численности страна Европы (чуть более 46 млн. человек). Ее площадь – это 5,7% всей европейской территории. Следовательно, ее появление на карте мира в качестве независимого государства наряду с объединением Германии стало одним из самых важных геополитических изменений в Европе после 1945 г. По справедливому замечанию американского политолога Барри Поузена, Украина «обладает достаточным населением, промышленностью и сырьевыми ресурсами, чтобы претендовать на статус независимой державы среднего масштаба»⁸⁰. Во-вторых, Украина – часть Черноморского региона, являющегося частью так называемого «пояса нестабильности» (от Балкан через Приднестровье до Южного Кавказа). На юго-западном направлении Украина имеет непосредственный выход к одному из неразрешенных конфликтов на территории бывшего СССР – молдавско-приднестровскому (405 км украинской границы примыкают к непризнанной Приднестровской Молдавской Республике). В-третьих, Украина – крупнейший сосед РФ в Европе. Она обеспечивает транзит российских энергоносителей в Европу. До 28 мая 2017 г. на территории Украины (Крымский полуостров) базируются основные силы Черноморского флота (ЧФ) России (это – около 70% всей инфраструктуры ЧФ). В-четвертых, после трех волн расширений НАТО за 10 лет (1999-2009 гг.) Украина оказалась на своеобразной линии между Североатлантическим Альянсом и Россией. В этой связи значение внутривнутриполитической (и в первую очередь, межэтнической) стабильности внутри Украины приобретает особую важность, если принять во внимание ряд особенностей формирования украинской независимости в постсоветский период.

Появление независимой Украины в конце 1991 г. создало парадоксальную ситуацию: с одной стороны, наличествовало новое суверенное образование, а с другой – его население обладало размытой самоидентификацией. И сегодня, спустя 18 лет после обретения независимости, Украина, по мнению историка и политолога Алексея Миллера, продолжает оставаться «национализирующимся государством», то есть таким образованием, которое возникло после распада

---

⁸⁰ Поузен Б. Концепция обороны для Украины / В кн.: Украина: проблемы безопасности. – М.: Научные доклады Московского Центра Карнеги. Вып. 12. 1996. С. 85.

крупного многоэтнического государства под лозунгом самоопределения украинской этнокультурной общности, но само обладающее этнически и культурно неоднородным населением⁸¹.

При этом даже среди этнических украинцев, составляющих большинство населения страны (по данным Всеукраинской переписи населения 2001 г., – это 77,8%) присутствуют серьезные региональные отличия⁸².

«Такие государства переживают период поиска стабильности как результата компромисса между этнической и гражданской концепциями государства и нации»⁸³, – справедливо считает Алексей Миллер. Украина в ее нынешних границах существует только начиная с 1954 г. (когда в ее состав был включен Крым). Но и другие регионы Украины (даже те, которые в отличие от Крыма считаются этническими украинскими территориями) были объединены вместе немногим раньше. Западная Украина была включена в состав Украинской ССР в 1939 г., Северная Буковина и Южная Бессарабия – в 1940 г., Закарпатье – после Второй мировой войны. Исторические судьбы различных регионов Украины различны. В течение трех веков они находились в рамках разных государственных проектов (Речь Посполитая, Российское государство, Османская Порта, Австро-Венгрия). Следует отметить, что упомянутые выше государственные образования в течение длительного времени выступали в качестве внешнеполитических конкурентов друг друга (таким образом, разные регионы современной Украины нередко сталкивались друг с другом во время частых военно-политических, этноконфессиональных противоборств). «Сталкивающиеся» регионы были объединены в составе единой Украины не в результате реализации национального объединительного проекта (как Германия или Италия), а в ходе многочисленных административно-территориальных трансформаций Советского государства (некоторые из которых были детерминированы внешнеполитическими успехами СССР в 1939-1945 гг.). Путь же Украины к независимости был открыт не столько благодаря длительной и успешной сепаратистской борьбе (в этом плане мы можем говорить только об опыте Галичины и Волыни

конца 1940 – первой половины 1950-х гг. и диссидентском движении 1960-1980-х гг.), сколько провалам самого Советского Союза.

Столь непростой и противоречивый опыт приобретения независимости во многом предопределил отношения между Украиной и Россией, а также отношения официального Киева к некоторым регионам украинского государства, большинство в которых составляли этнические русские. Фактически вопросы внутренней политики в этом случае превращались в вопросы внешнеполитических отношений с Москвой. Однако такое превращение осуществлялось не только официальными украинскими властями, но и общественно-политическими деятелями таких «проблемных» регионов.

«Крымский вопрос»

Наиболее конфликтной в российско-украинских межгосударственных отношениях, начиная с момента обретения Украиной независимости и вплоть до ратификации Государственной Думой РФ российско-украинского Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве в декабре 1998 г., была проблема Крыма, Севастополя и Черноморского флота. Впрочем, эта проблема не сводима только к межгосударственным отношениям двух бывших республик Советского Союза. Она имеет и внутриукраинское измерение. Проблема Крыма – это в не меньшей степени тест на государственную целостность и состоятельность украинской государственности и избранную Киевом модель национально-государственного строительства. Он касается не только всего спектра отношений между обществом Крымского региона и Киевом, но и проблем крымско-татарского этнонационального «возрождения». Различные аспекты «Крымского вопроса» нашли отражение в обширной публицистике как внутри РФ, так и на Украине. С российской стороны резкостью оценок отличались не только отдельные депутаты парламента, но и представители официальной власти. В Киеве такие заявления неизменно воспринимались как покушения на территориальную целостность Украины. Но, пожалуй, самый весомый вклад в укрепление таких представлений в соседней стране сделал Верховный Совет РФ, который в феврале 1992 г. признал незаконной передачу Крыма Украинской ССР в 1954 г., а в июле 1993 г. принял Постановление «О статусе города Севастополя». И хотя в 1991-1993 гг. внешнеполитические подходы президентской администрации РФ были гораздо более сдержанными, а впоследствии российская политика на «крымском направлении» претерпела существенное и принципиальное измене-

⁸¹ Миллер А. И. Украина как национализирующееся государство //Pro et contra. 1997. Т. 2. № 2 (весна).

⁸² См. данные Всеукраинской переписи населения 2001 г. на сайте <http://www.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/estimated/>

⁸³ Миллер А. И. Указ. соч.

ние (особенно после ратификации «Большого Договора» между РФ и Украиной), представление о Крыме как о «слабом звене Украины» для российских притязаний осталось. Во время «пятидневной войны» в Южной Осетии и сразу же после ее завершения в западных политических и экспертных кругах чаще всего задавался вопрос «Кто следующий после Грузии?». При этом в качестве «кандидата на Южную Осетию» назывался Крымский полуостров.

Крым становится частью Российской империи после Манифеста императрицы Екатерины II 8 апреля 1783 г. Происходит ликвидация Крымского ханства, которое в течение почти четырех веков было вассалом Османской империи и военно-политическим противником Московского государства и Российской империи. Значительная часть крымских татар переезжает в пределы Османской империи в 1790-1850-е гг. После окончания гражданской войны (в ходе которой в Крыму сменялись «белые», «красные» и «национальные» правительства) в 1921 г. из части бывшей Таврической губернии Российской империи в составе РСФСР создается Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика. Двумя языками автономии стали русский и крымско-татарский. С одной стороны, советская власть поощряет развитие школы, печати на крымско-татарском языке, с другой стороны, в 1937 г. во время «большого террора» под ударом оказываются представители национальной интеллигенции. В 1920-1930-е гг. на территории автономии предпринимаются попытки организовать проект по переселению евреев (в 1938 г. переселение евреев было приостановлено и Комитет по землеустройству еврействующих расформирован). По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., на территории Крымской автономии русские составляли 49,6%, крымские татары – 19,4%, украинцы – 13,7%. В мае 1944 г. с территории Крымского полуострова были депортированы крымские татары, болгары, армяне и греки, обвиненные в сотрудничестве с гитлеровской оккупационной властью в 1941-1944 гг.

Автономия была преобразована в Крымскую область в составе РСФСР. В 1954 г. Крымская область перешла под юрисдикцию УССР и пребывала в таком качестве до 12 февраля 1991 г. (когда была преобразована в Крымскую АССР в составе УССР). 26 февраля 1992 г. решением Верховного Совета автономии Крымская АССР была переименована в Республику Крым. В отличие от большинства депортированных народов Советского Союза, крымские татары в период хрущевской «оттепели» и брежневского «застоя», несмотря на многочисленные обращения в ЦК КПСС, не получили разрешение вернуться на родину. Их массо-

вое возвращение началось в 1989 г. Сегодня в Крыму, согласно Всеукраинской переписи населения 2001 г., проживают порядка 244 тыс. крымских татар (это 12% всего населения полуострова), в то время как в местах их бывшей депортации – 150 тыс. человек⁸⁴.

После распада СССР и обретения независимости в Крыму начали параллельно развиваться два этнополитических движения – крымско-татарское и пророссийское. В 1991 г. были созданы органы самоуправления крымских татар (фактически, параллельные структуры власти). Это Курултай (национальный парламент, в который каждые пять лет проводятся выборы с участием всего взрослого крымско-татарского населения) и Меджлис (подобие правительства). Меджлис формируется Курултаем. Его бессменным председателем является Мустафа Джемилев (известный диссидент, крымско-татарский общественный деятель). Меджлис активно сотрудничает с украинскими националистами (на всеукраинских парламентских выборах 1998 г. Джемилев был избран по списку Народного Руха Украины, а в 2002 г. – в составе блока «Наша Украина», в 2007 г. – в блоке «Наша Украина – Народная самооборона»). Несмотря на это, Меджлис до сих пор не зарегистрирован официально Министерством юстиции Украины. В течение 18 лет независимости Украины крымско-татарское движение, с одной стороны, выступало в поддержку нового государства, нерушимости его границ, против пророссийского крымского сепаратизма, но в то же самое время, с другой стороны, претендовало на особый статус на Крымском полуострове, не слишком считаясь с всеукраинской правовой базой. На втором Курултае (26-30 июня 1991 г.) была принята «Декларация о национальном суверенитете крымских татар», в которой недвусмысленно говорится: «Крым является национальной территорией крымско-татарского народа, на которой только он обладает правом на самоопределение так, как оно изложено в международных правовых актах, признанных мировым сообществом. Политическое, экономическое, духовное и культурное возрождение крымско-татарского народа возможно только в его суверенном национальном государстве. К этой цели будет стремиться крымско-татарский народ, используя все средства, предусмотренные международным правом... Земля и природные ресурсы Крыма, включая его оздоровительно-

⁸⁴ Водарский Я. Е., Елисеєва О. И., Кабузан В. М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (численность, размещение, этнический состав). – М.: Институт Российской истории РАН, 2003.

рекреационный потенциал, являются основой национального богатства крымско-татарского народа и источником благосостояния всех жителей Крыма»⁸⁵.

Начиная с 1991 г., движение крымских татар активно использует практику самозахватов земельных участков (инциденты в селе Чистенькое возле Симферополя в январе 2006 г. и на Ай-Петри в ноябре 2007 г., блокирование рынка в Бахчисарае в 2006 г., «сигнальные акции протеста» зимой 2007 г.). Отчасти это вызвано нехваткой земельных ресурсов для новых репатриантов. Однако лидеры крымско-татарского движения любой самозахват пытаются оправдать фактом сталинской депортации в мае 1944 г. Таким образом, трагедия крымско-татарского народа преподносится его сегодняшними лидерами как событие, призванное легитимировать любые неправомерные действия сегодня.

Что касается пророссийского движения в Крыму, то пиком его активности стали 1991-1995 гг., после чего оно сошло на спад, не получив военно-политической и финансовой поддержки из Москвы. Однако помимо внешнего фактора значительную роль в снижении его популярности сыграли внутренние противоречия, интриги и склоки между лидерами пророссийского движения. По данным Всеукраинской переписи населения 2001 г., в Крыму проживают чуть более 2 млн. русских (это 58,5% всего населения), которые и выступают поборниками идеи сближения с Россией. Умеренная часть пророссийского движения концентрировалась в Верховном Совете автономии. Более радикальные сторонники перехода полуострова из-под юрисдикции Украины в Россию объединились вокруг Республиканского движения Крыма (создано в августе 1991 г., в 1992 г. оно трансформировалось в Республиканскую партию Крыма), Русской Общины Крыма (была создана в октябре 1993 г.). Осенью 1993 г. на полуострове был сформирован политический блок с символическим названием «Россия». Кандидат от этого блока Юрий Мешков 30 января 1994 г. во втором туре стал президентом Республики Крым. На выборах же в Крымский парламент в мае 1994 г. блок «Россия» получил около 80%. Юрий Мешков обещал привести Крым в рублевую зону, заключить с РФ военно-политический союз, предоставить крымчанам российское гражданство, ввести московское время. Одним из первых шагов нового президента стало приглашение извест-

ного российского экономиста Евгения Сабурова (не имевшего гражданства Украины) на пост премьер-министра правительства автономии. Новый состав Верховного Совета, как и президент, взял курс на эскалацию конфликта с Киевом. Однако авторитарно-популистский стиль Мешкова (его нередко сравнивали с Звиадом Гамсахурдиа или Абульфазом Эльчибеем) привел его к конфликту со вчерашними соратниками, депутатами крымского парламента. В результате парламент начал урезать президентские полномочия, а в сентябре 1994 г. президент Мешков издал указы о роспуске Верховного Совета и советов всех уровней. В ходе конфликта и крымский президент, и спикер тогдашнего Верховного Совета Сергей Цеков обращались как к арбитру к Киеву, а не к Москве. Этим воспользовалась украинская центральная власть, стремившаяся избежать открытого противостояния с Симферополем. 17 марта 1995 г. в соответствии с Законом Украины «Об отмене Конституции и некоторых законов Автономной Республики Крым» Мешков был лишен своего поста. С этого времени в структуре власти Крымской автономии не имеется поста президента. 4 апреля 1996 г. принимается новая Конституция Крыма. 23 декабря 1998 г. принимается ныне действующий Основной закон и новое название административно-территориального образования – Автономная Республика Крым.

Во второй половине 1990-х гг. снижению активности пророссийских сил в Крыму способствовали также три важных фактора. Первый – достижение военно-политического компромисса между РФ и Украиной по Черноморскому флоту, а также подписание «Большого Договора», в котором Москва признала границы независимой Украины. Вторая статья Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между РФ и Украиной (был подписан в мае 1997 г. и ратифицирован Государственной Думой РФ в декабре 1998 г.) гласила: «Высокие Договаривающиеся Стороны в соответствии с положениями Устава ООН и обязательствами по Заключительному акту Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе уважают территориальную целостность друг друга и подтверждают нерушимость существующих между ними границ»⁸⁶. Русское население Крыма осознало, что российская власть не готова к силовому изменению статус-кво. Второй фактор – снижение «антиимперских мотивов»

⁸⁵ См. полный текст Декларации о национальном суверенитете крымских татар на сайте <http://kro-krim.narod.ru/LITERAT/TATARI/tatdekl.htm>

⁸⁶ См. полный текст Договора на сайте <http://www.kodeks.ru/noframe/aids?d&nd=1902220&prevDoc=901776822&mark=0139GV8000000A12D15TJ08GD4NT00000043IL1UPD0EKBK7V2GCFDLP>

вов» в идеологии украинской власти с приходом на пост президента Украины Леонида Кучмы (1994–2004 г.). И хотя с приходом к власти «оранжевых» отношение Киева к Крыму как к «антиукраинской Вандее» меняется, нарастающие всеукраинские противоречия не позволяют центральным властям конфликтовать с Автономной Республикой. Третий фактор – снижения уровня радикализма лидеров пророссийского движения. Постепенно оно трансформируется в движение по защите прав русских, а также крымской автономии в составе Украины. Более того, опасения роста крымско-татарских претензий объективно сближают позиции Киева и Симферополя. Четвертый фактор – наращивание деловых контактов между Крымом и остальными регионами Украины.

Проблема Черноморского флота

Черноморский регион с акваторией Черного моря площадью в 422 тыс. кв. км уже не первое столетие представляет собой пространство, где сходятся национальные интересы многих государств. Приход России на Черное море стал свидетельством ее серьезных геополитических успехов на южном и восточном направлениях. Первый штат Черноморского флота Российской империи был утвержден в 1785 г. Флот принимал участие в военных кампаниях России против Турции, Франции, коалиции государств во время Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. По условиям Парижского мирного договора 1856 г., Россия лишалась права иметь флот на Черном море (было отменено в 1871 г.). В конце XIX в. возрожден как правовой броненосный флот. Участвовал в военных действиях Первой мировой войны. После революций 1917 г., распада Российской империи часть кораблей флота была затоплена, а часть захвачена германскими и украинскими войсками. С 1919–1920 гг. часть кораблей флота принимала участие в поддержке Белого движения. В 1921 г. было принято решение о восстановлении Черноморского флота (окончательно восстановлен в 1928 г.). Принимал участие в боевых операциях Великой Отечественной и «холодной» войн. Главной базой флота был Севастополь, который в 1948 г. Указом Президиума ВС РСФСР выделен в отдельный административно-хозяйственный центр (город республиканского подчинения).

После распада Советского Союза стал «яблоком раздора» между РФ и Украиной. Однако руководители двух стран смогли избежать конфронтационного сценария. После Дагомысского и Ялтинского соглашений в июне и августе 1992 г. Черноморский флот существовал

как объединенный российско-украинский. В соответствии с двусторонними соглашениями от 1995 и 1997 гг. на основе единого флота были созданы Черноморский флот РФ и Военно-морские силы Украины с раздельным базированием на территории Украинского государства. В 1997 г. Москва и Киев заключили Базовый договор, в котором четко были оговорены условия аренды базы флота России в Севастополе и срок пребывания на украинской территории – 28 мая 2017 г. Срок действия Соглашения может быть автоматически продлен на последующие пятилетние периоды, если ни одна из Сторон не уведомит письменно другую Сторону о прекращении действия Соглашения не позже, чем за один год до истечения срока его действия.

Между тем, после победы «оранжевой революции» на Украине, президентская команда Виктора Ющенко стала добиваться пересмотра статуса Черноморского флота РФ в Севастополе. Курс на изменение сложившегося статус-кво был обозначен президентом Украины в апреле 2005 г. С этого времени регулярно происходят инциденты, прямо или косвенно связанные с пребыванием флота в Крыму (заявления представителей официального Киева, претензии по оплате аренды, требования передачи Украине средств навигационно-гидрографического назначения, инциденты с маяками, массовые акции украинских националистов).

24 мая 2008 г. МИД Украины заявил, что Договор о базировании не будет продлеваться, а флот должен быть выведен из Севастополя к маю 2017 г. Во время «пятнадцатидневной войны» в Южной Осетии президент и МИД Украины заявили, что оставляют за собой право запретить возвращение российских судов в акваторию Украины, если они принимают участие в военных конфликтах. Тем не менее, в октябре 2008 г. Москва и Киев продлили еще на 10 лет действие «Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между РФ и Украиной (так называемого «Большого Договора»)). Последующее развитие событий вокруг Черноморского флота связано не в последнюю очередь с внутривосточной ситуацией внутри самой Украины. Смена высшей власти в Киеве может привести к серьезной корректировке внешней политики государства. Тем более, что в 2008–2009 гг. продвижение Украины в сторону НАТО существенно замедлилось.

Прибалтийские республики

Прибалтика – область в Северной Европе, включающая в себя территории трех независимых государств: Латвии, Литвы и Эстонии, а также бывшую Восточную Пруссию (после 1945 г. разделенную меж-

ду СССР и Польшей, а после распада Советского Союза в 1991 г. – между РФ, Польшей и Литвой, получившей небольшую часть Куршской косы). В постсоветский период независимые Эстония, Латвия и Литва перестали использовать термин «Прибалтика», считая его пережитком советской эпохи. Он был заменен термином «Балтия» (в каждом языке стран региона существует подобное определение). Между тем, «Прибалтика» возникла еще задолго до 1940 г. В России так издавна назывались земли, граничившие с Балтийским морем. В законодательстве Российской империи понятие «Прибалтийские губернии» (Лифляндия, Эстляндия и Курляндия) имело не только географический, но и юридический смысл. После распада Советского Союза из всех 15 субъектов бывшего СССР именно три прибалтийские республики с наибольшей последовательностью подвели черту под общим историческим прошлым. Они не участвовали в создании СНГ (Содружества Независимых Государств), не входили в состав этой структуры. Латвия, Литва и Эстония, начиная с 1991 г., установили жесткий визовый режим с РФ. В феврале 2004 г. все три прибалтийские республики стали членами НАТО, а в мае того же года – Европейского Союза. 21 декабря 2007 г. они присоединились к Шенгенскому соглашению об отмене паспортного и таможенного контроля государств ЕС.

Это объясняется особенностями исторического развития Латвии, Литвы и Эстонии в XX веке. Три прибалтийские республики, в отличие от республик Закавказья, Средней Азии и Украины, после 1920-1921 гг. не утратили своей независимости, сохранили свою национальную государственность до 1940 г. В отличие же от Молдавии, в 1919-1940 гг. три страны Балтии не были частью какого-то другого более крупного (хотя и этнически родственного) образования. Принимая во внимание непродолжительную советизацию 1940-1941 гг. и годы Второй мировой войны, реальное инкорпорирование Латвии, Литвы и Эстонии в СССР началось в 1944-1945 гг. Если же учесть годы активного вооруженного сопротивления советской власти (до начала 1950-х гг.), то у трех балтийских республик был самый минимальный опыт пребывания в составе единого Советского Союза.

Главным объединяющим фактором этнополитического развития Эстонии, Латвии и Литвы в постсоветский период стал «русский вопрос». Он стал важным внутренним внешнеполитическим фактором. С одной стороны, динамика «русского вопроса» во многом определяла (и продолжает определять) двусторонние отношения трех

стран Балтии с Россией. С другой же – отношение к русским сформировало особую балтийскую модель национально-государственного строительства, характерной чертой которой стала этническая модель демократии и сегрегация (разделение населения на граждан и неграждан). Это создает основы для межэтнической конфликтности.

Накануне распада СССР (согласно данным последней Всесоюзной переписи населения 1989 г.) во всех прибалтийских республиках проживали 1 млн. 724 тыс. русских, что составляло 21,8% от общего числа их населения. При этом их процентная доля была различной. В Литве русские составляли всего 9,4%, в то время как в Латвии и Эстонии, соответственно, 34 и 30%⁸⁷. При этом следует иметь в виду неполную релевантность такой формальной оценки (она соответствовала «пятому пункту», то есть паспортному определению этнической принадлежности). В реальности количество людей, обрусевших и считавших русский своим родным языком, было больше (среди них могли быть украинцы, белорусы, поляки, евреи, караимы, татары, армяне). Во всех трех балтийских республиках русские концентрировались, прежде всего, в городах. Пиком приезда русских в Латвию, Литву и Эстонию стал период 1950-1960-х гг. (завершилась Вторая мировая война, были ликвидированы очаги массового сопротивления советской власти). Они занимали посты не только в партийно-советской иерархии, органах безопасности и правопорядка, но и на стоившихся предприятиях индустрии, в вузах (особенно технических). В период «перестройки» большая часть русских выступала против окончательного распада СССР, превращения России в «заграницу». Отсюда соответствующее отношение к ним местного населения как к «пятой колонне» или «оккупантам».

По справедливому замечанию Эллы Задорожнюк и Дмитрия Фурмана, «если ситуация для русских, когда они составляют национальные меньшинства, необычна, то ситуация, в которой оказались русские в Балтии, необычна вдвойне. Здесь они стали меньшинством в тех бывших республиках СССР, которые обладают культурой западноевропейского типа (лютеранской и католической в своей основе), в странах, успешно строящих (даже можно сказать – построивших) демократические рыночные общества западноевропейского типа». Но в то же самое время они оказались «в меньшинстве в странах, которые (кроме Литвы) не признают массу русских, приехавших

---

⁸⁷ Национальный состав населения СССР (по данным Всесоюзной переписи 1989 г.). – М., 1991.

после захвата этих стран СССР, гражданами и стремятся как-то от них избавиться». Столь жесткое отношение к русским объяснялось, во-первых, утратой национальной независимости (а русские были живым напоминанием об этом), а во-вторых, изменением этнодемографической ситуации в балтийских республиках. Например, в Латвии за годы советской власти доля латышей сократилась с 82 до 52%. Следует отметить, что в Литве, по сравнению с двумя другими республиками Прибалтики, отношение к русским было лишено характерного для Эстонии и Латвии алармизма, поскольку доля русских в общем составе населения не превышала 10%⁸⁸.

Латвия

С началом «перестройки» в Латвии актуализировалась тема восстановления утраченной независимости. Возникший в 1988 г. Народный фронт Латвии (НФЛ) стал главной силой, консолидировавшей сторонников выхода из состава СССР. Ему противостоял Интернациональный Фронт трудящихся Латвийской ССР (Интерфронт, был создан в январе 1989 г.), выступавший за сохранение Союза ССР. Между тем, следует отметить, что на выборах в Верховный Совет 1990 г. большая часть русских Латвии проголосовали не за интернационалистов, а за НФЛ. На референдум марта 1991 г. был вынесен вопрос о независимости. Несмотря на призыв Интерфронта и Компартии к бойкоту выборов, к урнам пришли 87,6% всех избирателей. В то же время на проводившемся властями Советского Союза референдуме о его сохранении (он состоялся также в марте 1991 г.) голосовали только 22,9% всего населения Латвии⁸⁹. Восстановление независимости произошло после провала августовского путча ГКЧП в 1991 г. 6 сентября 1991 г. она признана Советским Союзом.

После получения независимости, 15 октября 1991 г. Верховным Советом Латвии было принято решение, предусматривающее, что только граждане независимой Латвии на момент июня 1940 г. и их прямые потомки могут рассчитывать на признание гражданства в новом государстве. Для остальных жителей получение гражданства было возможно лишь за особые заслуги. Это решение отрезало при-

близительно треть населения республики от гражданства. В 1994 г. Латвия принимает закон о гражданстве, который вводит процедуру «натурализации» (сдача экзаменов по латышскому языку, истории, основам Конституции страны). Этот закон открывает возможность получения гражданства после прохождения «натурализации». Частично это решило проблему «неграждан». По данным на 1997 г., из бывших советских граждан, проживавших в Латвии, никакого гражданства не получили 27,15%⁹⁰. На 2008 г. доля «неграждан» составила уже 16,4% от всего населения Латвии. Следует отметить также, что далеко не все «неграждане» готовы пройти «натурализацию», поскольку испытывают при этом психологический дискомфорт. Некоторая часть этой категории населения Латвии не признает самого факта ее оккупации в 1940 г. Пик выезда русского населения из Латвии в Россию прошел в 1992 г. (27 тыс. человек), после чего репатриация замедлилась и после 1995 г. фактически сошла на нет. Между тем, в декабре 2007 г. «неграждане» Латвии получили право безвизового пересечения границ государств-членов ЕС, кроме Великобритании и Ирландии. 27 июня 2008 г. вступил в силу закон РФ о праве безвизового пересечения российской границы бывшими гражданами СССР, имеющими статус «негражданина» Латвии.

В латвийском парламенте представлены «русские списки» объединений ЗаПЧЕЛ («За права человека в единой Латвии», создана в 1998 г.) и Центр согласия (основан в 2005 г.), в Рижской думе – «Дзимтене» («Родина», основана в 1999 г.). Среди русских избирателей определенное влияние имеет Латвийская Первая партия (партия христианско-демократического толка, известная как «партия священников», основана в 2002 г.). Несмотря на наличие очагов компактного проживания русских в Латвии (Даугавпилс, где их число составляет 53,3%, а вместе с белорусами (8,1%) и украинцами (2%) – еще больше), не зафиксировано примеров сепаратистских поползновений. Не зафиксировано и вооруженных конфликтов в местах компактного проживания русских. После 1991 г. интердвижения с коммунистической и интернационалистской идеологией быстро сошли на нет, а «русская идея» ограничилась защитой прав этнического меньшинств в соответствии с европейскими стандартами. При этом русские чрезвычайно активны в местном бизнесе. По данным российско-латвийских совместных социологических исследований на конец

⁸⁸ Фурман Д. Е., Задорожнюк Э. Г. Притяжение Балтии (балтийские русские и балтийские культуры) /В кн.: Религия и идентичность в России. – М.: Восточная лит-ра, 2003. С. 98-100.

⁸⁹ Там же. С. 106.

⁹⁰ Фурман Д. Е., Задорожнюк Э. Г. Указ. соч. С.108. См. также данные о населении Латвии на сайте http://www.np.gov.lv/index.php?lv=fakti_lv

1990-х гг., доля русских в бизнесе Латвии составляла чуть более 50% (для сравнения, латышей – порядка 30%)⁹¹. Таким образом, испытывая гражданскую и политическую дискриминацию, имея меньше карьерных возможностей на государственном и муниципальном поприще, русские превратили бизнес в компенсаторный механизм.

Эстония

Движение Эстонии за независимость выросло из лояльного движения, ориентированного на поддержку горбачевской «перестройки». На этих идеях был создан Народный фронт Эстонии в апреле 1988 г. Однако уже 12 ноября Верховный Совет Эстонской ССР аннулировал свою декларацию от 2 июля 1940 г. о вхождении Эстонии в состав Советского Союза. В феврале 1990 г. прошли выборы нового созыва Верховного Совета Эстонии и параллельно с ними состоялись выборы в Эстонский Конгресс (в котором участвовали только граждане независимой Эстонии на момент 6 августа 1940 г. и их потомки). В марте 1991 г. в Эстонии прошел референдум о восстановлении независимости, в котором приняли участие 82,86% избирателей, из которых 77,83% проголосовали «за», то есть 64,49% из всех, имеющих право голоса (притом, что эстонцев в Эстонии было 61,5%). Если же посмотреть на региональные особенности голосования, то становится очевидным, что русские голоса позволили получить положительный для Эстонии результат. В 1991 г. в Нарве проживали всего 4% эстонцев, но в референдуме приняли участие 70,11% избирателей, 17,87% русских проголосовали «за». В Силламяэ, где эстонцев 3%, на референдуме за независимость проголосовали 10,26% русских, пришедших к урнам. Естественно, рассчитывать на более высокие результаты поддержки эстонской независимости было бы, по крайней мере, наивно. После провала путча ГКЧП произошло восстановление эстонской независимости. Советский Союз признал ее официально 6 сентября 1991 г.⁹²

После провозглашения независимости гражданство Эстонии было предоставлено только гражданам независимой республики до августа 1940 г. и их потомкам. Для остальных открывался путь приобретения гражданства посредством «натурализации». На сегодняшний день русские Эстонии делятся на три группы: граждане Эстонии

(40,4% всего русского населения), граждане иностранных государств (прежде всего, РФ – 20,9%) и «неграждане» (38%). В 2008 г. число «неграждан» составляло чуть более 113 тыс. человек или 8% всего населения республики. В течение 1990-х гг. эстонские власти реализовали несколько проектов, ориентированных на интеграцию русского населения. В марте 1998 г. было создано Целевое учреждение по интеграции неэстонцев. В 1993 г. был принят Закон «О культурной автономии национального меньшинства» (дополненный и измененный поправками 2002 г.). Однако под действие этого закона попадает только та часть русского населения, которая имеет эстонские паспорта (а это порядка 48% всего русскоязычного массива). Русский язык не является официальным даже в тех городах и населенных пунктах, где русские составляют абсолютное большинство (в Нарве это более 80%, в Силамяэ – около 80%), но в то же время используется различными государственными учреждениями. Есть сайты президента Эстонии, эстонской полиции, официальные сайты городов Нарва и Силамяэ на русском языке. В сентябре 2007 г., впервые после достижения независимости в 1991 г., телевизионное обращение президента республики сопровождалось субтитрами на русском языке. Тем не менее, несмотря на серьезные стеснения, русское население Эстонии не сформировало «собственного Приднестровья» (даже имея места компактного проживания, непосредственно граничащие с Россией, такие как Нарва). В Эстонии, как и в Латвии, «русская идея» реализуется, прежде всего, в сфере защиты прав этнических меньшинств. В 1999-2003 гг. «русская» Конституционная (Объединенная народная) партия Эстонии была представлена шестью депутатами. Начиная с 2003 г., «русские партии» Эстонии не представлены в национальном парламенте, но имеют представителей в ряде самоуправлений. Среди эстонских русских наиболее популярна также Центристская партия (основана в октябре 1991 г.). Партия показала второй результат на парламентских выборах 2007 г. (получила 29 мест).

В то же самое время радикальное «прощание» с советским прошлым, поощряемое на уровне высшей государственной власти, могло нарушить межэтнический мир, сложившийся в Эстонии после 1991 г. Одним из разделяющих полиэтничное эстонское общество вопросов является отношение к Великой Отечественной войне. В соответствии с официальными взглядами Эстонии, события 1940-1945 гг. рассматриваются как две оккупации – немецкая и советская, в то время как в русскоязычной среде доминирует представление об

⁹¹ Симонян Р. Портрет латвийского предпринимателя (по данным социологических обследований) // Вопросы экономики. 1997. № 11. С. 135.

⁹² Фурман Д. Е., Задорожнюк Э. Г. Указ. соч. С. 106.

«освобождении» республики от гитлеровской оккупации. Решение эстонского правительства (апрель 2007 г.) перенести мемориал «Воину-освободителю» (известный как «Бронзовый солдат») из центра города спровоцировало массовые выступления в Таллине и других городах республики. Данное решение правительства было детерминировано предвыборными обещаниями премьер-министра страны Андруса Ансипа (лидера Реформистской партии Эстонии) перенести воинское захоронение (с помощью чего он привлекал дополнительные голоса). Операция по переносу памятника должна была сопровождаться раскопками и идентификацией захоронений. Против решения правительства выступала мэрия Таллина (руководство которой представлено Центристской партией), мотивируя это опасностью общественного раскола. Демонтированная фигура «Бронзового солдата» была установлена 30 апреля 2007 г. на Военном кладбище. История «Бронзового солдата» серьезно ухудшила общий фон двусторонних российско-эстонских отношений, однако не привела ни к введению масштабных экономических санкций, ни к разрыву дипломатических отношений⁹³.

Литва

Либерализация, начатая процессом «перестройки», подтолкнула общественные силы Литвы к борьбе за восстановление независимости. В 1988 г. было создано движение «Саюдис», наиболее мощное в течение последних трех лет существования Советского Союза политическое объединение в Литве. 8 февраля 1990 г. Верховный Совет Литвы признал недействительными решения Народного Сейма о вхождении в состав СССР. На выборах нового созыва Верховного Совета представители «Саюдиса» набрали 101 место из 141. Это предопределило последующий курс литовских властей. В марте 1990 г. был принят Акт о восстановлении независимости Литвы. После года жесткого противостояния Литвы и союзного центра 6 сентября 1991 г. независимость республики была признана СССР и мировым сообществом.

Следует отметить, что «русский вопрос» для Литвы не был столь острым. Во-первых, численно русское население, по сравнению с Латвией и Эстонией, было незначительно (в 1989 г. русские

составляли только 9,4% населения республики). Во-вторых, эта проблема дополнялась и оттенялась «польским вопросом». По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Литве проживали 7,02% поляков⁹⁴. В отличие от русских, сконцентрированных главным образом в городах (Вильнюс, Клайпеда, Висагинас), поляки были сосредоточены, прежде всего, в сельской местности (Шальчининкайский, Вильнюсский районы, где их доля в общем составе населения составляла, соответственно, 80 и более 60%), хотя в самом Вильнюсе их доля тоже была значительна – порядка 19%. При этом Виленский край (включая и Вильнюс, нынешнюю литовскую столицу Вильнюс) в 1920-1939 гг. находился в составе Польши, и в период первой Литовской республики эта проблема отравляла двусторонние отношения (дипломатические отношения между странами были установлены только в 1938 г., то есть накануне Второй мировой войны). Фактически Литва, в отличие от двух других прибалтийских республик, частично выиграла от Пакта Молотова – Риббентропа. Она лишилась независимости в 1940 г., но получила территориальное приращение за счет Виленского края (площадь 2637 кв. км) и в 1945 г. за счет части бывшей Восточной Пруссии. В 1945 г. Литве была также возвращена Клайпеда (захваченная гитлеровской Германией еще в марте 1939 г.).

В этой связи понятна осторожность и взвешенность литовских политиков в национальном вопросе. Еще 3 ноября 1989 г. был принят закон о гражданстве, который предполагал так называемый «нулевой вариант», то есть предоставление гражданства всем жителям республики вне зависимости от сроков проживания в Литве и этнической принадлежности. В новом варианте закона, принятом в декабре 1991 г., было сделано только одно дополнение – этническая принадлежность не является основой для приобретения гражданства Литвы. В Конституции Литовской Республики (была принята в октябре 1992 г.) говорится, что «национальные общины граждан самостоятельно занимаются делами своей национальной культуры, просвещением, благотворительностью и взаимопомощью. Государство оказывает поддержку национальным общинам»⁹⁵. В итоге, по данным первой постсоветской Переписи населения Литвы 2001 г., 99%

⁹⁴ Национальный состав населения СССР...

⁹⁵ Цит. по: Микиличус В. «Нулевой» вариант гражданства способствует решению национальных проблем // Молодежь Эстонии. 11 сентября 2000 г. <http://www.moles.ee/00/Sep/11/4-2.html>

⁹³ Предпосылки и хроника событий 2007 г. содержатся в детальном расследовании газеты «Eesti Ekspress» см. сайт <http://rus.delfi.ee/archive/article.php?id=15799426&categoryID=848817&ndate=1178199735>

ее жителей имеют литовское гражданство и только 0,4% – российское⁹⁶. Количество русских организаций в Литве – порядка 50, однако их общественная роль не слишком велика. В национальном парламенте в 2004-2008 г. был только один депутат, представляющий партию Русский Альянс. Не слишком успешным оказался и Союз русских Литвы (имевший представительство в парламенте в 2000-2004 гг., но не получивший его в 2004 и 2008 гг.), имеющий своих немногочисленных депутатов в местных представительных органах. Основная польская партия – Избирательная акция поляков Литвы – получила на парламентских выборах 2008 г. три места по одномандатным округам.

Заключение

(методологические принципы урегулирования конфликтов)

В ближайшем будущем трудно ожидать мирного политического урегулирования постсоветских конфликтов (как вооруженных, так и латентных). На протяжении многих лет армяне и азербайджанцы, абхазы и грузины, осетины и ингуши, молдаване и жители Приднестровья, осетины и грузины, русские и чеченцы отдалялись друг от друга. Во всех конфликтующих обществах противостояние стало основой для легитимации и независимости, и государственности. Не будет преувеличением сказать, что во многих случаях конфликт является идеологическим фундаментом постсоветских стран (наиболее яркий пример – Нагорный Карабах для Армении и Азербайджана, Абхазия – для Грузии). В противостоянии конфликтующих сторон игнорируются происходящие «по другую сторону» события, будь то экономические реформы или гуманитарное и социальное развитие. Нередко противостоящие друг другу силы не готовы относиться к противнику как к возможному партнеру, предпочитая воспринимать его как «территорию спора».

В течение всего периода после распада Советского Союза предпринимались неоднократные попытки урегулировать конфликты, предлагались многочисленные проекты по примирению сторон, достижению компромиссов. Однако итоги оказались далекими от изна-

чальных ожиданий. Из восьми вооруженных противостояний, случившихся в период после 1991 г., только урегулирование последствий гражданской войны в Таджикистане можно считать успешным примером преодоления многолетней вражды. Только в этой республике (в наибольшей степени, если применять такой критерий, как количество человеческих жертв) удалось перейти от переговорного процесса к практическим действиям по выстраиванию постконфликтной конфигурации. Показателем такой успешности является тот факт, что вновь возникающие кризисы и спорные проблемы (такие, как пролонгация президентских полномочий президента страны, кстати сказать, лидера одной из противостоящих в годы гражданской войны групп) решаются не военным способом, а путем переговоров, публичной полемики или закулисного торга. Даже бойкот избирательной кампании не приводил в этом случае к вооруженным акциям и столкновениям. Во всех остальных случаях насилие прекращалось либо через военную победу, либо через взаимное истощение ресурсов сторон. Но механизмы компромиссного согласования интересов, которые базировались бы на взаимном доверии, демократизации и экономической выгоде, не принимались сторонами конфликта (а также заинтересованными странами или группами).

Тем не менее, данная констатация не означает, что урегулирование конфликтов является обреченным на провал делом. В этой связи нам кажется перспективным не пересказ тех многочисленных предложений, которые уже многократно прозвучали в 1991-2009 гг., и не отдельные рекомендации по частным случаям, а формирование общих методологических принципов урегулирования конфликтов на постсоветском пространстве. Применительно к каждой конкретной ситуации эти принципы могут наполняться конкретным эмпирическим материалом, на основе которого могут быть приняты практические решения.

Выстраивая региональные миротворческие проекты на будущее, необходимо, во-первых, серьезно проанализировать и осознать причины неудавшегося до сих пор миротворчества, во-вторых, выработать реалистическую парадигму действий. Под реализмом в данном случае мы понимаем отказ от переноса эффективных миротворческих схем (возможно, зарекомендовавших себя вне пределов бывшего СССР) на постсоветскую почву. В этой связи нам представляется непродуктивным пытаться реализовать «модель Аландских островов» для Нагорного Карабаха или «модель Южного Тироля» для Южной Осетии, а «модель Боснии-Герцеговины» – для реституции

---

⁹⁶ Тульский М. Итоги переписи 2001 года в Литве. Демоскоп Weekly. 2002. 23 сентября – 6 октября. № 81-82. <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/081/analit01.php>

пострадавших от кавказских конфликтов. Вообще любая «схема» для урегулирования конфликта губительна. Армянский и азербайджанский социум – не шведский или финский, а осетинский – не тирольский (немецкий). Следует понимать, что переговорный процесс ведется не с «воображаемым сообществом», а с представителями вполне определенного социума, имеющего свои исторические, культурные особенности и ценности. Каждое противостояние уникально. В случае с Таджикистаном чрезвычайно важны религиозный и региональный факторы, а в случае с Абхазией они не актуальны. В случае с Нагорным Карабахом мы можем говорить о противостоянии двух этнонационалистических проектов, а в случае с Приднестровьем такой диагноз не будет релевантным. Каждое из четырех существующих де-факто государств СНГ отличается от других по количественным показателям, уровню экономического развития, зависимости от России, уровню взаимоотношений с Западом, криминальной ситуации, этнической конфигурации.

Исходя из принципа «реалистического миротворчества», необходимо при выстраивании переговорного процесса отказаться от принципа «одноактного урегулирования», который может завершиться подписанием «вечного мира». Ни в одном из постсоветских конфликтов невозможно в одном пакете без длительного согласования разрешить все вопросы (статус, беженцы, реституция имущества). Необходимо пошаговое продвижение к компромиссу, при котором каждый новый шаг будет укреплять взаимное доверие сторон. Таким образом, постсоветские конфликты могут быть разрешены на поэтапной основе с акцентом на разрешении текущих вопросов безопасности, гуманитарных проблем. В этом плане подписание промежуточных юридически обязывающих актов и даже деклараций представляется намного более важным, чем работа над подготовкой всеобъемлющего (но не выполнимого и не работающего) документа.

Важнейшей составляющей продвижения к миру помимо реализма следует считать прагматизм. В переговорном процессе должно быть как можно меньше абстракций, оторванных от интересов конкретных людей (как политиков, так и рядовых граждан, как признанных образований, так и де-факто государств, официальный статус здесь вторичен). Как замечали российские политологи Андрей КОРТУНОВ и Сергей ЛУНЕВ, «люди начнут верить в демократию, если убеждены в ее практической полезности для себя лично. В противном случае демократия в глазах людей теряет всякую ценность, и с ней при случае расстанутся также легко, как в свое время распрости-

лись с социализмом и СССР»⁹⁷. То же самое с полным основанием можно отнести и к конфликтному урегулированию. Только тогда, когда урегулирование конфликта окажется выгоднее участникам противостояния для бизнеса, для их социального и политического статуса, чем продолжение вражды (включая и вооруженную борьбу), прогресс в мирном процессе станет реальностью. В этой связи бесперспективно предлагать для армянской стороны освобождение оккупированных районов вокруг Карабаха, мотивируя это «приобщением Армении к Европе и европейским принципам». Для бывших полевых командиров в непризнанной Нагорно-Карабахской Республике «европейские ценности» не являются понятными и осязаемыми. В той же степени необходимо отдавать себе отчет в том, что североатлантическая интеграция для Грузии и Азербайджана не является приобщением этих стран к нормам и институтам демократии, а новым военно-политическим ресурсом для решения проблем «территориальной целостности». В этой связи переговоры должны быть переведены из плоскости дискуссий о ценностях в плоскость интересов и прагматики. Крайне важна в продвижении к миру «десакрализация конфликтов», то есть отказ от превращения конфликта в ключевой инструмент для легитимации власти.

Вопросы статуса не могут рассматриваться как основополагающие. Проблема, какой флаг должен висеть над той или иной столицей, должен уступить место обсуждению гуманитарных и социальных проблем спорной территории. Определение статуса может затянуться на годы, а рядовые граждане территории с неопределенным статусом должны иметь возможность для реализации и защиты своих прав (как прав человека, так и гражданских прав). Только реабилитированная экономически и социально территория (де-юре или де-факто существующая) может ответственно подходить к переговорному процессу. В этой связи приоритетным должно стать исключение силы из процесса урегулирования. Формула «возможно всё, кроме войны» могла бы стать квинтэссенцией переговоров.

Важная проблема конфликтного урегулирования – внешнее вмешательство. В этой связи необходимо отказаться от господствующего сегодня представления о том, что международный формат урегулирования всегда лучше эксклюзивного. Несмотря на то,

---

⁹⁷ КОРТУНОВ А. В., ЛУНЕВ С. И. Демократия и внешняя политика России //Проблемы политического развития России в условиях «неконсолидированной демократии»: Материалы научной конференции. – М., 1999. С. 78.

АНТИСЕМИТИЗМ В НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Антисемитизм: идентификация понятия

Понятие «антисемитский» (словосочетание «антисемитские предубеждения») было впервые использовано в 1860 г. австрийским ученым еврейского происхождения Морицем Штайншнайдером (1816-1907), который выступил с критикой идеи знаменитого французского историка и мыслителя Эрнеста Ренана о «семитских расах», стоящих по своему уровню ниже «арийских»⁹⁸.

В дальнейшем популяризация и политизация понятия «антисемитизм» была связана с работами немецкого публициста Вильгельма Марра (1819-1904) «Победа еврейства над германизмом» (была, начиная с 1873 г., издана 12 раз) и «Путь к победе германизма над еврейством». В них «еврейский» («семитский») дух рассматривался как противостоящий германскому духу и германской культуре. При этом у Марра, в отличие от Эрнеста Ренана, понятие «семит» отождествлялось не с «семьей народов», а именно с еврейством. По мнению Марра (инициатора создания Антисемитской Лиги), «гордая Римская империя со всей своей вооруженной мощью не может равняться своими победами с семитизмом, торжествующим в странах Европы и особенно в Германии»⁹⁹.

С этого времени данное определение стало общеупотребительным как в научном, так и в публицистическом дискурсе. Современное употребление понятия «антисемитизм» связано с описанием всей совокупности ксенофобских подходов к евреям (как к религиозной, национальной, этнической, «расовой» группе), выражающихся как в идеологической сфере, так и на практике (маркирование евреев как особой – эксклюзивной группы, играющей исключительно негативную социальную роль, дискри-

---

⁹⁸ Bein A. The Jewish Question: Biography of a World Problem. – Fairleigh Dickinson University Press. 1990. P. 594.

⁹⁹ Marr W. Sieg des Judenthums über das Germanenthum. Vom nicht confessionellen Standpunkt aus betrachtet. Bern. Rudolph Costenoble. Acte Auhflage. 1879. S. 12.; Marr W. Der Weg zum Siege des Germanenthums über das Judenthum. – Berlin: Otto Genhe's Verlag, 1880.

что нагорно-карабахский конфликт практически изначально попал в фокус ОБСЕ (Минской группы), а в молдавско-приднестровском конфликте было две страны-гаранта (РФ и Украина), в своем разрешении они не продвинулись дальше, чем грузино-абхазский или грузино-осетинский (в которых Россия долгие годы была эксклюзивным миротворцем). Таким образом, проблема заключается не в многостороннем или одностороннем миротворчестве. Основная проблема – согласованность действий внешних игроков. Если США и РФ действовали вместе в Нагорном Карабахе, то это позволило сохранить конфликт хотя бы в «замороженном виде», не дав перерасти ему в возобновление военных действий, которые имели место в Южной Осетии в 2008 г. Между тем, жесткая конкуренция США и России в Грузии во многом спровоцировала грузинское руководство на повторение хорватского сценария 1995 г. в отношении непризнанной Республики Сербская Краина. Следовательно, важным принципом является согласованность позиций внешних игроков (как в форматах мирного урегулирования, так и вне этих форматов).

И, наконец, последнее (по порядку, но не по важности) предложение. Переговорный процесс не должен иметь заранее определенного и запланированного результата. Предопределение статуса (на основе территориальной целостности или же, напротив, самоопределения) не может считаться продуктивным. Очевидно, что разговор о будущем Нагорного Карабаха или Абхазии не может произойти без учета всех реалий, которые имели место в последние два десятилетия. Простого возвращения спорных территорий к тем государствам, к которым они формально «приписаны», не может произойти по определению (поскольку целостность ныне новых независимых государств была сформирована и гарантирована во времена СССР). В то же самое время процесс этнического самоопределения не может продолжаться до бесконечности, поскольку и в самих де-факто государствах есть потенциально «сепаратистские регионы» (Гальский район Абхазии, Ахалгорский район Южной Осетии) и межэтнические проблемы («армянский вопрос» в Абхазии, «молдавский» и «украинский» вопросы – в Приднестровье). Таким образом, вопрос о разрешении конфликта должен быть завершающим итогом серии согласований интересов и даже политических торгов, их финалом. Он не может вручаться противоборствующим сторонам заранее, отнимая у них любую мотивацию для дальнейших переговоров.

минационные меры по отношению к евреям, либо их прямое физическое уничтожение). Наиболее ярким примером реализации таких идеологий и практик стала «Катастрофа» (Холокост) европейского еврейства в годы Второй мировой войны. Известный американский востоковед Бернард Льюис определяет антисемитизм как «особый случай предубеждения, ненависти или гонения против людей, которые некоторым образом отличаются от всех остальных». По Льюису, антисемитизм определяется двумя принципиальными чертами: евреи обвиняются в их отличии от всех остальных, а также представляются «воплощенным всемирным злом»¹⁰⁰.

Исследователь Холокоста историк Хелен Фейн рассматривает антисемитизм как «устойчивую латентную структуру враждебных мнений по отношению к евреям», в «культуре, как мифе, идеологии, фольклоре» и в действиях – социальной или правовой дискриминации, политической мобилизации против евреев»¹⁰¹.

Различными национальными правительствами и международными структурами было предпринято немало попыток формально-правового определения антисемитизма. В 2005 г. Госдепартамент США в Докладе о «Глобальном антисемитизме» определял этот феномен как «ненависть к евреям на индивидуальном или групповом уровне, определяемая принадлежностью к еврейской религии или/и этничности»¹⁰².

В том же 2005 г. Центр по мониторингу расизма и ксенофобии Европейского Союза определил «антисемитизм» как «восприятие евреев, которое может быть выражено через ненависть к ним»¹⁰³.

Попытки некоторых представителей так называемых «постколониальных исследований» (прежде всего, Эдварда Саида) провести

интеллектуальную «деконструкцию» понятия «антисемитизм» не получили широкой поддержки¹⁰⁴.

Они остались «играми разума», участникам которых, впрочем, нельзя отказать в знании проблемы и высоком уровне полемики. Как бы то ни было, в сегодняшней академической науке понятие «антисемитизм» используется для описания различных проявлений нетерпимости по отношению к евреям.

Современные ученые выделяют несколько видов антисемитизма. По мнению историка Эдварда Флэннери, существует четыре разновидности антисемитизма:

- политический и экономический антисемитизм,
- теологический или религиозный антисемитизм или антииудаизм,
- националистический антисемитизм,
- расистский антисемитизм, рассматривающий еврейство в качестве особой расы с имманентно присущими ей отрицательными чертами¹⁰⁵.

Впрочем, четкая классификация антисемитизма вряд ли возможна, поскольку в идеологии радикального исламизма (существующего в постсоветских республиках Центральной Азии и Кавказа) религия может дополняться политикой, а в националистических и расистских версиях (доминирующих в европейской части бывшего СССР) легитимация ксенофобского отношения к евреям может оправдываться религиозными (христианскими или языческими) представлениями. Однако истоки доминирующей сегодня (включая и постсоветское пространство) версии антисемитизма следует искать в XIX столетии, когда в Европе совершался переход от религиозного дискурса к националистическому. Формирование европейских на-

¹⁰⁰ Lewis B. «The New Anti-Semitism» //The American Scholar. 2006. Vol. 75. № 1 (Winter). 2006, Pp. 25-36.

¹⁰¹ Fein H. Dimensions of Anti-Semitism: Attitudes, Collective Accusations and Actions //The Persisting Question: Sociological Perspectives and Social Contexts of Modern Anti-Semitism, Current Research on Anti-Semitism. Berlin and New York: Walter de Gruyter. 1987. Vol. 1. Pp. 68-85.

¹⁰² Цит. по: Report on Global Anti-Semitism. U.S. Department of State. January 5, 2005 // <http://www.state.gov/drl/rls/40258.htm>

¹⁰³ Цит. по: Working definition of anti-Semitism. European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia // <http://eumc.eu.int/eumc/material/pub/AS/AS-WorkingDefinition-draft.pdf>

¹⁰⁴ «Постколониальные исследования» – совокупность концепций и подходов, ориентированных на преодоление культурной зависимости «незападного мира» от «западных» интеллектуальных конструктов. Антисемитизм как «неправильный западный конструкт» и академически некорректное определение был подвергнут критике Эдвардом Саидом (1935-2003), американским журналистом, историком, литературоведом палестинского происхождения. Он использует слово «антисемитизм» в расширительном значении как нелюбовь или пренебрежительное отношение к семитам вообще, как к арабам, так и к евреям. Подробнее см.: Said E. W. Orientalism. – NY, 1979. P. 337.

¹⁰⁵ Flannery Edward H. The Anguish of the Jews: Twenty-Three Centuries of Anti-Semitism. 2004. Stimulus Books. P. 43.

ций-государств в эпоху после Великой французской революции и наполеоновских войн со всей неизбежностью ставило вопрос о новых идентичностях и проблеме лояльности. Именно в этом контексте появилось течение, рассматривающее евреев (неоднозначно вписывавшихся в новые реалии) в качестве носителей неких имманентных расовых признаков, которые разрушают государственный порядок и общественную стабильность. В крайних и экстремальных формах эта идеология была реализована в нацистской Германии.

После поражения нацистского Рейха во Второй мировой войне идеологический багаж антисемитов дополнился и обновился. Все чаще их рефлексия была направлена не столько на обоснование расовой неполноценности евреев, сколько на государство Израиль (результат собственной националистической рефлексии европейского еврейства, а также трагических последствий Холокоста) и сионистскую идеологию. По этому поводу Антидиффамационная Лига¹⁰⁶ подготовила специальное разъяснение (состоящее из вопросов и ответов) под заголовком «Антисемитизм и критика Израиля»: «Конечно, суверенное государство Израиль и его правительство можно легитимно критиковать точно так же, как любую страну или правительство мира. Критика отдельных израильских акций или политики сами по себе не обозначают антисемитизм. Однако, нельзя отрицать, что существуют и те, чья критика Израиля и сионизма пересекает линию, отделяющую обычную критику от проявлений антисемитизма. Также невозможно отрицать, что социально приемлемая критика Израиля и сионизма обеспечивает некоторые предпосылки для тех, чья критика маскирует подспудные антисемитские позиции»¹⁰⁷. В этой связи в 1990-е гг. некоторые ученые ввели понятие «новый антисемитизм», который отличается от «старого» отсутствием крайнего расизма (мотивов «кровавого навета» или «особой еврейской крови») ¹⁰⁸.

По мнению известного израильского исследователя Леона Воловичи, антисемитизм, среди прочего, выступает в роли социального термометра, показывающего степень «морального здоровья» того

или иного общества (или, напротив, фиксирующего его заболевания в виде «навязчивых идей») ¹⁰⁹.

Цели и географические рамки исследования

В этой связи в качестве приоритетных целей настоящей работы мы видим следующие:

- рассмотрение социально-политических контекстов постсоветского пространства, в которых происходила актуализация антисемитских взглядов, теорий и практик,
- определение предпосылок для этой актуализации,
- установление общего и особенного в эволюции антисемитских воззрений в различных постсоветских странах,
- определение роли (и степени ответственности) государственной власти и институтов гражданского общества в распространении и провоцировании антисемитизма,
- рассмотрение тех социально-политических и идеологических альтернатив антисемитизму, которые существуют в республиках бывшего Советского Союза (ныне новых независимых государствах) как на уровне власти, так и на уровне гражданского общества.

Географические рамки настоящего доклада включают в себя государства, входящие в состав СНГ (Содружества Независимых Государств), Грузию и три республики Балтии (которые с 2004 г. являются членами НАТО и Европейского Союза), то есть 14 республик бывшего Советского Союза. Россия остается вне фокуса нашего внимания по нескольким причинам. Во-первых, большинство исследований по постсоветской проблематике отличает сосредоточенность именно на российских сюжетах (что объяснимо геополитическим доминированием РФ на территории бывшего Советского Союза, ее правопреемственностью от СССР, а также ее ведущей ролью в постсоветских интеграционных проектах). Во-вторых, при рассмотрении новых независимых республик в фокусе внимания оказывается их геополитическое положение. Они рассматриваются либо в контексте конкуренции с Россией (Украина, Грузия, в меньшей степени Туркменистан), либо, напротив, в контексте интеграционных проектов (Казахстан, Белоруссия), либо в контексте российско-американской «Большой игры». Внутриполитические проблемы дру-

¹⁰⁶ Антидиффамационная Лига (Anti-Defamation League, ADL) — американская правозащитная организация, основной целью которой является борьба с антисемитизмом (была создана в 1913 г.).

¹⁰⁷ Цит.по: Israel: A Guide for Activists. Responses to Common Inaccuracies About Israel. Anti-Semitism and Criticism of Israel // http://www.adl.org/israel/advocacy/how_to_respond/anti_semitism_criticism.asp?xflag=1

¹⁰⁸ Lewis B. Ibid.

¹⁰⁹ Volovici L. Antisemitism in Post-Communist Eastern Europe: A Marginal or Central Issue. – Jerusalem. The Hebrew University of Jerusalem. 1994. P. 22-23.

гих постсоветских образований вследствие этого изучены недостаточно. Это касается не в последнюю очередь и исследований постсоветского антисемитизма вне пределов РФ.

Понятие «постсоветское пространство» впервые было введено в оборот известным российским и литовским востоковедом Альгимантасом Празиускасом. В своей программной статье «СНГ как постколониальное пространство» он проводил параллели между освобождением азиатских и африканских колоний от европейских метрополий после 1945 г. и распадом «последней империи» XX в.: «Освободившиеся афро-азиатские страны, во всяком случае, те, которые избежали соблазна так называемой “социалистической ориентации”, с определенными коррективами могли использовать в качестве модели развития политическую и в меньшей мере экономическую систему метрополии. **Постсоветское пространство** (выделено нами. – С.М.) такого ориентира не имеет, а возможности применения восточноевропейского опыта, или поиска «третьего пути», к которому явно склоняются среднеазиатские государства, по меньшей мере, сомнительны. Будет историческим чудом, если какая-либо из бывших советских республик сможет одновременно решить три труднейшие задачи: осуществить смену политической и экономической системы и преодолеть экономический кризис, избежав при этом серьезных социально-политических потрясений и нестабильности»¹¹⁰. С этого времени понятие «постсоветское пространство» стало общепотребительным. Между тем, в большинстве сегодняшних исследований понятие «постсоветское пространство» все меньше ассоциируется с пространством «постколониальным» и «постимперским». Оно стало приобретать не столько политико-метафорический, сколько описательный смысл, использоваться для анализа совокупности бывших советских республик СССР, получивших в 1991 г. независимость. По мнению современных авторов из Армении, «ближнее зарубежье» (отождествляемое ими с «постсоветским пространством») – это территория, которая до сих пор остается зоной применения русского языка (в этом ее принципиальное отличие от «дальнего зарубежья»)¹¹¹.

Следовательно, с определенными оговорками и без политико-идеологической нагрузки данная дефиниция может быть использо-

вана для описания социально-экономического развития и геополитических процессов на территории бывшего Советского Союза. Тем более, что более корректная и деполитизированная дефиниция «страны СНГ и Балтии» после выхода Грузии из состава Содружества уже не может считаться релевантной.

Здесь мы будем употреблять словосочетание «постсоветское пространство» для характеристики бывших республик Советского Союза, избравших разные модели национальной экономики, безопасности и политического развития, но не избежавших при этом в большей или меньшей степени антисемитских соблазнов.

Постсоветский антисемитизм: истоки и предпосылки

Антисемитские теории и практики на постсоветском пространстве формировались под влиянием многочисленных факторов, как исторического прошлого, так и актуального настоящего. Начнем с того, что сам процесс распада единого союзного государства был детерминирован той моделью национального строительства, которую использовала правящая в течение 1922-1991 гг. (время существования СССР) партия – КПСС (выступавшая под разными наименованиями, РКП (б) – ВКП (б) – КПСС). Эта модель базировалась на политизации и институционализации этничности.

Известный американский исследователь советской национальной политики Терри Мартин определил СССР как «империю позитивного действия» («affirmative action empire»)¹¹². По мнению этого ученого, сутью советской национальной политики было перманентное противоречие между поддержкой этнического нацистроительства, с одной стороны, и необходимостью централизации – с другой. Поэтому на протяжении 1922-1991 гг. советская власть всячески поощряла этнический партикуляризм и «коренизацию» (то есть создание управленческих кадров из представителей различных местных этнических групп). Но в то же самое время широко использовалась практика репрессий по отношению к этнонациональной интеллигенции и депортации целых этнических групп на основе «коллективной ответственности» (депортации народов Северного Кавказа, Закавказья, Крыма в 1943-1944 гг.).

¹¹⁰ Празиускас А. А. СНГ как постколониальное пространство // Независимая газета. 1992, 7 февраля.

¹¹¹ Григорян Э. А., Даниелян М. Г. Русский язык в Республике Армения. Общественные функции. – М.: Азбуковник, 2006. С. 116.

¹¹² Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Ithaca and London: Cornell Univ. Press. 2001. 496 p.

Фактически же в своем национально-государственном проекте советское государство институционализировало этнические группы в качестве главного субъекта политики и государственного права. Не права отдельного человека, а права наций (понимаемых как высшая форма этноса) рассматривались в качестве приоритетных. Советское государство, таким образом, закрепляло этнические различия на территориальной основе.

При этом существовала иерархия национально-территориальных образований, на верхней ступени которой были союзные республики (их количество варьировалось, на момент распада СССР их было 15), затем – автономные республики в составе союзных образований, еще ниже – автономные области и округа. Некоторые из них входили напрямую в состав союзных республик (Нагорно-Карабахская Автономная область входила в состав Азербайджанской ССР, Юго-Осетинская Автономная область – в состав Грузинской ССР, Горно-Бадахшанская Автономная область – в состав Таджикской ССР). Другие же были частью более мелких административно-территориальных образований в составе союзных республик (Адыгейская Автономная область входила в состав Краснодарского края, а Карачаево-Черкесская Автономная область – в состав Ставропольского края РСФСР).

На практике это означало формирование представлений об этнической собственности того или иного этноса в своей высшей фазе – национальной на территорию, обозначенную как национальная республика, автономия в составе национальной республики. При этом число этнических групп, обладающих таким правом, варьировалось в зависимости от политической конъюнктуры. В 1940-1956 гг. существовала отдельная Карело-Финская ССР, утратившая свой союзный статус и переименованная в Карельскую АССР. С 1924 по 1940 гг. была Молдавская АССР в составе Украинской УССР, чтобы затем трансформироваться в отдельную союзную республику посредством объединения с аннексированной у Румынии Бессарабией. Одна из самых крупных советских республик Казахстан только в 1936 г. получила статус союзной республики (до того она была АССР). Включенная в 1944 г. в состав СССР Тувинская Народная Республика (самостоятельное государство, не часть другой страны, как Бессарабия или Галичина) не получила статус даже автономной республики. В 1944-1961 гг. она имела статус автономной области и только после этого стала АССР.

И если для всего Союза ССР русские были «большим братом», то на уровне союзных республик роль «большого брата» исполняли так называемые «титовые нации», то есть те группы, по имени

которых были названы республики (например, армяне, грузины, азербайджанцы, украинцы). Для всего советского периода была характерна закрытость обсуждения возникающих проблем в сфере национальной политики. Мифология «дружбы народов» и пролетарского интернационализма прикрывала те негативные тенденции, которые годами накапливались в сфере межэтнических отношений. Во многом именно поэтому политическая либерализация эпохи «перестройки» привела к неконтролируемому всплеску межэтнических и гражданских конфликтов, националистическому экстремизму (сопровожаемому во многих случаях антисемитизмом).

По отношению же к «еврейскому вопросу» «империя позитивного действия» все время колебалась между «пролетарским интернационализмом» и государственным антисемитизмом. С одной стороны, официальная идеология (и базировавшиеся на ее фундаменте гуманитарные науки) рассматривали антисемитизм в качестве дурного наследия и пережитка «великодержавного шовинизма» времен империи Романовых. Нельзя забывать также и то, что в СССР Великая Отечественная война 1941-1945 гг. была одним из центральных и даже цементирующих элементов идентичности. В этой связи тот факт, что на некоторых территориях Советского Союза осуществлялось «окончательное решение еврейского вопроса» нацистами, обязывало советскую элиту хотя бы и в ограниченном объеме реализовывать юдофильские практики. С помощью них было легче соответствовать образу самого главного борца против гитлеризма.

С другой стороны, антисемитские практики оказывались востребованными в силу различных внутренних и внешнеполитических причин. Создание независимого от советского влияния (идеологического и внешнеполитического) еврейского государства Израиль стало для СССР серьезным вызовом. Во-первых, оно способствовало росту национального сознания внутри еврейской общины. И этот рост не был санкционирован сверху ЦК КПСС и Политбюро, следовательно, был неподконтролен (или слабо контролируем советским официозом). Таким образом, само создание Израиля (а также его успехи, неудачи, проблемы) провоцировало гражданскую низовую активность, что само по себе было опасностью для идеократического советского государства. Во-вторых, существование Израиля способствовало конфликту идентичностей (еврейская идентичность vs. советская). Для советской же практики минимизация идентичностей была одним из важнейших приоритетов. Все это толкало советское государство к юдофобии.

Как правило, советские идеологические практики реализовывались с использованием определенного идеологического прикрытия. В Советском Союзе, в отличие от нацистской Германии (и ее сателлитов), открытая борьба с «мировым еврейством», «семитской расой» не велась и не провозглашалась. Вместе с тем, антисемитские представления (и бытовые, и идеологические) внедрялись в массы правящей партией под прикрытием борьбы с «космополитами», «врачами-вредителями» (1940-1950-е гг.), «сионизмом» (наиболее активно в 1960-1980-е гг.), выездом евреев из Советского Союза, «агрессивной внешней политикой Израиля». Наиболее близкой к «классическому» антисемитизму была религиозная политика советской власти по искоренению иудейской религиозной традиции (закрытие синагог, молитвенных домов якобы по «желанию трудящихся»). Впрочем, эти мероприятия были включены в общий контекст атеистической пропаганды и практики (закрытие православных церквей и монастырей, мусульманских мечетей, преследование суфийских братств).

Помимо общесоюзных антисемитских практик, осуществлялись отдельные акции и мероприятия на республиканском уровне. В них также по большей части использовался «прикрытый антисемитизм» или в некоторых случаях – антисемитизм религиозный. В Грузии с приходом на пост первого секретаря республиканского ЦК Эдуарда Шеварднадзе (1972 г.) началась борьба с теневой экономикой под лозунгами «восстановления социалистической законности», в ходе которой осуществлялось жесткое давление на грузинских евреев (которых считали главными «цеховиками»). Это, в свою очередь, стало одной из причин их массового выезда в Израиль. До 1980 г. Грузию покинули более половины всех грузинских евреев, ее населявших¹¹³. Что же касается советской Украины 1960-х – 1980-х гг., то эта республика превратилась в своеобразное идеологическое пристанище для «борцов с сионизмом». В 1967-1984 гг. в СССР вышло около 300 антисионистских изданий. Более половины из этого количества увидело свет в «Радяньской Украине». В 1963 г. вышла книга Тараса Кичко (на украинском языке) с одиозным названием «Иудаизм без

прикрас», в 1975 г. – труд Валерия Скурлатова «Сионизм и апартеид», а в 1982 г. – труд Леонида Корнеева «Классовая сущность сионизма» (все упомянутые труды вышли в республиканском издательстве «Политиздат»). Не слишком отставали от Украины и белорусские власти и идеологи. Ведущим теоретиком «антисионизма» в 1970-е гг. стал научный сотрудник Минского института философии Владимир Бегун. Тогда же стараниями пропагандистов из республиканского ЦК в изданиях, посвященных истории партизанской борьбы в Белоруссии в 1941-1944 гг., участие евреев стало замалчиваться, либо рассматриваться в контексте «борьбы советского народа». В 1970-е гг. в Белоруссии широко рекламировался цикл картин (всего их было 13) народного художника СССР Михаила Савицкого «Цифры на сердце» (1974-1979 гг.). На одной из картин цикла еврей (заключенный со звездой Давида) изображался в качестве соучастника нацистских преступлений. То, что такая интерпретация истории Второй мировой войны была не инициативой отдельных художников, а находила если не поддержку, то понимание на уровне республиканского ЦК, свидетельствует сам Савицкий. Вот как описывал он свой диалог с первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии Петром Машеровым (1965-1980): «В конце концов, в мастерскую приехал Петр Машеров и сказал: “Я, вообще-то, понимаю, почему весь этот сыр-бор. Настоящая правда многим не нравится. Но у меня к тебе все-таки личная просьба – убери ты эту звезду. Так надо”. Я уважал Петра Миновича, потому, немного поколебавшись, согласился, сказав, что выполню его просьбу. Но поставлю другой знак, знак раввина. Он сказал: ставь что хочешь, только убери звезду Давида! И я поставил вместо нее – сиреневый треугольник и желтую полоску. С такими знаками были в Бухенвальде. Не много, но были. Я видел. Евреи знают, что это за знак, но шума не подняли»¹¹⁴. В 1962 г. власти Таджикской ССР запретили выпечку мацы. Нарушение этого запрета, действовавшего до конца 1980-х гг., рассматривалось как уголовное преступление. В 1970-х гг. почти четверть еврейского населения столичного города республики Душанбе (это составляло порядка 3 тыс. человек) эмигрировали в Израиль.

¹¹³ В 1970 г. в Грузии проживали 55,4 тыс. грузинских евреев. В 1969-1980 гг. из республики уехали около 30,5 тыс. грузинских евреев. По данным последней Всесоюзной переписи 1989 г., в Грузии проживали чуть более 14 тыс. грузинских евреев. См. подробнее: Квирикашвили Э. Эмиграция грузинских евреев в Израиль // Центральная Азия и Кавказ. 2003. №6 (30).

¹¹⁴ Визит Петра Машерова в мастерскую Михаила Савицкого состоялся после того, как выставка картин художника вызвала широкий международный резонанс и критику в адрес СССР в поддержке антисемитизма. Цит. по: Ростиков Е. Как вырывают «цифры из сердца» // <http://www.libereya.ru/public/savicky.html>

Во всех упомянутых выше случаях (как общегосударственных, так и республиканских) активно насаждались популярные в антисемитских кругах представления о евреях как имманентно враждебном элементе, оторванном от «почвы» нееврейского государства, их стремлении занять «теплое место»¹¹⁵, враждебности к тяжелому физическому труду, социальном иждивенчестве, латентном сопротивлении окружающей нееврейской среде. И хотя борьба с «безродными космополитами» или «сионизмом» велась с использованием интернационалистической риторики и апелляций к «дружбе народов» (сионистов обвиняли в борьбе против своего же народа), латентный антисемитизм прекрасно ложился на массовые бытовые представления (так называемый «бытовой антисемитизм») «новой исторической общности советского народа». Следовательно, советский «скрытый» антисемитизм провоцировал бытовой национализм, который и без того укреплялся благодаря самой модели национального строительства, избранной в СССР¹¹⁶.

Политическая либерализация конца 1980-х – начала 1990-х гг., ставшая одним из главных последствий «перестройки», серьезным образом повлияла и на проявления антисемитизма. По справедливому замечанию историка Мордехая Альтшулера, начиная с 1988 г. практически перестала действовать официальная политика дискриминации, хотя на уровне низких бюрократических кругов она иногда давала о себе знать. В результате появления «гласности» в Советском Союзе и, в особенности, в процессе демократизации в большинстве независимых государств общественное мнение превратилось в один из определяющих политику факторов. В создавшихся новых условиях выяснилась особая важность отношения общества к евреям¹¹⁷. Действительно, во второй половине 1980-х гг. в бывших республиках СССР начался процесс «еврейского национального возрождения». В 1987 г. в Таллине было зарегистрировано Эстонское

еврейское культурное общество. В 1988 г. начало выходить первое независимое еврейское периодическое издание в советской Украине «Информационный бюллетень Черновицкого еврейского общественно-культурного фонда» (он издавался в столице Северной Буковины Черновцах). В это же время в Молдавии было создано Общество еврейской культуры в Кишиневе и еврейский театр-студия в Бельцах. В 1988 г. при Академии наук Грузинской ССР была создана Ассоциация грузино-еврейских отношений.

21-22 мая 1989 г. в тогдашней столице Латвийской ССР Риге состоялась встреча представителей еврейских организаций из 34 городов Советского Союза. Фактически, оно стало первым всесоюзным совещанием еврейских организаций СССР, на котором было принято решение создать всесоюзный съезд еврейских общин и объединений. По словам Валерия Энгеля, «фактически решения рижской конференции подтолкнули процесс создания еврейских организаций, число которых за следующие несколько месяцев перевалило за несколько сотен, все стремились войти в создаваемую конфедерацию, в которую принимались только организации»¹¹⁸. В том же году в Риге открылась первая в СССР еврейская средняя школа. В 1989 г. литовское радио начало вести еженедельные передачи на идиш (языке евреев ашкенази). Тогда же было учреждено Общество культуры евреев Литвы.

В 1989 г. в Ташкенте был создан Еврейский культурный центр и Бухарско-еврейский культурный центр, в Самарканде – Культурный центр бухарских евреев, ашкеназский культурный центр. В столице Азербайджана Баку также в 1989 г. был организован клуб еврейской культуры «Алеф». Через год было учреждено общество дружбы и культурных связей «Азербайджан – Израиль» (это было сделано до полного восстановления дипломатических отношений между СССР и Израилем). В 1989 г. в Казахстане появился еврейский культурный центр «Шалом». В Душанбе в 1989 г. возникло Таджикское общество друзей еврейской культуры «Ховерим», а в 1990 г. открылись курсы иврита. В 1990 г. состоялся первый Съезд Белорусского объединения еврейских организаций и общин, а в столице Армении Ереване основано общество армяно-еврейской дружбы «Арев».

Однако серьезные изменения политики тогда еще единого союзного государства по «еврейскому вопросу» не искоренили анти-

¹¹⁵ Тот же Михаил Савицкий говорил о том, что среди лагерных капо, имевших более льготные условия пребывания в концлагерях, было много евреев (см.: <http://www.libereya.ru/public/savicky.html>)

¹¹⁶ О взаимовлиянии государственного и «бытового» антисемитизма подробнее см. Г. В. Костырченко. Государственный антисемитизм в СССР. От начала кульминации. 1938-1953 – М.: Материк, 2005.

¹¹⁷ Цит. по: Альтшулер М. Евреи СНГ на пороге третьего тысячелетия //Acta Slavica Japonica. Hokkaido University. Slavic Research Center. 1998. Vol. 16. (на русском языке) //<http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/public/acta/16/alt/altshuler-3.html>

¹¹⁸ Цит. по: Энгель В. В. Курс лекций по истории евреев в России. Тема 21. Евреи в СССР в годы перестройки и в постсоветский период // <http://jhistory.nfurman.com/russ/russ001-21.htm>

семитизм в республиках СССР. Напротив, мы можем говорить о серьезной актуализации этого явления и о возрождении старых форм антисемитизма. До 1985 г. в СССР доминировали два антисемитских дискурса (бытовой, базировавшийся на неких националистических стереотипах) и государственный (который подходил под определение «нового», а не расистского антисемитизма, прикрывался «антисионизмом» и «борьбой с израильской военщиной»). При этом в республиках бывшего СССР (в отличие от общесоюзного уровня) апелляция к бытовым представлениям была более востребованной. С их помощью идеологи компартий национальных республик пытались выиграть борьбу за умы в конкуренции с диссидентскими (или квазидиссидентскими) националистическими группами. После 1985 г., когда с многих тем были сняты идеологические табу, расистские и националистические антисемитские доктрины и концепции стали также открыто обсуждаться (не только со знаком «минус», но и со знаком «плюс»). Теперь многим сторонникам антисемитизма не надо было скрывать свои действительные взгляды за фасадом интернационализма, дружбы народов, критики Израиля и сионизма. После 1985 г. (не сразу, но постепенно) стало возможно вести идеологическую борьбу с «еврейской расой», «жидомасонами», иудаизмом и другими «врагами», маркировка которых под такими именами до этого времени была невозможной. С либерализацией в религиозной сфере и отменой политики государственного атеизма были восстановлены не только права верующих и принцип свободы совести, но и дискурсы религиозного антисемитизма (православного, униатского в Белоруссии, Украине, католического в Литве, исламского в Узбекистане, Таджикистане, в меньшей степени в Азербайджане).

Этнополитическое самоопределение республик СССР, спровоцированное политической либерализацией 1985-1991 гг., происходило в условиях жесткого противоборства с советской идеологией. Это противоборство нередко происходило «с перехлестом», когда на смену одним мифам приходили другие. Речь идет о тех случаях, когда ревизии или тотальному пересмотру подвергались не только сюжеты «истории Великого Октября», индустриализации или коллективизации, но и история Великой Отечественной (шире говоря, Второй мировой) войны. На смену «комиссарам в пыльных шлемах», «пионерам-героям» и партизанам пришли «лесные братья», различные «легионеры» (участвовавшие в войне на стороне Германии и ее сателлитов), лидеры ОУН, УПА и других организаций. Их отношение к «еврейскому вопросу» отличалось полной определенностью.

Так, в постановлении съезда ОУН (Организация украинских националистов) – апрель 1940 г. – говорилось: «Жида в СССР являются преданнейшей опорой большевистского режима и авангардом Московского империализма на Украине... Организация украинских националистов борется против жидов как опоры московского большевистского режима, осознавая, что Москва – главный враг»¹¹⁹.

Даже в тех случаях, когда процесс самоопределения возглавляли выходцы из советско-партийной номенклатуры, они стремились легитимировать новые движения с помощью национальных символов, героев прошлого, традиций национальной государственности. При этом апелляция к героям прошлого нередко (даже помимо воли лидеров национальных движений) актуализировала антисемитские представления. Все это приводило к многочисленным эксцессам. В октябре 1989 г. в Литве были сожжены венки на месте захоронения жертв Холокоста. В это же время в республиканской печати стали появляться материалы, в которых ответственность за советскую оккупацию стала возлагаться на еврейский народ. Результаты опроса общественного мнения, проведенного в СССР в период его заката в 1990 г., показали, что Украина занимала первое место среди пятнадцати союзных республик с точки зрения негативного восприятия евреев¹²⁰.

В сентябре 1990 г. социологическое исследование в Киеве зафиксировало следующие итоги: 75% респондентов не хотели бы вступать в брак с евреями, а 59% не хотели бы видеть евреев среди своих коллег по работе¹²¹.

В мае 1990 г. произошел погром евреев и армян в Андигане (около 20 домов было сожжено или разграблено, несколько женщин подверглись насилию). Начиная с февраля того же года, вандалы несколько раз оскверняли еврейское кладбище в Ташкенте. На массовых митингах Народного фронта Азербайджана в 1989-1990 гг. звучал лозунг «Без евреев и армян, процветай, Азербайджан!». В акциях Народного фронта Молдовы в тот же период звучит ксенофобский лозунг «Русских – за Днестр, евреев – в Днестр!». В

¹¹⁹ Цит. по: Евреи на Украине. Учебно-методические материалы. (сост. И. Б. Кабанчик). – Львов, 2004. С. 186.

¹²⁰ Гудков Л. Д., Левинсон А. Г. Отношение населения СССР к евреям // Вестник Еврейского университета в Москве. 1992. № 1. С. 35.

¹²¹ Panina N. V., Golovakha E. I. Inter-Ethnic Relations and Ethnic Tolerance in the Ukraine // Jews and Jewish Topics in Soviet and East-European Publications. 1991. № 1 (14). Spring 1991. Pp. 27-30.

1989-1990 гг. были зафиксированы осквернения еврейских кладбищ (в городе Оргеев в 46 км к северу от Кишинева).

Однако антисемитизм, несмотря на свое «пробуждение» в период политической либерализации конца 1980-х гг., не стал доминирующим направлением в процессе этнополитического самоопределения будущих независимых государств СНГ и Балтии. Радикальные его проявления не получили поддержки у новых национальных элит, хотя и после распада СССР в декабре 1991 г. отдельные антисемитские проявления время от времени дают о себе знать в тех странах, которые уже получили членство в Европейском Союзе (страны Балтии вступили в эту организацию в 2004 г.) и которые претендуют на европейский путь развития (Украина).

Существует несколько объяснений такому развитию событий. Во-первых, в процессе национального самоопределения главной мишенью для критики были не евреи (и не мировое еврейство), а союзный центр. Именно в борьбе с ним формировалась легитимация новых независимых государств постсоветского пространства. Помимо союзного центра, у самоопределяющихся республиканских элит в каждом конкретном случае возникали свои оппоненты и враги. Для грузинской элиты таковыми стали абхазские сепаратисты и осетинские ирредентисты, для Азербайджана – армянская община Нагорного Карабаха, поддерживаемая диаспорой и Ереваном. Для Украины определенную опасность представляли русские политические движения в Крыму и Донбассе, а также крымско-татарские националистические группы. В Молдове в 1989-1990 гг. обострились два конфликта (в Гагаузии и Приднестровье), а прибалтийские национальные элиты вели сложную полемику с так называемыми «Интердвижениями». В Таджикистане стремительно нарастали внутрирегиональные конфликты (споры между ленинабадцами и кулябцами с одной стороны, памирцами – с другой), а также обострился «узбекский вопрос». Сложными были отношения между узбеками и киргизами (отсюда и конфликт в Оше, известный еще как «ошская резня» 1990 г.). В этой связи евреи оставались вне фокуса внимания.

Во-вторых, процессы дезинтеграции и распада единого союзного государства, сопровождаемые конфликтами, способствовали ускорению процесса еврейской эмиграции за пределы стремительно национализирующихся республик. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. прежних препон для выезда евреев в Израиль (а также в США и страны Европы) уже не было. И это было одним из позитивных достижений эпохи «перестройки». По справедливому замечанию Мордеха

Альтшулера, к началу 1990-х гг. «выездная «лихорадка» (как на постоянное место жительства, так и на время) охватила очень широкие круги населения: по оценкам некоторых социологов, более двадцати миллионов человек стремились выехать из страны». За два года (1990-1991 гг.) из Советского Союза эмигрировали 373 тыс. евреев, что составляет четверть еврейского населения, согласно последней Всесоюзной переписи населения 1989 г., и 89,3% выехавших прибыли в Израиль¹²². По каждой союзной республике динамика эмиграции в 1989-1990 гг. впечатляющая. Если в 1989 г. Азербайджан покинули только 466 евреев, то в 1990 г. – 7905 человек. В Таджикистане были зафиксированы еще большие цифры. За четыре года (1985-1989 гг.) из республики уехали 600 человек, а в 1990-1994 гг. – почти 10 000 человек. В 1989 г. в Израиль из Украины выехали 3672 еврея, в страны Запада (главным образом в США) – 17 486 человек. В 1990 г. количество выехавших в Израиль составляло уже 59 874 человека, а в США – около 12 000 человек. В Литве накануне распада СССР наблюдалась следующая динамика: в 1989 г. в Израиль выехали 322 человека, в 1990 г. – 2737, в 1991 г. – 1052. Белоруссию покинули в 1989 г. 1121 человек и в 1990 г. – 23 521 человек. Из Молдавии в 1989 и 1990 гг. в Израиль, соответственно, эмигрировали 1470 и 11 926 евреев¹²³. Таким образом, чисто количественное снижение еврейского населения делало менее актуальным «еврейский вопрос».

В-третьих, становясь независимыми государствами, национальные элиты бывших советских республик стремились занять нишу «цивилизованных государств», для которых антисемитизм является политически неприемлемым. О своем европейском выборе заявили стремящиеся к независимости республики Прибалтики, Украина, Молдова. Помимо ценностных вопросов, новые независимые государства (по разным основаниям) стремились к выстраиванию выгодных отношений с США и Израилем, для чего было необходимо сдерживание проявлений антисемитизма. Азербайджан, вступив в конфликт с Арменией и карабахским движением, пытался создать стратегический альянс с Турцией (у которой, начиная с 1950-х гг., установились прочные связи с Израилем, включая и военно-политическую сферу). Для Украины, прибалтийских республик

¹²² Альтшулер М. Указ. соч.

¹²³ Цифры еврейской эмиграции по республикам бывшего Советского Союза взяты из Электронной еврейской энциклопедии (статьи по соответствующим странам) (см. <http://www.eleven.co.il>).

США виделись как гарант их будущей территориальной целостности. Помимо стратегических соображений, определенному «юдофильству» способствовали и надежды на представителей «своих евреев» (прежде всего, их финансовые и лоббистские ресурсы) в Израиле, США, странах Европы. Все это заставляло формирующиеся национальные элиты отсекал антисемитские крайности из своих программ и политической практики и, напротив, демонстрировать проявления толерантности по отношению к евреям (как к этническому и религиозному меньшинству).

В мае 1990 г. Верховный Совет Литвы принял декларацию, в которой осуждался геноцид евреев во время Второй мировой войны и участие в нем литовцев. Позитивному восприятию новой литовской независимости способствовало и принятие так называемого «нулевого варианта», то есть предоставление гражданства всем жителям республики вне зависимости от сроков проживания в Литве и этнической принадлежности. В новом варианте закона, принятом в декабре 1991 г., было сделано только одно дополнение – этническая принадлежность не является основой для приобретения гражданства Литвы. В Конституции Литовской Республики (была принята в октябре 1992 г.) говорится, что «национальные общины граждан самостоятельно занимаются делами своей национальной культуры, просвещением, благотворительностью и взаимопомощью. Государство оказывает поддержку национальным общинам»¹²⁴. Наиболее влиятельное в 1989-1991 гг. общественное национальное украинское движение «Народный Рух» Украины, несмотря на наличие в своих рядах носителей антисемитских настроений, тем не менее включил в свою программу следующий принципиально важный пункт: «Исторически сложилось так, что Украина стала родиной новой еврейской культуры, евреи внесли большой вклад в развитие многих областей жизни украинского народа. Рух выступает за возрождение еврейской общности на Украине и ее национально-культурную автономию, против антисемитизма»¹²⁵.

На массовом траурном митинге по случаю 50-летия трагедии в Бабьем Яре (29 сентября 1991 г.) с речью выступил Леонид Кравчук

(на тот момент председатель Верховной Рады – Верховного Совета – Украины), в котором принес извинения за участие украинцев в актах геноцида против евреев.

Таким образом, к моменту распада Советского Союза республики, ставшие на путь этнополитического самоопределения, унаследовали от своей некогда общей страны множество непростых проблем. К их числу относятся межэтнические и гражданские проблемы, двусторонние (между бывшими республиками) противоречия и споры, сложности социально-экономической трансформации (переход от директивной мобилизационной модели к рынку). Во всем этом комплексе проблем антисемитизм не играл определяющей роли. Однако эта проблема не раз оказывалась в фокусе информационного внимания, внутривнутриполитической и даже международной повестки дня. Она не раз использовалась в идеологической борьбе и как инструмент внешнеполитических дискуссий. В частности, российская дипломатия многократно критиковала украинскую «оранжевую коалицию» или прибалтийские власти за заигрывания с нацистами и использование антисемитских стереотипов. Нередки случаи, когда азербайджанская дипломатия, заинтересованная в стратегическом партнерстве с Израилем, обвиняет Армению и армянскую диаспору в антисемитизме.

Между тем, проявления антисемитизма в различных новых независимых государствах постсоветского пространства отличаются друг от друга. Они являются продуктом сложных внутренних и внешнеполитических трансформаций в постсоветских республиках. Иногда они опираются на имевшиеся в прошлом исторические традиции. В некоторых же случаях, наоборот, мы имеем дело с проявлениями нового антисемитизма (особенно в исламских республиках, где с укоренением фундаментализма происходит укоренение специфической версии исламистского антисемитизма и антисемитизма, которые не проявлялись в советское время или в период существования Российской империи). Для определения общих и особенных черт антисемитизма на постсоветском пространстве необходим анализ ситуаций во всех 14 республиках бывшего СССР.

Украина

24 августа 1991 г. (после попытки реакционной части руководства КПСС отстранить от власти Михаила Горбачева с помощью создания Государственного комитета по чрезвычайным ситуациям –

¹²⁴ Цит. по: Микиличус В. «Нулевой» вариант гражданства способствует решению национальных проблем // Молодежь Эстонии. 11 сентября 2000. <http://www.moles.ee/00/Sep/11/4-2.html>

¹²⁵ Цит. по: Украина. Евреи в послевоенной советской Украине (1945-1991). <http://www.eleven.co.il/article/15413>

ГКЧП) Верховная Рада (Верховный Совет) Украины принял Акт провозглашения независимости. Референдум 1 декабря 1991 г. подтвердил этот Акт (в нем приняли участие 84,18% имеющих право голоса жителей Украины и 90,32% высказались за независимость).

После обретения независимости Украина встала на сложный путь поиска новой национально-государственной идентичности. Во многом этот поиск отразился и на отношении политической элиты независимого Украинского государства к еврейской проблематике. Несмотря на значительный рост еврейской эмиграции в канун и после распада СССР, евреи являются многочисленной общиной в независимой Украине. Согласно данным Всеукраинской переписи населения 2001 г., они входят в первую десятку национальностей. Численность евреев составляет 103,6 тыс. человек или 0,2 % всего населения Украины¹²⁶.

С одной стороны, нельзя не отметить действительно выдающиеся достижения постсоветской Украины. В 1991 г. все партии и движения этой республики, исключая откровенных маргиналов, выступали за предоставление этническим меньшинствам необходимых политических гарантий и возможностей для культурного развития. Поэтому вскоре после принятия Акта о независимости Верховная Рада приняла «Декларацию прав национальных меньшинств», а в 1992 г. – специальный Закон «О национальных меньшинствах». Впоследствии в 1996 г. основные права этнических меньшинств были закреплены в Основном законе Украины. Все это показывало, что новое независимое государство стремится отказаться от государственного антисемитизма, создавшего негативный образ украинским государствам периода гражданской войны (Украинская Народная Республика – УНР, Западно-Украинская Народная Республика – ЗУНР, затем объединенная Украинская республика), а также советской Украине. В 1918-1919 гг., в период возглавляемой Симоном Петлюрой украинской Директории, на ее территории прошло немало еврейских погромов. Антисемитизм был присущ и украинским националистам (боровшимся за «незалежність») в период Второй мировой войны. Но создатели постсоветской Украины, несмотря на использование символов прошлого для легитимации независимости, не стали (в отличие от грузинской, азербайджанской или прибалтий-

ской элиты) выстраивать политико-правовую преемственность с прежними украинскими национальными государствами.

Леонид Кравчук, первый президент независимой Украины (декабрь 1991 – июль 1994 гг.), стал первым из глав новых независимых государств постсоветского пространства, кто посетил Израиль (его визит прошел в январе 1993 г.) и выступил в Кнессете. Накануне его визита такой патриарх израильской политики, как Шимон Перес, заявил: «Во взаимоотношениях наших народов было разное: и добро, и зло, но теперь мы творим новую историю и очень внимательно относимся к современной Украине»¹²⁷.

В то же время Израиль стал одной из первых стран мира, признавших после распада Советского Союза независимое украинское государство (26 декабря 1991 г.), что также создавало не только хороший базис для развития двусторонних государственных отношений, но и позитивную атмосферу для украинской внутренней политики на «еврейском направлении». Начиная с 1990-х гг. на Украине стало интенсивно развиваться еврейское образование и общественная деятельность. К середине 1990-х гг. по всей стране действовало уже более 250 еврейских организаций и общин. Началась реализация политики реституции (возвращения еврейским общинам Украины синагог, конфискованных в советский период), хотя полного удовлетворения требований верующих и не достигнуто. Курс Леонида Кравчука в целом был продолжен его преемником Леонидом Кучмой (занимал пост президента в 1994-2004 гг.) и третьим президентом Украины Виктором Ющенко (был избран президентом в 2005 г.). Ющенко не раз публично выступал с осуждением антисемитизма (в декабре 2005 г. он подверг жесткой критике выступления сотрудников Межрегиональной академии управления персоналом).

После обретения независимости евреи получили доступ к высоким правительственным постам и должностям местного и регионального уровня. Александр Пасхавер занимал пост советника президента Украины, Ефим Звягельский – пост премьер-министра (хотя его деятельность приобрела скандальный оттенок: он был обвинен в хищениях и бежал из страны), Юрий Иоффе – пост вице-премьера украинского правительства. Дмитрий Дворкис в 1992-2000 гг. занимал пост мэра Винницы (стал почетным гражданином этого города), а Эдуард Гурвиц стал мэром Одессы.

¹²⁶ Данные по национальному составу населения Украины см.: Всеукраинская перепись населения 2001 года // <http://www.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>

¹²⁷ Цит. по: Медведев О., Ковтун А. Начался визит Кравчука в Израиль // Коммерсантъ. 1993, 12 января, № 2 (225).

Вместе с тем нельзя не заметить и в определенной степени инструментального отношения украинской элиты к проявлениям толерантности. В этом плане интересно следующее мнение: «Для украинской элиты в значительной степени свойственно осознанное желание соответствовать западным образцам, по крайней мере, в тех областях, где это не требует приложения серьезных усилий. Например, рекомендовать изучение темы Холокоста в высших учебных заведениях по всей стране значительно проще, чем бороться с коррупцией и отмыванием денег, при этом еще непонятно, какая из этих мер может успешнее способствовать формированию имиджа цивилизованного государства. Это вовсе не означает, что в украинском министерстве образования и науки, которое рекомендовало изучение Холокоста, нет искренних энтузиастов, которые уверены, что этот шаг поможет в воспитании установок толерантного сознания и, в конечном счете, строительстве гражданского общества. Однако нельзя не учитывать и сиюминутной конъюнктуры, а она такова, что подобная символическая и не требующая приложения особых усилий демонстрация стремления к стандартам цивилизованного сообщества реально может ничего не означать. Грубо говоря, в сознании чиновников еще не укрепилась мысль, что антисемитизм сам по себе – это зло, но страх прослыть антисемитом им уже понятен»¹²⁸.

Между тем, говорить о полном элиминировании антисемитизма (включая его государственно-политические формы) нельзя. С одной стороны, власть подчас демонстративно отмежевывалась от любых проявлений юдофобии. С другой стороны, выстраивание украинской политической идентичности происходило (и продолжает происходить) в слишком упрощенной форме, как плоское противопоставление России. В этом процессе в союзники «украинскому делу» берутся исторические персонажи, сыгравшие в судьбах еврейства не самую позитивную роль. В этом плане показателен выход в свет программной книги второго президента республики Леонида Кучмы под названием «Украина – не Россия», в которой автор пытается найти те образы прошлого, которые должны быть востребованы новым независимым государством. В этой книге, в частности, Кучма говорит о гетмане Богдане Хмельницком как «о символе преемственности украинской государственности от Киевской Руси до наших дней».¹²⁹

¹²⁸ Цит. по: Антисемитизм в Украине // <http://antifashyst.narod.ru/ukraine.html>

¹²⁹ Кучма Л. Д. Украина – не Россия. – М.: Время, 2003. С. 116.

Между тем личность Хмельницкого (запятнавшего себя еврейскими погромами) воспринимается в еврейской среде однозначно негативно.

Еще более амбивалентными являются шаги третьего президента Украины Виктора Ющенко. 16 мая 2007 г. он (политик, называющий себя демократом и сторонником европейского выбора) подписал указ, который предполагает установить памятные даты, назвать улицы в честь Ярослава Стецько (и его жены Ярославы Стецько), одного из многолетних лидеров и идеологов украинских националистов¹³⁰. Между тем, после оккупации Львова нацистами 30 июня 1941 г. «герой» президентского указа Ярослав Стецько сделал следующее заявление: «Москва и жидовство – это самые большие враги Украины. Считаю главным и решающим врагом Москву, которая властно держала Украину в неволе. И, тем не менее, оцениваю враждебную и вредительскую волю жидов, которые помогли Москве закрепощать Украину. Поэтому стою на позициях истребления жидов и целесообразности перенести на Украину немецкие методы экстерминации жидовства, исключая их ассимиляцию»¹³¹.

12 октября 2007 г. другим указом президента Украины Виктора Ющенко звание «Герой Украины» «за выдающийся личный вклад в национально-освободительную борьбу за свободу и независимость Украины и в связи со 100-летней годовщиной со дня рождения и 65-летней годовщиной создания Украинской повстанческой армии» было присвоено Роману Шухевичу¹³². Несмотря на то, что в оценках Романа Шухевича у историков нет единства, в адрес этого человека приводились многочисленные обвинения в участии в массовых акциях против евреев. В интервью радиостанции «Немецкая волна» руководитель иерусалимского мемориального комплекса «Яд ва-Шем» Йосеф (Томи) Лапид заявил: «У нас есть целое досье, из которого следует, что Шухевич был одним из причастных к массовым убийствам. До этого времени украинская сторона не обращалась к нам с просьбой

¹³⁰ См. полный текст документа: Указ Президента України «Про вшанування пам'яті Ярослава Стецька і Ярослави Стецько» // <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=419%2F2007>

¹³¹ Евреи на Украине. Учебно-методические материалы... С. 187.

¹³² См. полный текст документа: Указ Президента України № 965/2007 «Про присвоєння Р. Шухевичу звання Герой України» // <http://www.president.gov.ua/documents/6808.html>

передать эти документы. Если такая просьба поступит, думаю, мы ее удовлетворим»¹³³.

Антисемитская тема используется и во внутривластной борьбе. В ходе противостояния Леонида Кучмы и объединений, оппозиционных ему, обыгрывался тезис о связях второго украинского президента с «еврейскими олигархами». В некоторых даже уважаемых партиях и организациях есть терпимость по отношению к «своим радикалам». Даже в тех случаях, если партийно-политическое руководство пытается отмежеваться от антисемитизма. Националисты (использующие антисемитскую риторику) проходили в парламент при поддержке Виктора Ющенко и Юлии Тимошенко. Известный своими антисемитскими высказываниями Андрей Шкиль вошел в Блок Юлии Тимошенко. Другой пример – Олег Тягнибок (депутат третьего и четвертого созывов украинского парламента в 1998-2006 гг.). Входя во фракцию «Наша Украина» (фракция будущего президента Виктора Ющенко) и имея депутатский мандат, Тягнибок 17 июля 2004 г. произнес свою знаменитую антисемитскую речь на торжественном мероприятии, посвященном памяти Дмитрия Клячкивского, одного из лидеров украинских националистов. Он следующим образом оценил роль этого политического движения для своей страны: «Вони не боялися, як і ми зараз не маємо боятися, вони взяли автомат на шию і пішли в ті ліси, вони готувалися і боролися з москалями, боролися з німцями, боролися з жидвою і з іншою нечистю, яка хотіла забрати в нас нашу українську державу»¹³⁴. Впрочем, именно из-за публичных проявлений антисемитизма Тягнибок впоследствии покинул «Нашу Украину».

К антисемитской пропаганде иногда причастны не только маргинальные, но уважаемые издания (журнал «Персонал», издаваемый Межрегиональной академией управления персоналом, в редакционный совет которого входят некоторые депутаты, министры, дипломаты Украины). С откровенно антиизраильскими и «антисионистскими» публикациями выступал ректор Академии Георгий Щекин. Академия имеет тесные связи с посольством Ливии и Палестинским представительством¹³⁵.

¹³³ Цит. по: «Яд Ва-Шем» приглашает // Столичные новости. 2007. 11-17 декабря №46 (483).

¹³⁴ Цит. по: Лозунько С. Из Галиции с фашистским приветом // <http://2000.net.ua/a/62112>

¹³⁵ Подробнее см. Преладышева С. Современные преступные идеологи Украины // <http://www.courier.co.il/index.php?id=14559>

Парадоксальная ситуация складывается и в образовательной политике Украины. С одной стороны, как мы указывали выше, министерство образования и науки рекомендует курсы по изучению Холокоста. Но в то же самое время в учебных программах по истории Украины в средних школах и вузах присутствует героизация гайдамаков периода «Колиивщины», украинских националистов первой половины XX в. и даже дивизии СС «Галичина»¹³⁶.

Однако помимо непродуманных шагов государственной власти и политической элиты, антисемитские настроения поддерживаются различными националистическими общественными объединениями. В регионах Западной Украины в особенности нередки случаи вандализма по отношению к памятникам жертвам Холокоста. Помимо украинских националистических движений, антисемитские лозунги эксплуатируют и пророссийские организации (выступающие с позиций «славянского единства» или «имперской» точки зрения). Еще один парадокс украинской внутренней политики: радикальные оппоненты используют друг против друга антисемитский ресурс! Среди украинских националистических объединений в наиболее радикальной степени с антисемитских позиций выступает Украинская национальная ассамблея – Украинская национальная самооборона (УНА – УНСО) и Украинская социал-национальная партия (УСНП). Среди «пророссийских сил» можно назвать Партию славянского единства Украины (ПСЕУ). Таким образом, география украинского антисемитизма не ограничивается только западными областями Украины, эксцессы происходят также в Крыму, Донбассе, Харькове (получивший большой отклик в СМИ поджог Израильского информационного центра в Харькове в начале 2000-х гг.).

Неприятным инцидентом, омрачившим украинско-израильские отношения, стала трагедия самолета компании «Сибирские авиалинии» (совершал рейс Тель-Авив – Новороссийск), который был сбит 4 октября 2001 г. украинской ракетой в районе военных учений над Черным морем (в нем находились 66 граждан Израиля). И хотя власти и военные пытались отрицать причастность украинских воору-

¹³⁶ «Колиивщина» – крестьянско-казацкое восстание на Правобережной Украине в 1768 г., сопровождавшееся массовым истреблением еврейского и польского населения на Волыни и в Подолии. Дивизия СС «Галичина» – 14-я гренадерская дивизия «Ваффен-СС», набираемая из «ненордических добровольцев» «дистрикта Галиция» (так назывались оккупированные нацистами территории трех областей современных западноукраинских областей).

женных сил к трагическому инциденту, Украина выплатила компенсации семьям пострадавших.

Таким образом, несмотря на определенные успехи, достигнутые в деле укрепления этнической толерантности и межэтнического мира в независимой Украине, антисемитские эксцессы по-прежнему представляют серьезный вызов для этого государства. В процессе «национализации» (по выражению Алексея Миллера) антисемитский дискурс минимизирован, но не полностью элиминирован. Нередки те случаи, когда политики (даже считающие себя уважаемыми и европейски ориентированными) прибегают в той или иной мере к антисемитизму (если не открыто, то латентно) для обеспечения популярности у избирателей. И напротив, мотивы толерантности и «юдофилии» оказываются востребованными не в силу принципиальных соображений, а в силу прагматических резонансов (обращение на Запад, стремление вступить в НАТО и Европейский Союз).

Белоруссия (Республика Беларусь)

Белоруссия (официальное название государства Республика Беларусь) – государство в Восточной Европе. Является преемником Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР). 27 июля 1990 г. Верховный Совет тогда еще БССР принял Декларацию о государственном суверенитете. В то же самое время, в отличие от Украины, прибалтийских или кавказских республик, население Белоруссии не было слишком активно в борьбе за национальное самоопределение. На знаменитом «горбачевском референдуме» о сохранении «обновленного СССР» 17 марта 1991 г. 82,7% жителей республики высказались за сохранение единого союзного государства. Однако провал коммунистического путча в августе 1991 г. способствовал выходу республики из СССР. Белоруссия была одним из трех инициаторов создания СНГ (8 декабря 1991 г.) и роспуска Союза ССР. 10 декабря 1991 г. белорусский Верховный Совет ратифицировал Беловежские соглашения от 8 декабря 1991 г.

Согласно классификации Организации Объединенных Наций (ООН), современная Белоруссия является «мононациональным государством». Согласно переписи населения 1999 г., более 81% населения – это белорусы. Несмотря на значительный (в количественном отношении) выезд белорусских евреев за пределы республики и после распада СССР, они входят в пятерку самых многочисленных этнических общин независимой Белоруссии (после самих белорусов, русских, поляков, украинцев). Евреи составляют 0,3% в общем со-

ставе населения республики (это порядка 28 тыс. человек). На протяжении белорусской истории евреи были основным населением городов, в сельской местности они также доминировали вместе с белорусами. Между тем, еще в 1939 г. (накануне Второй мировой войны) только в одной восточной части Белоруссии проживали 375,1 тыс. евреев, что составляло 6,7% населения (они были второй по численности группой населения). Холокост, послевоенные внутренние миграции в пределах СССР, а затем эмиграция в Израиль, США и Европу резко сократили еврейскую общину Белоруссии. На сегодняшний день евреи проживают в Белоруссии дисперсно, не образуя компактного массива проживания (наибольший процент они составляют в Оршанском и Могилевском районах)¹³⁷.

Между тем, проблемы антисемитизма остаются (несмотря на резкое сокращение количества евреев в республике) актуальными для внутривластной (и внешнеполитической) повестки дня в независимой Белоруссии. В отличие от соседней Украины, Белоруссия является государством, не имеющим плюралистической системы организации власти. Начиная с июля 1994 г., когда к власти в стране пришел харизматический лидер Александр Лукашенко, в Белоруссии постепенно установился режим личной власти главы государства¹³⁸. Риторика Лукашенко подчеркнута патерналистская. Государство рассматривается как большое хозяйство, в котором президент видится как «отец для граждан» (отсюда и практически признанное прозвище Лукашенко «Батька»). В идеологии Лукашенко значительная роль отводится популизму, а демократия рассматривается как мандат, выданный народом первому лицу государства для фактически единоличного правления. С одной стороны, белорусский президент апеллирует к советскому прошлому. В республике существует определенный культ первого секретаря ЦК КП Белоруссии Петра Машерова, а День национальной независимости отмечается ежегодно 3 июля 1944 г. в день освобождения Минска от немецко-фашистских оккупантов. С

¹³⁷ В межпереписной период (1989-1999 гг.) численность евреев в Белоруссии снизилась на 84,2 тыс. человек. Подробнее о демографии евреев Белоруссии см.: Шахотько Л. П., Куделка Д. Н. Этнотерминологический состав населения Белоруссии // Вопросы статистики 2002. №11. С. 30-37.

¹³⁸ В 1996 г. прошел референдум по изменению Конституции, расширявший полномочия президента и резко сокращавший функции парламента (вводились элементы назначения депутатов). На октябрьском референдуме 2004 г. были сняты ограничения для замещения президентской должности для одного лица.

другой стороны, Лукашенко жестко отстаивает государственную самостоятельность даже перед Россией (от которой экономически зависим). Повестку дня по всем ключевым вопросам (включая и национальную политику) определяет президент и его окружение. Как следствие – отмечаемые резкие колебания белорусского президента, его непоследовательность и противоречивость. Все эти черты отражаются и на специфике белорусского антисемитизма постсоветского периода. Отношение государства (а значит, и лично Лукашенко) к этой проблеме можно свести к следующей формуле: «Против антисемитизма, но не против отдельных антисемитов». В особенности, если они выражают лояльность первому лицу.

В своих публичных заявлениях белорусский президент неоднократно осуждал проявления антисемитизма. 25 июля 2002 г. в беседе с представителями СМИ Лукашенко заявил, что в Белоруссии «не будет воспринята ни антироссийская, ни антиеврейская политика» и что «у нас нет почвы для антисемитизма»¹³⁹.

«Если кто-то скажет, что в Беларуси процветает антисемитизм или мы угнетаем здесь мусульманское население, вы этому не верьте», – заявил Александр Лукашенко 26 октября 2007 г. на встрече с участниками международной научной конференции «Диалог христианства и ислама в условиях глобализации»¹⁴⁰.

Неоднократно президент Белоруссии публично призывал евреев, выехавших в Израиль и в другие страны, возвращаться. В октябре 2008 г. он выступил с речью на митинге, посвященном 65-летию гибели Минского гетто. В ноябре 2007 г. главный редактор правительственной газеты «Советская Белоруссия» Павел Якубович заявил во время он-лайн конференции в Израиле, что в его стране нет антисемитизма благодаря политике Лукашенко: «После прихода к власти Лукашенко государственный антисемитизм в стране подавлен, хотя на бытовом уровне болезнь, увы, порой дает о себе знать»¹⁴¹.

Поскольку в идеологии белорусского президента присутствуют такие элементы, как интернационализм (о чем Лукашенко не раз

заявлял, критикуя, среди прочего, жесткие действия российских правоохранительных структур по отношению к грузинам осенью 2006 г.), идеализированное восприятие Великой Отечественной войны, его критические заявления против антисемитов и «юдофильство» выглядят логичными. Однако в системе взглядов белорусского президента также присутствуют антиамериканизм, антиглобализм и «антиимпериализм». Зачастую эти взгляды идут рука об руку с открытым или латентным антисемитизмом. И если не сам президент, то люди, близкие к нему, озвучивают этот идеологический «коктейль».

Среди тех, кто в 1990-2000-е гг. активно выступал с антисемитских позиций, можно назвать писателя Эдуарда Скобелева (он был главным редактором журнала «Информационный бюллетень администрации президента Республики Беларусь»¹⁴², редакторов ведущих газет Игоря Осинского и Вячеслава Ростикова. Определенную поддержку этому антисемитскому «лобби» оказывает и Белорусский экзархат православной церкви, издававший в 1990-е гг. газету «Церковное слово» и ныне издающий «Православный календарь». В них помещались истории с мотивами «кровавого навета». В начале 2000-х гг. круги, близкие к экзархату, выступали против выпуска кошерной продукции в Белоруссии. Также близкая к экзархату издательская группа «Православная инициатива» в 1999 г. издала (тиражом 30 000 экземпляров) сборник антисемитских материалов, среди которых были пресловутые «Протоколы сионских мудрецов» и «Катехизис еврея СССР».

Стремление Лукашенко и его команды оградить страну от иностранного влияния также создает (не всегда напрямую, но всегда косвенно) проблемы для еврейской общины Белоруссии. 16 ноября 2002 г. в Белоруссии вступил в действие в новой редакции Закон «О

¹³⁹ Цит. по: Басин Я. Антисемитизм и антисемиты в Беларуси. Век XXI //Гражданское достоинство. Бюллетень. 2009. 3 февраля <http://www.homoliber.org/ru/gd/gd091303.html>

¹⁴⁰ Цит. по: Президент Лукашенко: если кто-то скажет, что в Беларуси процветает антисемитизм, вы этому не верьте // <http://news.nr.by/message/180336>

¹⁴¹ Цит. по: Якубович: Лукашенко подавил в Белоруссии антисемитизм. 08.11.2007 //<http://www.jewish.ru/news/cis/2007/11/news994255609.php>

¹⁴² Эдуард Скобелев публично призывал редакторов журналов не публиковать произведения классика белорусской литературы Василя Быкова, называя их «политически отсталыми». В своей книге «Завещание Сталина» (2003 г.) он писал: «Евреи всегда хотели господствовать и для того ссылались на свое якобы униженное положение. Но в нынешние времена, когда евреи встали во главе нового Интернационала, укорененного уже на западной почве, их стремление к мировому господству обретает характер смертельного вызова, потому что еврейский характер и еврейская вера не знают разумных ограничений». (Цит. по: Коломыйцева О. Из-за антисемита Скобелева Лукашенко может порвать с цивилизованным миром //http://mignews.com/news/scandals/cis/050705_182328_42610.html

свободе совести и религиозных организациях». Закон не разрешал иностранным гражданам и лицам без гражданства, законно проживающим в Белоруссии, быть учредителями и членами религиозных организаций. Религиозные общины были лишены права учреждать собственные средства массовой информации, создавать духовные учебные заведения и готовить кадры священнослужителей, приглашать иностранных священнослужителей. Таким правом наделены лишь религиозные объединения. Все это создало дополнительные трудности для религиозного общения белорусских иудеев с их зарубежными единоверцами. Схожая линия, направленная на минимизацию «внешнего присутствия», прослеживается и в образовательной сфере. 2 сентября 2003 г. в Белоруссии был ликвидирован Международный гуманитарный институт (единственное высшее учебное заведение в республике, занимающееся иудаикой).

Антисемитизм нередко обнаруживал себя в военных кругах и среди представителей «силовых структур». В июле 2006 г. журнал «Спецназ» в качестве образца привел кодекс чести офицера, составленный в 1941 г. в нацистской Германии. В национальном парламенте наибольшую активность по части антисемитизма проявил Сергей Костян. В ходе избирательной кампании 2000 г. он активно эксплуатировал «антисионистскую» риторику (утверждал, что Вторую мировую войну начали «сион-фашисты»), а затем внутри парламента занимался распространением антисемитской литературы.

И хотя следует отметить слишком мягкую реакцию белорусских правоохранительных структур и прокуратуры к проявлениям антисемитизма, нельзя не увидеть, что откровенные идеологические «перехлесты» власть блокирует. В начале 2000-х г. были случаи, когда белорусское министерство информации запрещало реализацию через киоски «Союзпечать» антисемитской литературы. Прошли также судебные процессы против неонацистских группировок. В октябре 2007 г. Союз писателей Беларуси официально осудил публикации Эдуарда Скобелева «Спорное и бесспорное в национальном вопросе» и «Понимать историю, жить в истории», а в августе 2008 г. он был исключен из творческого писательского союза и освобожден от должности в администрации президента. Накануне выборов в белорусский парламент (они проходят при жестком административном контроле президентской команды) из партийных списков был исключен известный антисемит Сергей Костян. Впрочем, подобные действия объясняются не гуманизмом Лукашенко и его особой толерантностью. Все дело в том, что крайний антисемитизм разрушает

многие основополагающие установки идеологической системы белорусского президента. В особенности, если речь идет о Великой Отечественной (а шире говоря, Второй мировой) войне. Между тем выводы Эдуарда Скобелева о том, что Вторая мировая война была задумана «сионистами», полностью опровергают концепцию национальной независимости Белоруссии (истоки которой Лукашенко относит к 1944 г.): «Я понимаю, как тяжело, обидно и горько узнать вдруг искалеченному советскому ветерану, что он, защищая Родину, жертвуя в невообразимых лишениях собой и семьей, таскал каштаны из огня для главных архитекторов всех ужасающих событий. И, может быть, слава Богу, что почти все они, ветераны, ушли из жизни, не зная этой возмутительной убийственной правды, в которую бы не позволила им поверить их доверчивость, честность и порядочность, но которая неслыханно оскорбила бы их достоинство»¹⁴³.

Стремление сбросить некоторый антисемитский балласт объясняется также и стремлением белорусской власти диверсифицировать внешнюю политику страны (данный тренд усилился с началом глобального финансового кризиса в 2008 г.). Между тем борьба с антисемитизмом, как и поддержка этого явления, в Белоруссии не является стройной системой, не опирается на институты. Многое в этом вопросе определяется настроением и волей первого лица государства, которое сначала чествует антисемита Скобелева в его семидесятилетний юбилей (2005 г.), а затем не мешает его исключению из Союза писателей и увольняет из президентской администрации. Таким образом, до коренного изменения системы власти и управления в Белоруссии антисемитизм и борьба с ним будут в значительной степени воспроизводить предыдущий опыт.

Республика Молдова (Молдавия)

Республика Молдова – государство в Юго-Восточной Европе, граничащее с Украиной на севере, востоке и юге и Румынией на западе. Часть территории Молдовы, расположенной на левом берегу Днестра, а также город Бендеры на правом берегу (за исключением района Варница) не контролируются официальными властями республики. На этой территории находится непризнанная Приднестровская Молдавская Республика – ПМР (провозглашена 2 сентября 1990 г.). 23 июня 1990 г. Молдова провозглашает свой сувере-

---

¹⁴³ Скобелев Э. М. Понимать историю, жить в истории // Неман. 2005. № 1. С. 34.

нитет, а после провала коммунистического путча в Москве 27 августа 1991 г. – национальную независимость.

По данным переписи населения, на территории Молдовы проживают 3 млн. 581 тыс. человек, из которых евреи составляют 0,7% (порядка 21 тыс. человек). Эти данные не учитывают население Приднестровья¹⁴⁴. В соответствии с данными переписи, проведенной в 2004 г. в ПМР, там проживают 555,5 тыс. человек, из которых евреи составляют порядка 0,5% (то есть не более 3 тыс. человек)¹⁴⁵.

Несмотря на то, что в период «перестройки» и национального самоопределения территория Молдовы стала ареной этнополитических конфликтов (в Приднестровье он вылился в кратковременное вооруженное противостояние, а в Гагаузии дело ограничилось массовыми акциями), официальные власти неоднократно подчеркивали необходимость конституционной защиты прав этнических меньшинств. Национальный парламент Молдавии 22 октября 1996 г. принял постановление «О ратификации рамочной Конвенции о защите национальных меньшинств». Именно этот правовой акт стал основным источником для дальнейшего развития законодательной базы государства в сфере национальных отношений. Менее чем через год парламент ратифицировал Европейскую Конвенцию «О защите прав человека и основных свобод». 19 июля 2001 г. в Молдове был принят закон «О правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций». В соответствии с положениями данного Закона любая дискриминация по признаку принадлежности к национальному меньшинству была запрещена.

Противоречивую роль в истории Молдовы накануне распада СССР сыграл принятый Верховным Советом еще Молдавской ССР Закон «О функционировании языков на территории Республики Молдова» (1 сентября 1989 г.). Представители левого берега Днестра (будущего Приднестровья), а также этнических меньшинств республики (русские, украинцы, гагаузы) увидели в нем националистические и «румынофильские» проявления. Вместе с тем, в этом законе говорилось об использовании иврита и идиша в целях удовлетворения культурно-языковых потребностей еврейского населения. Спус-

тя 12 лет уже в независимой Молдове республиканская власть предоставила евреям образовательные гарантии, которые охватывали сферу образования от дошкольного до вузовского и поствузовского уровней. Речь шла об образовании на родных языках (иврит и идиш). В год проведения первой национальной переписи в Молдове вступила в силу Концепция национальной политики, в которой евреи (наряду с другими этническими общинами) рассматривались в качестве политико-гражданской общности «народа Молдовы», «для которого Республика Молдова является общей родиной». Таким образом, по справедливому замечанию Романа Аронова, «впервые за всю историю современной Молдовы евреи стали рассматриваться как элемент государствообразующей нации. Подобного тезиса молдавское законодательство ранее не знало»¹⁴⁶.

В 1990-е гг. в Республике Молдова начали активно работать различные еврейские организации. В 1997 г. была создана Ассоциация еврейских организаций и общин Республики Молдова (в состав которой, кстати говоря, вошли и организации из приднестровских городов Тирасполя, Бендеры, Дубоссары). Появилась сеть образовательных учреждений (школы, педагогический колледж), библиотек, СМИ. Открыли свои филиалы представительства влиятельных международных еврейских организаций. В 2003 г. в Кишиневе отмечали трагический юбилей (сотую годовщину кишиневского погрома), в которой принял участие президент республики Владимир Воронин, а также официальные лица из Израиля. Тогда еврейское государство представлял известный израильский политик, создатель и лидер партии «Наш дом – Израиль», уроженец Кишинева Авидгор Либерман, покинувший Молдавию в двадцатилетнем возрасте в 1978 г. (ныне – министр иностранных дел, а в 2003 г. – министр транспорта). Дипломатические отношения между Молдовой и Израилем были установлены в 1992 г. Официальный Кишинев стремится к тому, чтобы поддерживать конструктивные отношения со своими бывшими соотечественниками. В 1998 г. правительство республики даже приняло решение о проведении международного Конгресса евреев – выходцев из Молдавии. В период независимости властями были также предприняты серьезные шаги по либерализации религиозной жизни (включая и деятельность иудейских общин).

В то же самое время нельзя говорить о полном элиминировании антисемитских проявлений из политической жизни Республики

¹⁴⁴ См. данные о населении Республики Молдова: Национальное бюро статистики Республики Молдова. Перепись населения 2004 г. Демографические, национальные, языковые и культурные характеристики // <http://www.statistica.md/pageview.php?l=ru&idc=295&id=2234>

¹⁴⁵ Дяконова Л. В. Итоги переписи населения в Приднестровской Молдавской Республике // Экономика Приднестровья. 2006. № 8.

¹⁴⁶ Аронов Р. Антисемитизм в Молдове (2003-2004) // http://www.eajc.org/program_art_r.php?id=48#top

Молдова. Долгое время в Молдавии в учебниках для школ и вузов не было упоминаний о трагедии Холокоста. И это притом, что в годы Второй мировой войны на территории современной республики Молдова от геноцида пострадали от 300 до 400 тыс. евреев. Фактически первые пособия, в которых данная тема рассматривалась, были введены в оборот только в 2003 г. по инициативе Еврейского конгресса Молдовы и Ассоциации еврейских организаций и общин Молдовы (только затем эту инициативу поддержало профильное министерство). Антисемитская риторика используется лидерами националистических партий и организаций (выступающих за политическое объединение Молдовы с Румынией). Свое «румынофильство» они оправдывают, среди прочего, и путем радикального пересмотра истории Румынии (пытаясь реабилитировать румынских лидеров 1940-х гг.).

К антисемитской риторике прибегали лидеры Народного фронта Молдовы (НФМ, создан весной 1989 г.), который в канун распада Советского Союза стал главной националистической силой в республике. Во многом именно с деятельностью НФМ связывают этнические конфликты начала 1990-х гг. в Гагаузии и Приднестровье. За месяц до вооруженного противостояния в Приднестровье в 1992 г. активисты НФМ широко пропагандировали «Десять заповедей бессарабского румына», среди которых были следующие: «Не торопись связать свою судьбу с человеком другой нации. Скрещивание улучшает лишь породу животных, а людскому роду лишь вред наносит»¹⁴⁷. Они же выступали с инициативами об увековечивании памяти Иона Антонеску в Кишиневе¹⁴⁸.

Впоследствии антисемитскую риторику использовали политические преемники НФМ Христианско-демократическая народная партия (ХДНП) во главе с Юрием Рошкой (Рошка занимал в 2005-2009 гг. пост вице-спикера парламента Молдовы) в 1990 г. – начале 2000-х гг. в ходе различных массовых акций и публикаций в своей партийной прессе. Антисемитизм проявлялся также в академической и в образовательной сфере. В этом особенно преуспел универ-

ситетский профессор и один из руководителей Общества историков Анатоли Петренку (Петренко), который предпринял попытки в своих монографиях и учебных пособиях по новейшей истории румын найти оправдания для антисемитской политики маршала Антонеску. По мнению Петренку, у маршала были «свои мотивы для отрицательного отношения к евреям Бессарабии», поскольку евреи активно участвовали «в советизации этой румынской провинции»¹⁴⁹. В начале 2000-х гг. по всей республике прошли акты вандализма (погромы на еврейских кладбищах, а также повреждение барельефов знаменитых деятелей культуры и науки еврейского происхождения).

Таким образом, ситуация в постсоветской Молдове показывает, что позитивные тенденции по сдерживанию антисемитизма, внедрению элементов толерантности и европейских стандартов в межэтнические отношения возможны. Более того, республика продемонстрировала наглядные успехи в этом направлении. Однако для проявления антисемитских настроений существует много предпосылок. Это и неразрешенный до конца приднестровский конфликт (что мобилизует националистическую энергию), и сложные отношения с соседними странами (Румынией и Украиной), и бедность. В настоящее время Молдова является беднейшей страной в Европе. В начале 2009 г. реальные доходы населения республики составили лишь половину от уровня 1989 г.¹⁵⁰ Все эти факторы делают востребованным популизм в разных его формах и проявлениях, включая и антисемитизм.

Азербайджан

Азербайджанская Республика – государство, расположенное в восточной части Закавказья (Южного Кавказа). Азербайджан граничит с Россией, Грузией, Арменией, Ираном. 30 августа 1991 г. на вне-

¹⁴⁷ Цит. по: ХДНП обвиняют в антисемитизме //Независимая Молдова. 2002, 4 апреля.

¹⁴⁸ Антонеску Ион (1882-1946) – румынский государственный и военный деятель, маршал, кондукэторул Румынии (аналог немецкого «фюрер») в 1940-1944 гг. Вступил в годы Второй мировой войны в альянс с нацистской Германией. Организовал депортацию румынских евреев в германские концлагеря, а после 1941 г. – евреев, оказавшихся на оккупированной Румынией советской территории (Бессарабия, Буковина, Одесса, Хотин).

¹⁴⁹ Бессарабия – историческая область между Черным морем и реками Днестр, Прут, Дунай. В 1812-1917 гг. была в составе Российской империи, в 1918-1940 гг. – Румынии. В 1940 г. была присоединена к СССР. Цит. по: Магдер Т. Антисемитизм в Молдове (2006) //http://www.eajc.org/program_art_r.php?id=89

¹⁵⁰ Цит. по: Организация Объединенных Наций. Экономический и Социальный Совет. Экономическая ситуация в 2008-2009 гг. в регионе Европейской экономической комиссии: Европа, Северная Америка и Содружество Независимых Государств //http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/331/46/PDF/N0933146.pdf?OpenElement

очередной сессии Верховного Совета Азербайджана была принята «Декларация о восстановлении государственной независимости республики». Согласно этому документу, Азербайджан не устанавливал, а «восстанавливал» правопреемственность с первым независимым национальным азербайджанским государством Азербайджанской Демократической Республикой (которая просуществовала с мая 1918 г. по апрель 1920 г.). 18 октября 1991 г. на основе Декларации был принят Конституционный акт «О государственной независимости Азербайджанской Республики». Этим Актом были учреждены основы государственного, политического и экономического устройства независимой Азербайджанской Республики¹⁵¹. С этого момента Азербайджан приобрел государственную самостоятельность. На сегодняшний день площадь Азербайджана составляет 86,6 тыс. кв. км (включая территорию бывшей Нагорно-Карабахской Автономной области – НКАО). В результате армяно-азербайджанского конфликта из-за Нагорного Карабаха Азербайджан на сегодняшний день не осуществляет де-факто свой суверенитет над территорией непризнанного международным сообществом государства – Нагорно-Карабахской Республикой (НКР, около 4300 кв. км). За пределами НКР его вооруженные силы (при поддержке Армении) контролируют 7059 кв. км. территории Азербайджана. В совокупности 13% азербайджанской территории, признанной мировым сообществом, не контролируется властями этой республики.

По данным первой (после обретения независимости) Всеобщей переписи населения 1999 г., в Азербайджане проживали 7 млн. 953 тыс. человек. Первые результаты второй переписи населения, проведенной в Азербайджане, были объявлены в апреле 2009 г. По предварительным данным, численность населения республики составляет 8 млн. 820 тыс. человек. Однако процесс подготовки отчета по переписи (включая и этнический состав) завершится только в середине 2010 г.

К сожалению, точно на основе официальных статистических данных установить численность еврейского населения Азербайджана

на крайне проблематично. Азербайджанская еврейская община – условное понятие, включающее в себя, как минимум, три группы евреев. Это евреи-ашкенази (европейские евреи, появление которых исторически связано с процессом колонизации Кавказа Российской империей), горские евреи и грузинские евреи. Исторически сложилось, что некоторые евреи (выходцы из Огуза, Гянджи, Геокчая) записывались в паспортах азербайджанцами, а некоторые горские евреи Кубы и Баку – татами (горские евреи говорят на татском языке, а потому в этнографической литературе их еще называют «татами-иудеями»). Максимального показателя в Азербайджане численность всех групп евреев достигала в 1939 г. (41,2 тыс. человек, что составляло 1,3%). По данным последней Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Азербайджане проживали 30,8 тыс. евреев, из которых 5,5 тыс. человек – горские евреи. По словам известного бакинского этнолога Арифа Юнусова, «эта цифра вызывала сильные сомнения. И считалось, что на самом деле евреев, вместе с горскими евреями, в Азербайджане проживало тогда не менее 60 тысяч человек». Подобная версия возникла потому, что по данным Еврейского агентства «Сохнут», в 1989-1999 гг. из Азербайджана эмигрировали 31,3 тыс. евреев (то есть даже больше, чем их проживало в республике!) Однако первая перепись после распада СССР (1999 г.) зафиксировала 8,9 тыс. евреев (на этот раз переписчики не подразделяли евреев Азербайджана на подгруппы)¹⁵². Экспертные оценки численности евреев в современном Азербайджане разнятся. Называется цифра от 16 до 26 тыс. человек. Местами компактного проживания евреев-ашкенази и грузинских евреев считается республиканская столица Баку, а горские евреи концентрируются в северной части страны (знаменитая Красная слобода в районе города Куба)¹⁵³.

Государственная политика Азербайджана по отношению к евреям отличается подчеркнутой толерантностью и уважением. Во-первых, в республике существует культ третьего президента Азербайджана (и отца ныне действующего президента) Гейдара Алиева, который в 1969-1982 гг. занимал пост первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана, а в 1982-1987 гг. – должность первого заместителя председателя Верховного Совета СССР (и, начиная с 1982 г., чле-

¹⁵¹ См. полный текст Постановления Верховного Совета Азербайджанской Республики «О Декларации о восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики» на сайте <http://karabakh-doc.azerall.info/ru/law/law013.htm>

Об Азербайджанской Демократической Республике и ее политической истории см. Swietochowski T. *Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition*. – Columbia University Press, 1995.

¹⁵² Юнусов А. Этнический состав Азербайджана (по переписи 1999 года) // <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0183/analit05.php>

¹⁵³ Беккер М. Евреи в Азербайджане: история и перспективы // Азербайджан и азербайджанцы в мире. 2007. № 1. С. 39.

на Политбюро ЦК КПСС). Его деятельность в советский период рассматривается в независимом Азербайджане как работа на благо республики и подготовка фундамента для будущей национальной независимости. Между тем, в советском Азербайджане евреи составляли значительную часть научно-технической и гуманитарной интеллигенции. Во-вторых, Азербайджан проявляет значительный интерес к военно-политическому сотрудничеству с Израилем. Такое сотрудничество мотивируется тремя факторами. Баку заинтересован в преодолении с помощью Израиля и еврейского лобби мощного армянского лобби, препятствующего развитию американо-азербайджанских отношений. Южным соседом Азербайджана является главный стратегический оппонент Израиля Иран, с которым у Баку также непростые отношения. Эти отношения осложняет проблема раздела Каспия, а также многочисленное азербайджанское меньшинство на севере Ирана (по разным экспертным оценкам, это 20-30 млн. человек, что в три раза больше населения всего Азербайджана). И, наконец, энергетическая безопасность. По справедливому замечанию Ивана Данилина, «еще до введения в строй нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД), в 1990-е гг., Израиль стал вторым крупнейшим покупателем азербайджанской нефти... При этом стоит особо отметить, что порт Джейхан, до которого с самого начала предполагалось проложить трубопровод, расположен сравнительно недалеко от Хайфы, крупного израильского порта с нефтеналивным терминалом, что делало проект вдвойне удобным для Израиля»¹⁵⁴.

Все эти факторы создали положительные предпосылки для развития еврейских общин Азербайджана. С начала 1990-х гг. здесь активно функционируют Центр азербайджано-израильской дружбы, религиозные школы (иешивы), молодежные клубы, представительства влиятельных еврейских организаций и агентств, издаются еврейские СМИ. В 1992 г. было создано Азербайджанское отделение Международной ассоциации иудаики и еврейской культуры. В апреле 2000 г. создается Еврейский общинный культурный центр (и научный центр при нем). О внимании к евреям со стороны официальных властей республики говорит и тот факт, что в Бакинском государственном университете ведется преподавание таких дисциплин, как иврит и иудаика. В 2004 г. в азербайджанской столице была открыта Еврейская общеобразовательная школа на 400 учеников.

Ежегодно, начиная с 1995 г., на еврейский Новый год (Рош-а-Шана) во всех синагогах Азербайджана передаются праздничные поздравления президента республики. На встрече с представителями еврейских общин 15 ноября 1998 г., говоря об антисемитизме, президент Азербайджана Гейдар Алиев заявил, что в республике «этого явления нет, и мы его никогда не допустим. Это наша твердая позиция, и она остается неизменной»¹⁵⁵. В 2005 г. нынешний президент Азербайджана Ильхам Алиев принял делегацию еврейских общин в президентском дворце и поздравил их с Новым годом.

На территории Азербайджана функционируют несколько синагог. Общине горских евреев Красной слободы после 1996 г. власти вернули два здания синагог, которые прекратили свое существование как культовые здания в советское время. В 1997 г. при финансовой поддержке «Джойнта» в Баку возродилась и синагога грузинских евреев. В том же Баку 9 марта 2003 г. была открыта одна из крупнейших синагог Европы (она была построена на месте старых подвальных синагог евреев-ашкенази и грузинских евреев). Вот как описывает ее председатель религиозной общины грузинских евреев Баку Михаил Карелашвили: «Прекрасное трехэтажное здание “со всеми удобствами”, с двумя просторными молельными залами, библиотекой, оборудованным учебным помещением, кошерной кухней и столовой»¹⁵⁶.

Однако, несмотря на отмеченные выше достижения азербайджанских властей, нельзя говорить о том, что постсоветский Азербайджан является «территорией без антисемитизма». Антисемитские лозунги периодически озвучиваются некоторыми оппозиционными партиями и их печатью (в изданиях «Ени Мусават», «Ени Эср» статьи подобного содержания время от времени появлялись). Однако главными носителями антисемитских воззрений являются не оппозиционные националисты, а исламисты. При этом можно говорить о двух разновидностях исламизма (шиитском, ориентированном на Иран и получающем поддержку Тегерана) и салафитском (или «ваххабитском»). При этом оба эти проекта выступают за смену модели государственного строительства в Азербайджане (отказ от светской государственности в пользу исламской республики). Сегодня для активизации радикального политизированного ислама в Азербай-

¹⁵⁵ Цит. по: Беккер М. Указ. соч. С. 39.

¹⁵⁶ Карелашвили М. Грузинские евреи Азербайджана // Азербайджан и азербайджанцы в мире. 2007. № 1 С. 45.

¹⁵⁴ Данилин И. В. Израиль: «невидимый игрок» в Закавказье. // Кавказский сборник. Альманах. 2006. Т. 3 (35). С. 343.

джане есть несколько существенных предпосылок. Назовем лишь некоторые из них:

– слабая деморализованная и политически неэффективная светская оппозиция (недовольство властью есть, а рычагов для его выражения через цивилизованную оппозицию нет),

– этнонациональная травма (потеря суверенитета над Карабахом и семью районами за пределами Азербайджана, что составляет 13% его территории),

– возможность для интерпретации армяно-азербайджанского конфликта как межконфессионального противоборства (армяне – не простые христиане, а представители этноса, имеющего свою «национальную церковь» (Армянскую Апостольскую), которая в течение многих столетий являлась для армянской диаспоры квазигосударственным образованием),

– реализация авторитарно-модернизационного проекта, сопровождающегося резким социальным расслоением, коррупцией, изменением традиционных жизненных устоев,

– соседство с Дагестаном и Ираном (в первом случае по соседству располагается регион, ставший центром салафитского ислама в Кавказском регионе, а во втором – шиитская страна, ориентированная на экспорт исламской модели власти и организации общественной жизни),

– массовое разочарование в США и вообще в «Западе».

Как бы то ни было, обе азербайджанские версии радикального исламизма активно эксплуатируют «еврейскую тему». Антисемитские лозунги были на знаменах Исламской партии Азербайджана (ИПА), основанной в 1992 г. Эта партия ставит своей целью создание исламского государства. В 1996 г. некоторые активисты партии были арестованы и осуждены по обвинению в шпионаже в пользу Ирана. Однако и после этого ее деятельность не прекратилась. Активисты ИПА проводили антисемитские акции в 2002 г. Широкая антисемитская кампания прошла в Азербайджане в феврале 2008 г. 16 февраля 2008 г. Исламская партия Азербайджана обвинила «международный сионизм» в организации гонений на мусульман. 22 февраля в поселке Нардаран (вблизи Баку) участники массовой акции сожгли израильский флаг. В марте так называемая «Азербайджанская организация единства» распространила в ряде местных СМИ сообщения о «жестоких и бесчеловечных действиях сионистского режима» и «геноциде в Палестине». Активисты ИПА выступали с требованием разорвать дипломатические отношения Азербайджана

с Израилем во время проведения операции израильской армии и спецслужб «Литой свинец» против движения ХАМАС в секторе Газа (27 декабря 2008 г. – 18 января 2009 г.).

28 июня 2009 г. состоялся визит президента Израиля Шимона Переса в Азербайджан. Накануне этого значимого для двух государств события азербайджанские исламисты также проявили значительную информационную активность. За две недели до приезда израильского президента активисты ИПА провели специальную пресс-конференцию. В ходе этого мероприятия нынешний председатель ИПА Мовсум Самедов заявил, что после событий в секторе Газа «Израиль окончательно потерял всякое доверие мусульманских государств и поэтому приглашение президента Израиля – большая ошибка»¹⁵⁷.

Таким образом, ситуация в постсоветском Азербайджане подтверждает следующее правило: ни одна проблема не может решаться в отсутствие благоприятного контекста. Азербайджан является успешным примером (едва ли не наиболее оптимальным) удачного сосуществования евреев и мусульман, а также отсутствия политики государственного антисемитизма при подчеркнуто уважительном отношении властей ко всем еврейским общинам. Однако издержки азербайджанской «стабилизации» (при которой светская оппозиция практически полностью подавлена, а передача власти осуществляется в соответствии с монархическим принципом, от отца к сыну) блокируют возможности для полноценной оппозиционной деятельности. Это, в свою очередь, провоцирует экстремизм, который на исламском Востоке приобретает радикально-исламистские очертания. Между тем, идеология радикального политизированного ислама в сегодняшнем мире идет рука об руку с антисемитизмом. Следовательно, в Азербайджане, в отличие от Украины или Белоруссии, укрепление антисемитских тенденций (равно как и их ослабление) зависит не столько от политики властей по отношению к еврейским общинам, сколько от сложного внутреннего и внешнеполитического контекста.

Армения

Республика Армения – государство в южной части Закавказья (Южного Кавказа). Площадь Армении составляет 29,8 тыс. кв. км.

---

¹⁵⁷ Цит. по: Меджид Ф. Исламисты выступают против визита президента Израиля в Азербайджан //Кавказский узел. 2009, 16 июня // <http://azerbaijan.kavkaz-uzel.ru/articles/155465>

Республика имеет государственную границу с Ираном, Турцией, Грузией, Азербайджаном. При этом на сегодняшний день две сухопутные границы (с Турцией и Азербайджаном) закрыты. 23 августа 1990 г. новый состав Верховного Совета Армении назвал основные приоритеты движения республики к самоопределению: провозглашение курса на суверенитет, борьба за признание геноцида армян 1915 г. и поддержка самоопределения армянской общины Нагорного Карабаха. В феврале 1991 г. Верховный Совет Армении принял процедуру организации референдума по вопросу о независимости. Фактически это означало отказ республики от участия в общесоюзном референдуме 17 марта 1991 г. о сохранении обновленного Союза ССР. Жителям же Армении предстояло ответить на вопрос: «Согласны ли Вы, чтобы Республика Армения была независимым демократическим государством вне состава СССР?». 21 сентября 1991 г. 95% избирателей приняли участие в голосовании и 99% проголосовавших высказались за выход Армении из состава Советского Союза. 23 сентября 1991 г. была принята «Декларация о государственной независимости Армении». Государством-спутником Республики Армения является непризнанная Нагорно-Карабахская Республика (НКР). С формальной точки зрения, она входит в состав Азербайджана. Фактически же НКР является самостоятельным государством, родившимся в результате этнонационального самоопределения армянской общины бывшей автономии в составе Азербайджана.

Еще в советское время Армения была одной из наиболее моноэтнических республик. В октябре 2001 г. в независимой Армении была проведена перепись населения. Первоначальный показатель переписанного населения составил 3 млн. 358 тыс. человек. После дополнительной проверки и вычитания тех, кто отсутствовал во время переписи, численность населения была определена в 3 млн. 276 тыс. человек. Доля этнических меньшинств (вместе взятых!) составила около 3%. Армения является на сегодняшний день самым моноэтническим образованием на Юге Кавказа в СНГ (97,7% – армяне). В Нагорном Карабахе (по данным переписи 2005 г.) проживают чуть более 137 тыс. человек (остальные меньшинства исчисляются в лучшем случае десятками человек, русских – 171 человек, украинцев – 22 человека, греков – 21 человек).

И хотя присутствие евреев на территории нынешней Армении фиксируется еще в период античной и средневековой истории (в начале 2000-х гг. изучением еврейского кладбища XIII – начала XIV вв. занимается группа ученых Еврейского университета из Иерусалима),

в постсоветской Армении количество евреев невелико. Оно составляет 800-900 человек. В основном это – евреи-ашкенази, хотя есть несколько семей грузинских евреев. Евреи сконцентрированы преимущественно в Ереване, Ванадзоре. В Севане есть также община иудеев, русских по национальности. Их осталось совсем немного, в основном это пожилые люди. Римма Варджапетян, председатель Еврейской общины Армении (приехала в Армению в 1970 г. из Украины, выйдя замуж за армянина) не раз подчеркивала, что антисемитизм не характерен для этой республики после 1991 г.: «По единодушному мнению наблюдателей, армяне не грешат антисемитизмом» и «евреям в Армении живется спокойно»¹⁵⁸. Еврейская община Армении была учреждена и зарегистрирована республиканским министерством юстиции в 1991 г. (через девять лет регистрация была продлена). Она стала своеобразным центром еврейской жизни в этой республике Закавказья. В том же 1991 г. была создана еврейская воскресная школа, а в 1992 г. – вечерняя иешива. В 1999 г. в Ереване была открыта синагога. У евреев Армении есть свои СМИ. В Ереване установлен мемориальный камень жертвам Холокоста.

Все это, однако, не означает, что антисемитизм исключен из внутривнутриполитической жизни Армении. На антисемитизм в Армении (а также в армянской диаспоре, «спюрке», что значит по-армянски «рассеяние») влияет целая совокупность факторов. Первый – это проблема геноцида армян в Османской Порте в 1915 г. и его международное признание. До нынешнего момента эта проблема является одним из центральных пунктов в отношении Армении (и диаспоры, имеющей мощные позиции в США и в странах Европы) к Турции (с которой Армения не имеет дипломатических отношений). Многолетнее стратегическое партнерство Турецкой Республики с Израилем создает негативный фон для армяно-еврейских отношений. Добавим сюда и тот факт, что на официальном уровне Израиль не признает геноцид армян 1915 г. Среди армянских историков и политиков распространена определенная «ревность» по отношению к признанию Холокоста как исключительного геноцида XX в. К сожалению, этой ревности способствуют не до конца продуманные высказывания некоторых израильских политиков и дипломатов. В апреле 2001 г. мэтр израильской политики Шимон Перес (на тот момент министр иностранных дел Еврейского государства) заявил, что

¹⁵⁸ Варджапетян Р. Антисемитизм в Армении (2004-2005) //http://www.eajc.org/program_art_r.php?id=59

«бессмысленно утверждать, что армяне, подобно евреям, подверглись геноциду». В 2002 г. посол Израиля в Грузии Ривка Коэн публично отказалась рассматривать трагедию 1915 г. в Османской империи как геноцид армян: «Холокост – явление беспрецедентное, и ничто, в том числе и трагедию армян, нельзя сравнивать с еврейским геноцидом»¹⁵⁹.

Второй фактор – это многолетний конфликт Армении с Азербайджаном. Поскольку Азербайджан также не первый год успешно сотрудничает с Израилем (и при этом проводит на официальном уровне «юдофильскую политику»), это отрицательно влияет на восприятие в Армении и еврейского государства, и евреев вообще.

Третий фактор – Иран. Израиль рассматривает страны Южного Кавказа как потенциальных союзников в деле сдерживания Ирана (который еврейское государство считает в качестве главного стратегического вызова безопасности). В то же самое время Армения интенсивно сотрудничает с Исламской Республикой по широкому спектру вопросов (энергетика, транспорт, культурная сфера).

И хотя на государственном уровне антисемитизм не приветствуется и, напротив, пресекается, отдельные поводы для беспокойства существуют. Нередки случаи, когда отдельные официальные лица выступают с антисемитскими заявлениями. После одного инцидента в Иерусалиме (студент иешивы плюнул в лицо армянскому епископу), начальник Управления по вопросам национальных меньшинств и религии аппарата правительства Республики Армения Грануш Харатян (которая по должности обязана тушить межэтнические конфликты), выступая в эфире 23 октября 2004 г., заявила: «Почему мы не реагируем на то, что на своих пятничных собраниях иудаисты продолжают проповедовать крайнее неприятие всех не иудаистов, вплоть до приравнивания их к скоту и пропаганды плевков?»¹⁶⁰. В 2006 г. министр охраны природы Вардан Айвазян, отвечая на вопросы журналистов по поводу деятельности американской компании «Глобал Голд», заявил: «Вы знаете, кого защищаете? Вы защищаете жидов! Пойдите и выясните, кто стоит за этой компанией и можно ли их пускать сюда»¹⁶¹. И хотя впоследствии министр существенно

смягчил свои позиции (заявив, что критиковал только иностранную компанию, а не еврейский народ), сам по себе факт говорит о наличии антисемитских настроений в правительственных кругах.

Антисемитские тенденции присутствуют и на уровне гражданского общества, и в образовательной сфере. В феврале 2002 г. в ереванском Доме писателей состоялась презентация книги Ромена Епископосяна «Национальная система». В этом труде турки именуется «нацией-убийцей», а евреи – «нацией-разрушителем»¹⁶². В учебниках по истории, а также печатных и электронных изданиях независимой Армении популяризируется личность Драстамата Канаяна (Дро)¹⁶³. В 2004 г. председатель Народной партии Тигран Карапетян (постоянный кандидат в президенты, в 2008 г. получил 0,68%) заявил, что евреи причастны к организации геноцида армян в Османской империи. В период после обретения независимости активизировались публицисты, доказывающие «арийские корни» армян. На этой ниве активно подвизался Армен Аветисян, он призывал к борьбе с «еврейско-масонской агрессией» (и при этом находил поддержку в некоторых творческих союзах).

Между тем, в последние годы в армяно-израильских отношениях не раз звучали и позитивные сигналы. 22 ноября 2005 г. главный раввин ашкеназской еврейской общины Израиля Йона Мецгер посетил Мемориал памяти жертв геноцида армян в Ереване и заявил: «Невозможно без слез вспоминать то, что произошло с армянами в Турции»¹⁶⁴. В мае 2009 г. в Кнессете (парламенте) Израиля прошло обсуждение вопроса о признании геноцида армян. И хотя положительного решения по этому поводу не было достигнуто, в Ереване

---

¹⁶² Цит. по: Моисей Беккер: Антисемитизм и ксенофобия в Армении – это не миф, а такая же печальная реальность, как и идеи расового превосходства армян-«арийцев» над представителями тюркских, семитских и иных народов // <http://www.day.az/news/armenia/106459.html>

¹⁶³ Драстамат Мартиросович Канаян (Дро) (1883-1956) – армянский политический и военный деятель, член партии «Дашнакцутюн». В мае 1905 г. Канаян организовал теракт против бакинского губернатора, обвинявшегося в организации армянских погромов в Баку. В 1920 г. был военным «первой республики» Армении, в 1921 г. принял участие в антисоветском мятеже. В годы Второй мировой войны сотрудничал с гитлеровской Германией, формировал Армянский легион в составе вермахта. В 2000 г. тело Дро было перезахоронено в Армении.

¹⁶⁴ Цит. по: Раввин признает геноцид // <http://news.genocide.ru/2005/11/22/141.htm>

---

¹⁵⁹ Цит. по: Сулейманов Р. Р. Израиль и проблема признания геноцида армян <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/11-04-07.htm>

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Цит. по: Евреи Армении возмущены антисемитским заявлением министра охраны природы // <http://www.jewish.ru/news/cis/2006/09/news994240420.php>

многие наблюдатели оценили сам факт обсуждения как серьезный прогресс. По мнению израильского политолога и политика (уроженца Еревана, депутата Кнессета 15-го созыва в 1999-2003 гг.) Александра Цинкера, «два народа, пережившие геноцид, объективно должны стать союзниками»¹⁶⁵.

Таким образом, динамика антисемитизма в Армении зависит, в первую очередь, от геополитических контекстов. Начавшийся летом 2008 г. процесс примирения Турции и Армении, вполне возможно сделает проблему геноцида армян (и вообще события исторического прошлого) менее актуальной (что в свою очередь, снизит значение «фактора Израиля»). Возможно, эта сложная проблема перейдет из разряда инструментов внешней политики в проблему гуманитарную. Не исключено, что определенный прогресс в отношениях Еревана и Анкары актуализирует примирение Азербайджана и Армении.

Грузия

Грузия – государство, расположенное в центральной и западной части Южного Кавказа (Закавказья). Площадь Грузии (включая Абхазию и Южную Осетию) составляет 69,7 тыс. кв. км. Фактически же территории Абхазии и Южной Осетии находятся вне юрисдикции Грузинского государства. 26 января 2008 г. независимость этих двух бывших автономий Грузинской ССР была признана Россией (затем с ними были установлены дипломатические отношения и заключены двусторонние договоры о сотрудничестве). Декретом президента Никарагуа 5 сентября 2008 г. независимость двух бывших грузинских автономий была также признана (в отличие от России, у этой латиноамериканской страны нет дипломатических отношений с Абхазией и Южной Осетией, а их признание не ратифицировано парламентом).

Как и Азербайджан, Грузия не устанавливала, а «восстанавливала» свою государственность (выстраивая правовую преемственность от Грузинской Демократической Республики 1918-1921 гг.). После проведения референдума о независимости (состоялся 31 марта 1991 г.) Верховный Совет этой республики принял Акт о восстановлении государственного суверенитета Грузии. Однако международное признание Грузии началось после распада СССР в декабре 1991 г. В ООН Грузия была принята в июле 1992 г.

Этнополитическая ситуация в постсоветской Грузии является ярким отражением практически всего спектра современных этнополитических и конфессиональных проблем государств бывшего Советского Союза. Грузия – одна из первых республик СССР, начавшая открытую борьбу за этнонациональное самоопределение и выход из состава союзного государства. Территория Грузии стала ареной трех из восьми вооруженных межэтнических и гражданских конфликтов на постсоветском пространстве (грузино-осетинский и грузино-абхазский конфликты, гражданская война). Здесь до 2008 г. находились два из четырех существующих ныне на постсоветском пространстве непризнанных государства (Абхазия и Южная Осетия). Постсоветская Грузия столкнулась с такими «вызовами», как этносепаратизм (Южная Осетия, Абхазия), региональный партикуляризм и местничество (Аджария, Мегрелия), формирование неподконтрольных властям криминальных территорий (Сванетия). В известной степени проблемы, перечисленные выше, само Грузинское государство и спровоцировало. Грузия оказалась вовлечена в разрешение проблем «разделенных народов» (осетины, кварельские аварцы и другие дагестанские этносы), интеграции слабо инкорпорированных в единое социокультурное и политико-правовое пространство этнических групп (армяне Джавахети, азербайджанцы Квемо Картли, курды, ассирийцы). На территорию постсоветской Грузии (Панкисское ущелье) был направлен экспорт «ичкерийской революции», и грузинские власти оказались перед необходимостью заниматься урегулированием проблем собственной «мини-Чечни». Новейшая этнополитическая история Грузии – это история различных видов массовых миграций (отъезд из республики русскоязычного и греческого населения, еврейская алия, трудовая миграция этнических грузин за пределы республики). Этнополитическое развитие постсоветской Грузии оказалось связано с понятиями «беженец» и «вынужденный переселенец». Беженцы из зон межэтнических конфликтов в Грузии стали чрезвычайно важным фактором не только для бывшей советской республики Закавказья, но и для всего Большого Кавказа. И, наконец, территория Грузии стала зоной столкновения геополитических интересов России и США, а также проверкой жизнеспособности такой структуры, как СНГ. Грузия первой создала прецедент выхода из рядов Содружества.

Население Грузии отличается наибольшим на Южном Кавказе этническим разнообразием. По данным переписи населения 2002 г., этнические грузины составляют 83,3%. В Грузии проживают также

¹⁶⁵ Александр Цинкер: «Наши страны должны быть естественными союзниками». Интервью с директором института стран Восточной Европы и СНГ в Тель-Авиве // <http://www.noev-kovcheg.ru/mag/2006-08/122.html>

азербайджанцы (6,5%), армяне (5,7%), русские (1,5%)¹⁶⁶. Еврейское население Грузии представлено евреями-ашкенази и грузинскими евреями («эбраэлеби»). По данным последней Всесоюзной переписи 1989 г., в Грузии проживали 24 800 евреев (ашкенази и эбраэлеби). Перепись 2002 г. определяет численность евреев в Грузии в 3541 человек, однако, по разным экспертным оценкам, численность евреев в этой закавказской республике выше (от 8 до 12 тыс. человек). Большинство евреев проживают в Тбилиси (по официальным данным – это 2320 человек), а также в Кутаиси (около 600 человек), а также небольшие группы в Гори, Ахалцихе¹⁶⁷.

Грузинские евреи – одна из самых древних этнических общностей Грузии. Самобытная еврейская община, обладающая собственной самоидентификацией и собственным этнонимом «грузинский еврей», говорит по-грузински, а не на других еврейских языках. У грузин грузинские евреи заимствовали имена, фамилии, многие культурные традиции, сохранив при этом религиозную идентичность (иудаизм). Традиционно грузинское общество терпимо относилось к еврейской проблеме. Антисемитизм не был характерен даже для периодов этнонационалистической мобилизации в Грузии в начале XX в. или в 1989-1991 гг. (несмотря на наличие антирусских, антиосетинских, антиармянских и антиабхазских настроений).

С начала 1990-х гг. в Грузии функционируют две общины: Грузинская община евреев-ашкенази («Рахамим») и Ассоциация грузинских евреев («Дерех иехуди»). При этом государство сделало многое для восстановления религиозной и культурной жизни еврейских общин Грузии. В 1990-2000-е гг. евреям были возвращены две синагоги в Тбилиси, три синагоги в Кутаиси, две синагоги в Ахалцихе и две в Батуми. Массовый отъезд евреев в Израиль, США, страны Европы заставил закрыть возвращенные синагоги в Ахалцихе и Батуми (соответственно, в 1995 и 1998 гг.). В образовательных программах вузов история и культура еврейства широко изучаются (в Тбилиском университете им. И. Джавахишвили действует отделение иудаики), действуют также и еврейские СМИ.

¹⁶⁶ Министерство иностранных дел Грузии. Факты //http://www.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=RUS&sec_id=24

¹⁶⁷ Эйчис Л. Евреи в Грузии. 26 веков вместе //http://www.georgianjews.org/stat.php?id=762&lang=ru&PHPSESSID=c6b5737689473e28f001c64085d7757a

Большую роль в культурной и политической жизни Грузии сыграло празднование на государственном уровне двадцати шести веков совместного проживания грузин и евреев (сентябрь 1998 г.). Второй президент Грузии Эдуард Шеварднадзе в своей речи на торжественных мероприятиях по этому поводу заявил следующее: «26 веков дружно жили грузины и евреи, никогда между ними не было никаких инцидентов. Эта традиция продолжается и на государственном уровне»¹⁶⁸. В свою очередь, 9 сентября 1998 г. на встрече с президентом Грузии глава израильской делегации Моше Кацав (на тот момент заместитель премьер-министра и министр туризма) выразил свое отношение к масштабному мероприятию, поддержанному грузинскими властями: «Это одно из важнейших исторических мероприятий, на которых мне довелось присутствовать за весь период моей деятельности. Мы еще не можем полностью оценить огромное значение этого мероприятия, ведь мы говорим об истории 26-векового мирного сосуществования...»¹⁶⁹ Позитивное отношение к евреям демонстрирует и Грузинская православная церковь. Этот факт чрезвычайно важен, если принять во внимание, что Католикос – патриарх всея Грузии Илия II (в миру Ираклий Гудушаури-Шиолашвили) традиционно занимает первые позиции в опросах общественного мнения как деятель, заслуживающий наибольшего доверия у граждан.

В независимой Грузии грузинские евреи входили в число влиятельных политиков и чиновников. Давид Кезерашвили в 1992 г. совершил алию в Израиль, жил с семьей в Холоне, через полтора года вернулся в Грузию. После «революции роз» в 2003 г. он занимал пост руководителя финансовой полиции в Министерстве финансов Грузии, а в ноябре 2006 – декабре 2008 гг. был министром обороны (находился на этой должности во время «пятидневной войны» в августе 2008 г.). Другой пример – Темури Якобашвили. После президентских выборов в январе 2008 г. он (ранее – вице-президент Фонда стратегических и международных исследований, влиятельного «мозгового треста») занял пост министра по реинтеграции Грузии (с этого времени он – один из ключевых ньюсмейкеров грузинской политики). Кезерашвили и Якобашвили (прекрасно владеющие ивритом и имеющие широкий круг связей в Израиле) сыграли большую роль в развитии военно-политического сотрудничества Грузии и Еврейско-

¹⁶⁸ Цит. по: Электронная еврейская энциклопедия. Грузия //http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=11321&query=ГРУЗИЯ

¹⁶⁹ Эйчис Л. Указ. соч.

го государства. Это позволило третьему президенту Грузии Михаилу Саакашвили в выступлении по случаю окончания курса подготовки нового подразделения спецназа (апрель 2008 г.) заявить: «Американцы и израильтяне создали новую грузинскую военную школу»¹⁷⁰. В то же самое время это сыграло с Грузией злую шутку (переоценка уровня иностранной помощи, недооценка России при подготовке к операции в Южной Осетии).

Значительную роль в общественно-политической жизни Грузии сыграл и Бадри (Аркадий) Патаркацишвили, крупный грузинский бизнесмен еврейского происхождения, близкий российскому «олигарху» Борису Березовскому. В Грузии ему принадлежала оппозиционная телерадиокомпания «Имеди». Патаркацишвили принимал участие в избирательной кампании по выборам президента в январе 2008 г. (занял третье место и получил 7,1%).

Однако низкий уровень антисемитизма не означает его полного отсутствия. Грузинское общество не избежало вандализма по отношению к еврейским памятникам. Это потребовало специального президентского вмешательства в 1994 и в 1999 гг. Антисемитская тематика привлекалась в 1990-е гг. в вопросах имущественных споров (споры вокруг старой синагоги, здание которой оказалось во владении театра). Антисемитские публикации также появлялись в 1990–2000-е гг. Среди таковых можно назвать статьи в газетах «Озарение Иверии» и «Ной», а также еженедельном журнале «Тбилисцы» (мотивы всемирного еврейско-масонского заговора, реминисценции на темы «Протоколов сионских мудрецов»). Пожалуй, самой громкой антисемитской историей стал скандал вокруг фигуры Бадри Патаркацишвили в ходе президентской избирательной кампании конца 2007 – начала 2008 гг. 17 декабря 2007 г. руководитель его избирательной кампании Валерий Гелбахиани обвинил правительство Грузии в антисемитизме и заявил о готовности внести иск в Гаагский международный уголовный суд против Грузинского государства. Поводом для этого стали оскорбительные высказывания представителей грузинских правоохранительных структур в адрес национальной принадлежности Патаркацишвили.

Евреи помимо своей воли не избежали вовлечения в межэтнические конфликты в Грузии. В ходе грузино-осетинского конфликта оказался разрушенным еврейский квартал Цхинвали (Цхинвала),

столицы Южной Осетии (в советское время Юго-Осетинской Автономной области). Между тем, этот квартал известен еще по средневековым историческим источникам, начиная с XIII в. В начале XX в. в Цхинвали евреи были самой многочисленной этнической группой (их численность почти равнялась совокупному количеству грузин и осетин). Это были грузинские евреи, «эбразлеби». Затем численность еврейского населения неуклонно сокращалась в течение всего XX в. В начальный период конфликта (1989-1990 гг.) многие жители квартала покинули его. После начала военной фазы конфликта в январе 1991 г. квартал пострадал от огня грузинской артиллерии (которая неоднократно использовалась при безуспешных попытках штурма города). Квартал пострадал также и во время «пятидневной войны».

Серьезным испытаниям подверглись и еврейские общины Абхазии. В 1989 г. в столице Абхазии Сухуми проживали 2,5 тыс. евреев (евреи-ашкенази и грузинские евреи). Еще около 500 были рассредоточены в западной (Гагра, Новый Афон) и восточной (Ткварчели, Очамчира) части республики. С началом военного конфликта в августе 1992 г. большинство евреев покинули Абхазию на присланных Израилем самолетах. В ходе конфликта евреи пострадали от эксцессов как с грузинской (1992 г.), так и абхазской (1993 г.) сторон. Поскольку грузинские евреи в качестве родного языка использовали грузинский язык, они практически полностью покинули Абхазию вместе с представителями грузинской общины. К началу 2000-х гг. в Абхазии остались около 100 евреев (ашкенази в своем подавляющем большинстве). К 2004 г. они получили гражданство РФ (а также российские пенсии). Было создано общество «Шалом», началась помощь этой небольшой общине со стороны еврейских благотворительных организаций.

Таким образом, признавая высокую степень толерантности грузинского общества и власти по отношению к евреям, нельзя не заметить, что все эти выдающиеся достижения оказались девальвированными вследствие допущенных просчетов, ошибок, а то и откровенных преступлений по отношению к другим сообществам многоэтнической Грузии. Общая внутривнутриполитическая нестабильность, зоны военных конфликтов, непризнанные республики и межэтнические чистки создали у еврейских общин Грузии ощущение отсутствия безопасности и предопределили выбор большинства их представителей в пользу эмиграции.

¹⁷⁰Цит. по: Элита грузинской армии подготовлена израильтянами. 2008. 9 апреля // <http://izrus.co.il/news/598.html>

Казахстан

Казахстан (официальное название Республика Казахстан) – государство, находящееся в Центральной Азии и Европе, является вторым по территории (после России) новым независимым государством постсоветского пространства. На севере и западе Казахстан имеет самую протяженную в Евразии сухопутную границу с РФ, на востоке граничит с Китаем, на юге – с Узбекистаном, Туркменией и Киргизией. Казахстан одной из последних республик бывшего Советского Союза провозгласил свою независимость. Это произошло 16 декабря 1991 г. (через 8 дней после подписания Беловежских соглашений). Через 10 дней после этого, 26 декабря 1991 г., сессия Верховного Совета Казахстана приняла официальную декларацию «О прекращении существования Советского Союза и ликвидации всех органов власти СССР». С этого времени начинается история первой казахстанской государственности.

При значительной по площади территории Казахстан имеет небольшое в количественном отношении население. В февралемарте 2009 г. в республике прошла вторая национальная перепись населения. Согласно предварительным данным, оно составляет 15 млн. 847 тыс. 952 человека¹⁷¹. Еще во времена СССР Казахстан называли «Советским Союзом в миниатюре». Сюда ссылались депортированные народы (чеченцы, ингуши, немцы, корейцы и другие). Форсированная индустриализация республики привлекала в Казахстан русских, украинцев, белорусов, евреев. В результате чего к 1959 г. количество казахов сократилось до 30,02%. После распада СССР численность казахов из-за многочисленной эмиграции (немцев, русских, украинцев, азербайджанцев, корейцев) в общем составе населения значительно увеличилась, однако и сегодня Казахстан продолжает оставаться многоэтническим государством. Казахи составляют здесь 67%, русские – 21%.

История еврейской общины Казахстана отличается своеобразием. Первыми евреям на территории современного Казахстана были евреи-солдаты, набранные в рекруты во времена императора Николая I, их потомки, а также евреи, которым позволялось жить вне пределов «черты оседлости». В довоенный период еврейская община Казахстана росла за счет специалистов, направляемых на «стройки народного хозяйства», а также политических ссыльных. В годы Ве-

ликой Отечественной войны произошло массовое пополнение общины за счет эвакуации. Своего количественного пика еврейское население республики достигло в 1959 г. (28 тыс. человек). Затем начинается его неуклонное сокращение. Первая перепись в независимом Казахстане определила численность еврейской общины в 6800 человек. Данные второй национальной переписи 2009 г. (по этническому составу) проходят проверку и уточнение.

В независимом Казахстане «дружба народов» стала официальной идеологией республики (хотя реальность не всегда этому соответствует). Но как бы то ни было, Казахстан пошел по пути строительства политической нации, отказавшись (по крайней мере, официально) от этноцентризма. Для обозначения всех граждан Казахстана используется идентичность «казахстанец», а день 1 мая отмечается как День единства народа Казахстана (а не казахов). Вторым важным компонентом казахстанской идеологии является «евразийство», понимаемое не как оппозиция европейской идее или претензия на «особый путь», а как синкретизм Европы и Азии, пространство межцивилизационного диалога. В этом контексте выстраивается отношение власти и к еврейской проблеме. В рамках «евразийской идеи» президент Казахстана Нурсултан Назарбаев неоднократно выступал с практическими инициативами по организации диалога между мусульманами и евреями. В 2003 г. в Казахстане прошла Первая международная конференция мира и согласия, на которой эта тема была одной из ключевых. Интеграция еврейских общин Евразии также активно поддерживается казахстанскими властями.

После распада Советского Союза республиканский центр Ваада СССР в 1991 г. трансформировался в Ваад Казахстана. В начале 1990-х гг. в республике были открыты еврейские школы, дошкольные учреждения, «Общество дружбы Казахстан-Израиль». В 1997 г. был открыт Еврейский общинный дом с библиотекой и синагогой. В республике действуют еврейские международные организации, издаются еврейские СМИ.

В 2002 г. Александр Машкевич (президент Еврейского конгресса Казахстана, президент Евразийской промышленной ассоциации, председатель Совета директоров Евразийского банка) на учредительном съезде Евроазиатского еврейского конгресса (ЕАЕК) в Москве был избран его президентом. При его активном содействии в новой казахстанской столице Астане осенью 2004 г. была открыта самая крупная в Центральной Азии синагога. Он также помог в от-

¹⁷¹ Агентство Республики Казахстан по статистике. Население // <http://www.stat.kz/digital/naselsenie/Pages/default.aspx>

крытии синагоги в Павлодаре и еще пяти городах республики. Выступая на Межпарламентской конференции по правам человека и свободе вероисповедания, прошедшей 5-7 августа 2004 г. в Брюсселе, главный раввин Казахстана Ешая Коген заявил: «Я с гордостью заявляю, что прожил в Казахстане десять лет и за все это время не сталкивался ни с одним случаем антисемитизма. Я ношу традиционное иудейское одеяние, меня издали можно узнать как еврея, но ни разу я не слышал о каком-либо антисемитском выпаде или оскорблении евреев»¹⁷². В сентябре 2007 г. на встрече с делегацией американских конгрессменов Александр Машкевич заявил: «Мне было приятно услышать, что, в отличие от некоторых стран региона, бытового антисемитизма здесь почти нет, а любая форма юдофобии, которую могло бы инициировать государство, у нас в принципе невозможна»¹⁷³.

Между тем, и в Казахстане антисемитские тенденции, хотя и слабо, но проявляются. Связаны они не столько с собственно казахстанской «почвой», сколько с распространением исламистской идеологии из соседних центральноазиатских республик. Пока проявления антисемитизма зафиксированы, главным образом, на юге страны (в районах, граничащих с Узбекистаном), где действуют исламистские организации. Речь идет о «Хизб ат-Тахрир аль-Ислами» (Партия исламского освобождения), которая за последние годы пустила сильные корни в регионе Центральной Азии. Эта организация распространяет антисемитские листовки и брошюры. Между тем, власти жестко пресекают попытки активизации исламистской деятельности.

Киргизия (Кыргызстан)

Киргизия (Республика Кыргызстан) – государство, расположенное на северо-востоке Центральной Азии. На севере граничит с Казахстаном, на юго-востоке и востоке – с Китаем, на западе – с Узбекистаном, а на юго-западе – с Таджикистаном. Независимость республики была провозглашена 31 августа 1991 г., а в мае 1993 г. принят Основной закон страны. Согласно Переписи населения 1999 г., в Киргизии проживают 4 млн. 823 тыс. человек, из которых киргизы составляют 64,9%, узбеки – 13,8%, русские – 12,5%. Остальные этнические общи-

ны немногочисленны (1% и ниже)¹⁷⁴. Еврейская община Киргизии немногочисленна. По данным переписи – это 1,5 тыс. человек (в 1989 г. накануне распада СССР их было 6 тыс. человек). По некоторым экспертным оценкам, численность евреев выше (4-4,5 тыс. человек). Здесь живут евреи-ашкенази и бухарские евреи (среднеазиатские евреи, бухори или исроил, говорят на еврейском говоре самаркандско-бухарского диалекта фарси, на узбекском и русском языках). Ашкенази концентрируются, главным образом, в Бишкеке. Кроме того, в нескольких городах Ферганской долины живут бухарские евреи.

После распада СССР и образования независимого государства власти не препятствовали общественной и культурной жизни евреев Киргизии. Более того, ее официальные представители рассматривали антисемитизм как опасность, угрожающую государству и национальному консенсусу Киргизии. Против антисемитских проявлений выступали президенты республики Аскар Акаев (1991-2005) и Курманбек Бакиев (начиная с июля 2005 г., действующий глава государства), другие официальные лица. В мае 2006 г. Бакиев принял известного бизнесмена, уроженца Киргизии, президента Евро-Азиатского Еврейского конгресса Александра Машкевича. В ходе их беседы было достигнуто соглашение об открытии новой синагоги в Бишкеке. По словам Машкевича, «работа на посту президента сторонника гражданского мира Курманбека Бакиева отчетливо символизирует, что Кыргызстан будет и впредь общим домом для всех живущих тут народов»¹⁷⁵. В независимой Киргизии существует религиозная община, общество еврейской культуры «Менора», развивается еврейское образование. С 1994 г. функционирует еврейская школа, а с 1997 г. при Российском славянском университете Киргизии работает Центр изучения еврейской культуры. Существуют еврейские СМИ (выходят небольшим тиражом).

Однако антисемитских проявлений в постсоветском Кыргызстане немало. Связаны они как с ростом исламского фундаментализма, использующего антисемитскую и антиизраильскую риторику, так и с проявлениями традиционного (националистического и расистского) антисемитизма. В начале 1990-х гг. чаще проявлялся «традиционный анти-

¹⁷² Цит. по: Казахстанские евреи не испытывают никаких проявлений антисемитизма // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1092287100>

¹⁷³ Цит. по: Американские конгрессмены: В Казахстане почти нет антисемитизма // <http://www.ca-oasis.info/news/?c=1&id=20708>

¹⁷⁴ Хауг В. Демографические тенденции, формирование наций и межэтнические отношения в Киргизии // Население Кыргызстана /под ред. З. Кудабаева, М. Гийо, М. Денисенко. – Бишкек, 2004. С. 109-157.

¹⁷⁵ Цит. по: Уроженец Кыргызстана построит синагогу в Бишкеке // <http://www.sem40.ru/ourpeople/world/kirghizia/17155/>

семитизм» (известен случай, когда в январе 1992 г. был выдвинут «кровавый навет» – еврейская семья была обвинена в ритуальном убийстве). С середины 1990-х, и особенно в начале 2000-х гг., стал доминировать исламистский антисемитизм.

Значительную активность в этом направлении проявил лидер так называемого «Правозащитного движения Киргизии» Турсунбек Акунов. Турсунбек Акунов принимал участие в президентских выборах 1995 г. В 1999 г. он организовывал массовые акции протеста (марш из Баткена в Зардалы), заявляя о необходимости переговоров властей с известным исламистом Джумой Намангани (который вторгнулся в Киргизию в 1999 и 2000 гг.). В 2004 г. он опубликовал статью в газете «Кыргыз Руху», в которой выступил с критикой всемирного антимусульманского заговора: «Страны Запада и Америка во главе с Иерусалимом специально выделяют деньги на создание различных неправительственных организаций, где работают продажные шкуры, среди которых очень много киргизов и казахов. Эти люди за плату в зеленых бумажках содействуют провокационной политике Запада, который ...стремится сравнить между собой нации, так как боится ислама». На ниве антисемитизма подвизался также и Омурбек Текебаев (депутат парламента, лидер партии «Ота-Мекен»), который даже в стенах высшего представительного органа страны заявлял, что евреи «во главе с соросиками» (то есть сотрудниками Фонда Сороса. – С.М.) «занимаются подрывной деятельностью»¹⁷⁶.

В 2004 г. 50 тыс. экземпляров учебника Бориса Шапиро «Здоровый образ жизни» были изданы для распределения в школах Киргизии по рекомендации министерства образования. Однако издание этого пособия сопровождалось акциями протеста студентов исламских университетов Бишкека. По их мнению, учебник вреден, так как написан «сионистом». В ходе митинга студенты призывали «сжечь сионистский учебник». Все это стало причиной разбирательства на уровне парламента Киргизии, где некоторые представители творческой интеллигенции пытались оправдать мотивацию бишкекских студентов.

Антисемитские высказывания позволяли себе и отдельные СМИ (такие, как газета «Кыргыз Ордо», информационно-рекламное издание «Пирамида Плюс»). Антисемитская риторика оказалась востре-

бованной также во время событий марта 2005 г. (так называемой «тюльпановой революции»), когда в столице Киргизии в ходе свержения президента Аскара Акаева прошли массовые беспорядки и грабежи. В ходе массовых митингов оппозиции в ноябре 2006 г. также звучали обвинения в адрес евреев.

Таким образом, небольшое количество евреев – не повод для снижения антисемитских настроений. Для радикальной экстремистской идеологии нужны не реальные евреи, а миф о еврее как организаторе «мирового зла». Ситуация в Кыргызстане подтверждает этот тезис, поскольку количественное уменьшение еврейского населения при растущей исламизации общества ведет к росту проявлений антисемитизма. Стоит отметить, что само по себе наличие гражданского общества – не гарантия препятствования распространению юдофобии. В республиках Центральной Азии авторитарная власть, выступающая за светскую модель развития, может сдерживать антисемитизм гораздо более успешно, чем использующая демократическую риторику радикальная (или умеренная) исламистская оппозиция.

Таджикистан

Таджикистан (Республика Таджикистан) – государство в юго-восточной части Центральной Азии (предшественник – Таджикская ССР). Это – наименьшая по площади страна региона, расположенная в предгорьях Памира. На севере и западе Таджикистан граничит с Узбекистаном и Киргизией, на востоке – с Китаем, на юге – с Афганистаном. На второй сессии Верховного Совета Таджикской ССР двенадцатого созыва 24 августа 1990 г. единогласно была принята Декларация «О суверенитете Таджикской Советской Социалистической Республики». 9 сентября 1991 г. на внеочередной сессии Верховного Совета республики были единогласно приняты следующие политико-правовые акты: Заявление о государственной независимости Республики Таджикистан, Постановление о внесении изменений и дополнений в Декларацию о суверенитете Таджикской Советской Социалистической Республики и Постановление о провозглашении государственной независимости Республики Таджикистан. Эти документы существенно подняли уровень юридического закрепления государственной независимости. На сессии также был принят закон об изменении названия Таджикской Советской Социалистической Республики и о внесении изменений в ее Конституцию. Согласно этому закону, Таджикская ССР получила новое название – Респуб-

¹⁷⁶ Цит. по: Дан М. «Сионистский заговор» по-киргизски //Еврейский обозреватель. 2004 (март). № 5/72 //http://www.jewukr.org/observer/eo2003/page_show_ru.php?id=538

лика Таджикистан. Однако обретение независимости и переход от советской республики к независимому государству в Таджикистане были отягощены кровопролитной гражданской войной, продолжавшейся в течение пяти лет.

27 июня 1997 г. президент Таджикистана Эмомали Рахмонов и лидеры противостоящей ему Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) в Москве подписали Общее соглашение по установлению мира и национального согласия в Таджикистане.

Таджикистан – единственное персоязычное государство в Центральной Азии. Согласно данным переписи населения 2000 г., в республике проживают 6 млн. 127 тыс. человек. При этом население Таджикистана растет быстрыми темпами (несмотря на разрушительную гражданскую войну 1992-1997 гг. и массовую миграцию). В 1989 г. в Таджикистане проживали 5 млн. 100 тыс. человек. Сегодня 79,9% населения составляют таджики, 17% – узбеки, 1,3% – киргизы и 1% – русские¹⁷⁷. Евреи появились на территории современного Таджикистана в XVII-XVIII вв. (это были бухарские евреи). До 1920-1930-х гг. именно эта община была «представителем» еврейства на территории нынешнего Таджикского государства. В 1940-1950-х гг. здесь нашли прибежище от кампаний против «безродных космополитов» многие научные работники из Москвы и других российских городов. Это были евреи-ашкенази.

Накануне распада СССР и гражданской войны (согласно данным последней Всесоюзной переписи) в Таджикистане проживали 14 800 евреев (из них бухарские составляли 4900 человек). Гражданская война привела к полному коллапсу безопасности. Одной из участниц гражданской войны была Объединенная таджикская оппозиция (в начале 1990-х гг. их называли «исламо-демократами»). Между тем, к лету 1992 г. исламисты отбросили свою демократическую риторику образца 1990-1991 гг. и перешли к террору и насилию по отношению к оппонентам (отвечавшим им таким же насилием). Исламисты в своей борьбе активно использовали антисемитские лозунги. Все это привело к массовому выезду евреев из Таджикистана в Израиль, США, европейские страны. Только в 1990-1994 гг. республику покинули около 9, 5 тыс. евреев. Но даже выезд за границу сопровождался значительными сложностями (вылет в Израиль или в США был возможен только через Москву или Ташкент), а потому родст-

венники, оставшиеся в Таджикистане, подвергались серьезной опасности. Начиная с 1993 г., Израиль организовал прямые рейсы для организации отъезда евреев из Таджикистана. В 1995 г. еврейское агентство «Сохнут» начало реализацию программы «Алия-2000». В итоге на сегодняшний день в Таджикистане остались около 400 евреев (в основном это – одинокие люди преклонного возраста). Фактически, у этой общины нет серьезных перспектив. И хотя в 1997 г. часть радикальных исламистов пошла на примирение с властью, что способствовало завершению гражданской войны, деятельность других радикальных группировок не прекращается и после достижения мира. В 2003 г. в Ходженте (Худжанде) были обнаружены две подпольные типографии движения Хизб-ут-Тахрир, где печатались брошюры и листовки, в которых содержались и антисемитские лозунги и призывы, например, такие: «Эй, мусульмане!.. Избавьтесь от руководителей, которые не обращают внимания на шариат Аллаха, направляйте воинов на джихад и выгоните евреев. Могут быть жертвы, придется и терпеть джихад, и возможно, стать шахидами»¹⁷⁸. В августе 2006 г. напротив офиса Партии Исламского возрождения Таджикистана прошел антиизраильский митинг с лозунгами «Смерть Израилю!».

Однако, помимо антисемитизма исламистов, отмечаются и некоторые антисемитские тенденции в действиях власти. В Таджикистане она в гораздо большей степени, чем в других странах Центральной Азии, дает поводы для обвинений в юдофобии. В 2004 г. возникла опасность, что последняя в республике душанбинская синагога будет снесена в связи со строительством нового комплекса правительственных зданий. В эту ситуацию вмешался Евро-Азиатский еврейский конгресс и его президент Александр Машкевич. В ходе переговоров с президентом Эмомали Рахмоновым было принято решение о сохранении синагоги в столице Таджикистана. В 2006 г. в ходе визита президента Ирана Махмуда Ахмадинежада и президента Афганистана Хамида Карзая в Душанбе оба этих лидера и Эмомали Рахмонов приняли совместное заявление, в котором осудили ввод израильских войск на территорию Ливана в рамках кампании Тель-Авива против движения «Хизбалла». Между тем, сложная социально-экономическая ситуация в республике, а также не-

¹⁷⁷ Итоги переписи населения Таджикистана // <http://www.demoscope.ru/weekly/037/evro04.php>

¹⁷⁸ Цит. по: Вишневецкий А. Антисемитизм и радикальные исламские организации в Центральной Азии // Евреи Евразии. 2005. № 1(5) (январь-март) // http://www.eajc.org/publish_print_r.php?id=59

сменяемость первого лица государства (в 2003 г. президент республики продлил свои властные полномочия) создает серьезные предпосылки для роста протестной активности (включая и радикальные экстремистские формы).

Узбекистан

Узбекистан (Республика Узбекистан) – государство, расположенное в центральной части Средней Азии. Республика граничит с Киргизией на северо-востоке, с Казахстаном на севере и северо-западе, на юго-востоке – с Таджикистаном, юго-западе – с Туркменией, на юге – с Афганистаном. В марте 1990 г. Верховный Совет Узбекской ССР ввел пост президента республики. С этого времени бессменным лидером Узбекистана является Ислам Каримов. Узбекистан позже других республик включился в процесс выхода из состава СССР. В марте 1991 г. в ходе референдума о сохранении «обновленного Союза» большинство населения Узбекистана высказалось в пользу СССР. 31 августа 1991 г. была провозглашена национальная независимость Узбекистана, а 18 ноября 1991 г. принят Закон «О Государственном флаге Республики Узбекистан». К СНГ республика присоединилась 21 декабря 1991 г.

В отличие от других бывших советских республик, в период 1989-2009 гг. в Узбекистане не проводилась общенациональная перепись. Данные о количестве и составе населения даются ежегодно органами государственной статистики. В настоящее время численность населения в Узбекистане составляет около 27 млн. человек (самая многонаселенная страна Центральной Азии). Большинство населения Узбекистана (около 80%) – это узбеки, 5,5% – русские, 5% – таджики (в соседнем государстве считают, что эта цифра не является релевантной), 3% – казахи, 2,5% – каракалпаки, 1,5% – татары, 1% – киргизы.

История еврейской общины на территории нынешнего Узбекистана насчитывает не одно столетие. Исторические источники фиксируют их появление здесь в VIII-X вв. В XIII в. евреи появляются в Бухаре (отсюда потом распространившийся этноним «бухарский еврей» для обозначения евреев Средней Азии). В отличие от европейской части Российской империи и евреев-ашкенази, бухарские евреи воспринимались российской военной имперской (пришедшей на территорию современного Узбекистана в 1860-е гг.) администрацией положительно, поскольку бухарские евреи положительно восприняли приход России и на первых порах были едва ли не единст-

венной лояльной политической силой. Ситуация изменилась не в лучшую сторону в начале XX в., однако здесь, в отличие от центральных регионов империи, государственная юдофобия не получила значительного распространения. Проникновение евреев-ашкенази на территорию современного Узбекистана началось в конце XIX – начале XX вв. Их количество выросло в годы гражданской войны (уход от погромов в европейской части бывшей Российской империи), а также Великой Отечественной войны (эвакуация). Согласно данным последней Всесоюзной переписи населения, в Узбекистане в 1989 г. проживали 89 тыс. евреев (26 тыс. из них – бухарские евреи). По оценкам Института современного еврейства при Еврейском университете в Иерусалиме, к середине 1990-х гг. в Узбекистане оставались около 25 тыс. евреев¹⁷⁹. Сегодняшняя численность оценивается также по-разному (от 5 до 15 тыс. человек).

Отношение государства к еврейской проблеме определяется особенностями той внутренней и внешней политики, которую с начала 1990-х гг. осуществляет бессменный президент Узбекистана Ислам Каримов. Во внутренней политике это – курс на светскую модель власти авторитарного типа. Практически с момента обретения независимости новому государству пришлось противодействовать попыткам исламистских политических движений заменить светскую власть исламской республикой. Для этого государство стало проводить жесткий репрессивный курс по отношению и к исламской, и к светской оппозициям. Во внешней политике Узбекистан осуществляет стремление к доминированию в регионе Центральной Азии (в соперничестве с Казахстаном, Туркменией, посредством «сдерживания» Афганистана). Отсюда – чрезвычайно активное вмешательство Узбекистана в гражданскую войну в соседнем Таджикистане, выстраивание союзнических отношений с узбекскими движениями в Афганистане, балансирование между США и РФ, конструктивные отношения с Турцией, светскими режимами исламского Востока и Израилем. Дипломатические отношения Израиля и Узбекистана установлены в 1992 г. Двусторонние отношения динамично развиваются в различных сферах (особенно в газовой отрасли и сельском хозяйстве). Все это определило в целом благожелательную политику властей по отношению к еврейской общине Узбекистана. К началу 2000-х гг. в республике функционировали шесть синагог

---

¹⁷⁹ Электронная еврейская энциклопедия. Узбекистан // <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=14202&query=УЗБЕКИСТАН>

(Ташкент, Бухара, Самарканд). Помимо религиозной жизни в Узбекистане осуществляется еврейское образование (есть школы, гимназии, иешива, еврейские дошкольные учреждения), действуют клубы, библиотеки, общинные центры. Главной организацией евреев Узбекистана является Ассоциация еврейских общин (входящая в Федерацию еврейских общин СНГ). «Юдофильство» властей было минимизировано после трагических событий в Андижане¹⁸⁰. После этих событий администрация Ислама Каримова подверглась жесткой критике со стороны США и стран Европы за «авторитарные методы» (чего раньше не было, Каримов считался в Вашингтоне соратником по «антитеррористической коалиции»). Все это заставило президента Узбекистана внести некоторые коррективы в свои внутривластные подходы. В конце 2006 г. власти без предоставления компенсации снесли здание Еврейского национального культурного центра в Фергане. Впрочем, власти отрицают «национальный мотив», предлагая свою версию: снос осуществлялся на основании плана реконструкции города. Однако в 2008-2009 гг. США и ЕС смягчили свои позиции по отношению к узбекскому президенту, что дает надежды на то, что власти республики и дальше будут осуществлять благожелательную политику по отношению к еврейским общинам.

Намного более серьезную опасность не только для евреев и для Узбекистана представляет набирающее обороты исламистское движение этой республики. Еще в 1989-1991 гг. в Намангане о себе заявило движение «Адолат» («Справедливость»), которое противопоставляло ислам «молящийся» исламу «обрядовому», вводило среди своих сторонников нормы «настоящей исламской жизни». С этого времени началась затяжная борьба узбекских властей с радикальными исламистскими группировками. В 1996 г. лидеры узбекских исламистов Тахир Юлдашев (Юлдаш) и Джума Намангани создали Исламское движение Узбекистана (ИДУ). С их деятельностью связаны попытки дестабилизации ситуации в Узбекистане и Киргизии в 1999-2000 гг.

Весьма активна в Узбекистане такая группировка, как «Хизб-ут-Тахрир» («Партия освобождения»). Своими целями эти организации

видят возврат к «основам ислама» и противодействие «неверным» (Западу, Израилю). В листовках и пропагандистских материалах узбекских исламистов президент Узбекистана Каримов называется «еврейским кяфиром» («неверным»). Евреи называются «проклятым богом народом», а право Израиля на существование отрицается¹⁸¹. Узбекские радикалы представляют свою борьбу как часть «глобального джихада» (в этом плане деятельность «Хизбаллы» или ХАМАС рассматривается как «общее дело»). Однако помимо теоретических и догматических трактатов исламисты Узбекистана ведут диверсионную и террористическую борьбу. 30 июля 2004 г. террорист-самоубийца (шахид) взорвал себя рядом со зданием посольства Израиля в столице Узбекистана Ташкенте, а другой террорист-смертник взорвал себя у американского посольства (в итоге погибли 5 человек, граждан Узбекистана).

В июне 2006 г. в своем доме была убита секретарь главного раввина Центральной Азии Карина-Ривка Лойфер (1986–2006) и ее мать. И хотя выдвигались разные версии (религиозный, национальный мотив), официальные власти Узбекистана не стали озвучивать антисемитскую мотивацию в поступке убийц.

Таким образом, антисемитизм в Узбекистане, как и в других республиках бывшего СССР, во многом определяется не только волей властей, но и другими факторами. Умеренно юдофильская политика официального Ташкента, не подкрепленная более качественной политикой на «исламском направлении» (здесь преобладают репрессии, которые ведутся зачастую безадресно, вовлекая широкие массы недовольных политикой властей), может в итоге не достигать своей цели просто потому, что не обеспечивает минимального уровня безопасности. Сегодня Ташкент стоит перед непростой проблемой обеспечения преемственности высшей власти (Ислам Каримов – 1938 г. рождения, и в любом случае не далек час его ухода из большой политики). Станет ли уход узбекского «аксакала» началом «исламизации» республики (в этом случае антисемитские тенденции возобладают), или его преемники смогут найти более качественные методы сохранения светской модели власти? Сегодня на этот вопрос нет однозначного ответа.

Туркменистан (Туркмения)

Республика Туркменистан – государство в Центральной Азии, граничащее с Афганистаном и Ираном на юге, Казахстаном и Узбе-

---

¹⁸⁰ Массовые беспорядки в Андижане 12-13 мая 2005 г. Суть этих событий ясна не до конца. Согласно официальной версии, узбекская армия применила силу 13 мая против исламских радикалов, спровоцировавших беспорядки. В США и странах ЕС несколько лет доминировала версия о подавлении оппозиции и нарушениях прав человека «авторитарным режимом Каримова». По официальным данным, в ходе беспорядков погибли 170 и ранены около 5000 человек.

---

¹⁸¹ Вишневецкий А. Указ. соч.

кистаном – на севере. С Запада Туркмения омывается крупнейшим в мире озером (внутренним Каспийским морем). В октябре 1990 г. Верховный Совет Туркменской ССР учредил пост президента республики. Через год в октябре 1991 г. Верховный Совет республики принял Декларацию о независимости, утвердил новое ее название – Туркменистан. В 1990-2006 гг. социально-политическое развитие Туркмении проходило под знаком одного человека – Сапармурата Ниязова. В течение 16 лет он был (до своей физической смерти) бесменным президентом Туркменистана, а также носил титулы «Сердар» («вождь»), и «Туркменбаши» («отец туркмен», позже стал «Туркменбаши Великий»). За время его правления по всей стране было установлено 14 тыс. памятников и бюстов в честь «вождя», а его книга «Рухнама» («Духовность») изучалась как отдельный предмет во всех образовательных учреждениях страны, ее значение приравнивалось к Корану. Ниязов ввел в Туркмении новый календарь, а также разделил жизнь человека на «жизненные циклы» по 12 лет (в соответствии с которыми люди должны были соизмерять свои потребности). При нем была упразднена Академия наук (с 1998 г. не было присвоено ни одной ученой степени), запрещен балет, цирковое искусство, опера, закрыта киностудия, введена сдача «Рухнамы» при получении водительских прав.

Создание тоталитарного государства сопровождалось закрытием практически любой информации, имеющей отношение к внутренней ситуации в Туркмении. Первый и единственный раз перепись в Туркменистане была проведена в 1995 г. Она зафиксировала значительный рост населения за 6 лет (с 3,62 млн. в 1989 г. до 4,46 млн. в 1995 г.). В сентябре 2004 г. Ниязов подписал постановление о проведении переписи населения Туркменистана в 2009 г., однако после смерти «вождя» это мероприятие было перенесено, следующая перепись в Туркменистане должна пройти только в декабре 2012 г.¹⁸²

И хотя исторические источники фиксируют присутствие евреев на территории современной Туркмении в период раннего средневековья, накануне распада СССР, по данным последней Всесоюзной переписи населения, здесь проживали 2,5 тыс. евреев. После обретения Туркменистаном независимости еврейские религиозные или культурные организации или общины здесь не регистрировались. Запрет на двойное гражданство (согласно законам Туркменистана, такие лица не имеют права владеть недвижимостью в рес-

публике) также создавал серьезные неудобства для евреев Туркменистана.

В Туркмении, в отличие от других стран Центральной Азии, нет ни одной официально зарегистрированной еврейской организации, а также отделения еврейского агентства «Сохнут» (однако его представители посещают Туркменистан). Динамика выезда евреев из Туркменистана в Израиль была следующей: 1996 г. – 465 человек, 1997 г. – 400 человек, 1998 г. – 279 человек, 1999 г. – 246 человек, 2000 г. – 193 человека, 2001 г. – 157 человек, 2002 г. – 110 человек, 2003 г. – 105 183 человека.

По разным оценкам, численность еврейского населения Туркмении на сегодняшний день насчитывает от 500 до 800 человек. Вот как описывает ситуацию в Туркмении времен Ниязова один из репатриантов из Ашхабада (прибыл в Израиль в 2004 г.): «Культивируемая в стране политика русофобии ударила и по евреям. Нас, как русскоязычных, давно убрали с постов в государственных учреждениях – ни в правительстве, ни в аппарате президента, ни в руководстве министерств не осталось ни одного еврея. В Туркмении, которая со всех трибун клянется в приверженности демократии, нет еврейского культурного центра, иудейской общины, еврейских дошкольных и учебных заведений, газеты. Да о чем говорить, если на всю страну – ни одной действующей синагоги!»¹⁸⁴. Между тем, в 1990-2000-е гг. были отмечены факты израильско-туркменского сотрудничества в газовой отрасли.

Литва

Литва (Литовская Республика) – европейское государство (член Европейского Союза, начиная с 2004 г.), расположенное на восточном побережье Балтийского моря. С севера Литва граничит с Латвией, с Белоруссией – на юго-востоке, на юго-западе – с Польшей и Россией (Калининградская область). Еще до распада СССР в феврале 1991 г. независимость Литвы была признана Исландией. До подписания Беловежских соглашений руководство союзного государства признало независимость Литвы. Это было сделано Государственным

¹⁸³ Электронная еврейская энциклопедия. Туркменистан // <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=14181&query=ТУРКМЕНИСТАН>

¹⁸⁴ Цит. по: Дан М. Страна Туркменбаши // Еврейский обозреватель. 2004. № 5/72 (март) // http://www.jewukr.org/observer/eo2003/page_show_ru.php?id=537

¹⁸² Туркменистан. Ждать правды до 2012 года? // <http://vlasti.net/news/7893>

Советом СССР 6 сентября 1991 г.¹⁸⁵, а 17 сентября Литва стала членом ООН. Согласно данным Всеобщей переписи населения 2001 г., в Литве проживают 3 млн. 483 тыс. 972 человека. Из них литовцы составляют 83,45% всего населения, поляки – 6,74%, русские – 6,31%, белорусы – 1,23%. Еврейское население Литовской республики, согласно данным переписи 2001 г., составляет 4007 человек или 0,12% всего населения. Значительная часть их сосредоточена в Вильнюсе (2769 человек) и Каунасе (около 400 человек)¹⁸⁶.

Исторические источники фиксируют наличие евреев на территории современной Литвы в X в., однако об общине, сыгравшей значительную роль в истории Литвы, можно говорить, начиная с XIV столетия. К XVIII в. Вильно (нынешняя столица Литовской республики Вильнюс) стал одним из важнейших культурных центров всего восточноевропейского еврейства. Учредительный съезд известной левой еврейской партии «Бунд» прошел в 1897 г. именно в Вильно. В начале XX в. этот город назывался «северным Иерусалимом». И хотя в 1920-1939 гг. нынешняя столица Литвы (и Виленский край) входила в состав Польши, в независимой Литве (1918-1940 гг.) евреи составляли значительный процент населения. Согласно данным переписи 1923 г., евреев было 7,6% от всего населения Литвы. При этом в Каунасе (тогда столица Литвы) их количество составляло 27% всех жителей, в некоторых городах этот процент был также высоким (Паневежис – 36%, Шяуляй – почти 25%). Евреи Литвы в период независимости занимали высокие государственные посты (в первом литовском правительстве после обретения независимости было три министра еврея)¹⁸⁷. К июню 1941 г. (то есть уже после советизации Литвы в 1940 г. и включения в ее состав Виленского края) на территории этой республики проживали около 250 тыс. евреев. В результате трагедии Холокоста Литва лишилась почти 95% всего довоен-

ного еврейского населения. Перепись, проведенная в 1959 г., в тогдашней Литовской ССР (в рамках общесоюзной кампании), зафиксировала всего 25 тыс. евреев (одна десятая от довоенной еврейской общины). С этого времени численность еврейской общины постоянно только сокращалась. Трагизма ситуации добавляют многочисленные факты участия местного населения в нацистских акциях по «окончательному решению еврейского вопроса».

Поскольку современная внутренняя и особенно внешняя политика Литвы, добившейся восстановления независимости в 1991 г., подчеркнута «исторична», именно сюжеты истории XX в. (и особенно периода Второй мировой войны) во многом определяют те интерпретации «еврейской проблемы», которые существуют в этой стране. В этих интерпретациях присутствуют серьезнейшие противоречия. На государственном уровне литовские лидеры всячески осуждают антисемитизм во всех его проявлениях. Еще в начале 1990-х гг. тогдашний спикер парламента Литвы Витаутас Ландсбергис заявил председателю 12-го Кнессета Израиля Дову Шилианскому: «Ваша боль – это моя боль; потому что потеряно так много невинных жизней, потому что в тех убийствах участвовали мои соплеменники, потому что литовский народ, лишившийся в 1940-1941 гг. своей государственности, еще и еще раз оккупированный, не сумел уменьшить геноцид евреев или эффективно противостоять ему. Это общая часть нашей трагической и болезненной истории»¹⁸⁸. Помимо персональных извинений литовских официальных лиц, было сделано много знаковых акций со стороны государственных институтов (принятие парламентской декларации с осуждением геноцида евреев). В 2000 г. национальный парламент Литвы ввел норму, по которой стало возможно проведение судебных процессов против нацистских преступников (литовцев по этническому происхождению) даже тогда, когда они не могут лично присутствовать на разбирательстве (в силу возраста или состояния здоровья). Очень серьезные подвижки в отношении к «еврейской проблеме» произошли и в позиции доминирующей в Литве католической церкви. В 1996 и 2000 гг. религиозные лидеры литовских католиков осудили участие своих соплеменников в преступлениях против евреев в период Холокоста. Свой вклад в исследование истории Холокоста в Литве внесла и Научная академия литовских католиков.

¹⁸⁵ Государственный Совет СССР был высшим органом власти союзного государства накануне его распада. Он был создан на основании Закона СССР от 5 сентября 1991 г. № 2392-1 «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период». Основная задача этой структуры – выработка согласованных решений и процедур между субъектами Союза ССР и союзной властью. В состав Госсовета входили президент СССР и высшие должностные лица союзных республик.

¹⁸⁶ Statistikos Departamentas prie Lietuvos Respublikos Vyriausybės // <http://www.stat.gov.lt/en/pages/view/?id=17311>

¹⁸⁷ Электронная еврейская энциклопедия. Литва // <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=12474&query=ЛИТВА>

¹⁸⁸ Цит. по: Брянис В. Свидетельство о Холокосте в Литве на английском языке // Литовский Иерусалим. – Вильнюс, 2007. № 7-8.

За период независимости историческая наука Литвы внесла большой вклад в изучение Холокоста. Опубликованы архивные материалы, свидетельства тех, кто выжил, проведены представительные научные форумы. В октябре 1993 г. в Вильнюсе прошла международная конференция, посвященная 50-летию гибели Вильнюсского гетто, затем международная конференция «История и геноцид». С этого времени форумы подобного рода стали регулярными. В Вильнюсском университете была открыта кафедра иудаики.

Государство инициировало реституцию имущества, принадлежавшего еврейской общине до 1941 г. В независимой Литве развивается система еврейского образования, выходят СМИ, действуют международные еврейские благотворительные организации.

В то же самое время антисемитизм в независимой Литве присутствует. В значительной степени это вызвано идеализацией республики 1918-1940 гг., уничтоженной советской оккупацией (впоследствии в 1941 г. многие литовские антикоммунисты и деятели первой Литовской Республики поддержали Третий рейх и его мероприятия, включая и геноцид по отношению к евреям). Сегодня в Литве многими (включая и влиятельных политиков) именно советская оккупация рассматривается как большее зло (в сравнении с немецкой, хотя в Музее оккупации представлены материалы по истории двух оккупационных режимов). Все это не раз приводило к нежелательным антисемитским эксцессам.

Во-первых, это антисемитские заявления отдельных политических деятелей. В 1996 г. Витаутас Сустаускас был избран мэром Каунаса (столицы первой Литовской Республики и второго по величине города нынешней Литвы, сильно пострадавшего от Холокоста). Между тем, этот политик, представитель националистического Литовского союза свободы не раз публично выражал антисемитские взгляды. В 2005 г. на митинге в Вильнюсе с призывом «отправить мировое еврейство на свалку истории» выступил депутат Шауляйского городского совета, лидер крайней правой Национал-демократической партии Миндаугас Мурза¹⁸⁹. В апреле 2003 г. представители Европейского Союза критиковали литовские власти за непринятие мер к гражданам, занимающим ответственные посты и высказывающим антисемитские взгляды.

Во-вторых, акты вандализма. За весь период независимости не раз еврейские кладбища и мемориальные места, посвященные жертвам Холокоста, подвергались нападениям и разрушениям. Нередки были случаи празднования дня рождения Адольфа Гитлера, вывешивания флагов с нацистской свастикой, маскарады с изображениями вождей нацистской Германии.

В-третьих, информационные проявления антисемитизма. Статьи антисемитского содержания время от времени появлялись в литовских СМИ (национальная ежедневная газета «Республика»). В 2004 г. на ее страницах вышел материал под заголовком «Кто правит миром?» (основной тезис – не следует «раздувать» тему Холокоста)¹⁹⁰. В 2005 г. газета «Летувос айдас» опубликовала портрет начальника полиции безопасности Вильнюсского округа в годы нацистской оккупации с характерной надписью: «26 сентября 2000 г. умер терроризированный сионистами-расистами А. Лилейкис. Даже после смерти его пытаются оболгать и опорочить» и комментарием: «Он выявил многих разрушителей независимости Литвы и собирал информацию о них. Суд над ним – это месть душанских, рожанских, заксов и подобных им предателей»¹⁹¹.

В-четвертых, «либеральное отношение» судебных инстанций к нацистским преступникам литовского происхождения, принимавшим участие в акциях по уничтожению евреев. В 2000-е гг. были случаи вынесения неоправданно мягких приговоров по делам участников «окончательного решения еврейского вопроса» в Литве.

Таким образом, современный антисемитизм и ксенофобия в Литве со всей очевидностью демонстрируют, что антикоммунизм далеко не всегда тождествен демократии, правам человека и тем более, этнической и религиозной толерантности. Неразборчивость же в выборе «героев прошлого» и «идеалов» для подражания, а также политическое упрощенчество (когда вся картина мира сводится в двухцветной гамме) нередко оборачиваются несправедливостью по отношению к настоящему.

Латвия

Латвия (Латвийская Республика) – европейское государство (член Евросоюза с 2004 г.), расположено в северо-восточной части

¹⁸⁹ Херсонский М. Антисемитизм в Литве (2006) // http://www.eajc.org/program_art_r.php?id=90

¹⁹⁰ США обнаружили много проявлений антисемитизма и ксенофобии в Литве. 2005. 8 января. <http://www.regnum.ru/news/386385.html>

¹⁹¹ Херсонский М. Указ. соч.

Европы. Имеет выход к Балтийскому морю. На севере граничит с Эстонией, на юге – с Литвой, на востоке – с РФ и Белоруссией, а на море имеет границу со Швецией. Независимость Латвии была признана еще 6 сентября 1918 г., то есть до подписания Беловежских соглашений. 17 сентября 1991 г. Латвия стала членом ООН. Согласно данным Всеобщей переписи населения 2000 г., в Латвии проживают 2 млн. 375 тыс. 339 человек (в 1989 г., по данным последней Всесоюзной переписи населения, в республике проживали 2,6 млн. человек). Из них латыши составляют 57,65%, русские – 29,58%, белорусы – 4,09%, украинцы – 3,45%, поляки – 2,27%, литовцы – 1,3%. Численность евреев в независимой Латвии, по данным переписи, составляет 10376 человек (это 0,44% от всего латвийского населения). В отличие от Литвы, предоставившей свое гражданство всем, вне зависимости от «ценза оседлости», Латвийская Республика после обретения независимости дала свое гражданство «автоматом» только этническим латышам (включая и латышскую диаспору) и представителям тех этнических меньшинств, которые проживали на территории Латвии до 1940 г. (то есть до советской оккупации). В итоге среди постоянных жителей Латвии (по данным переписи 2000 г.) только 74,8% имели латвийское гражданство. Среди латышей этот показатель был практически стопроцентный (99,6%), среди русских – 42%, белорусов – 22,4%, евреев – 54,2%¹⁹². Таким образом, после обретения независимости Латвией далеко не все евреи в ней получили статус гражданина этой республики. Этот факт уже сам по себе может рассматриваться как определенный элемент государственной дискриминации.

Присутствие евреев на территории современной Латвии фиксируется в период средних веков (XIV-XVI вв.). Однако значительное увеличение еврейского населения в пределах нынешних латвийских границ относится к XIX столетию (к концу века в Лифляндской губернии оно увеличилось до 27 тыс. человек). Накануне Второй мировой войны в независимой Латвии проживали 93 400 евреев, что составляло 4,9% всего населения. В период «первой независимости» (1918-1940 гг.) еврейские партии были представлены и в Национальном совете, и Учредительном собрании, и четырех созывах парламента. Они играли значительную роль и в создании правительственных коалиций. Однако по мере усиления внутри страны авторитар-

ных тенденций после переворота Карлиса Улманиса (1934 г.) и до советской оккупации (1940 г.) росли и антисемитские настроения (а также дискриминационная экономическая политика по отношению к латвийскому еврейству). В период нацистской оккупации евреи Латвии (а также беженцы из соседней Литвы) стали жертвами «окончательно решения еврейского вопроса». При этом в карательных акциях германских нацистов принимали участия латышские националисты, бывшие офицеры латвийской армии, полиции первой Латвийской Республики. В итоге количество евреев в Латвии значительно сократилось. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. в тогдашней Латвийской ССР проживали 36,6 тыс. евреев (1,75% всего населения). При этом только 10 тыс. из них были уроженцами Латвии (остальные приехали после 1945 г. из других регионов СССР). С этого времени еврейская община сокращалась, хотя и не так стремительно, как в соседней Литве (последняя перепись населения в Советском Союзе 1989 г. определила их численность в 22900 человек)¹⁹³.

Как и в Литве, в Латвии после распада СССР история XX в. оказалась до предела политизированной. Во многом оценки событий прошлого века (довоенная Латвия и антисемитские проявления в ней, Вторая мировая война, советская и германская оккупации, Холокост) влияют на сегодняшнюю ситуацию в Латвии. С одной стороны, нельзя не заметить, что власти второй Латвийской Республики делают все возможное, чтобы продемонстрировать свое категорическое неприятие антисемитизма. Еще 19 сентября 1990 г. Верховный Совет, стремящейся к независимости Латвии, принял Декларацию «Об осуждении и недопущении геноцида и антисемитизма в Латвии». В нем содержались такие важные положения, как безусловное осуждение Холокоста, признание того, что срока давности за преступления времен Второй мировой войны не существует. В дальнейшем шестой президент Латвии (в Латвийской Республике все президенты считаются, начиная с периода «первой независимости») Вайра Вике-Фрейберга (июль 1999 – июль 2007 гг.) не раз публично заявляла, что еврейское население «активно участвует в решении наиболее актуальных проблем государства, <...> лояльно к латвийскому государству»¹⁹⁴.

¹⁹² Тульский М., Ушацкис У. Итоги переписи населения Латвии // <http://www.demoscope.ru/weekly/033/evro01.php>

¹⁹³ Электронная еврейская энциклопедия. Латвия // <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=12335&query=ЛАТВИЯ>

¹⁹⁴ Цит. по: Электронная еврейская энциклопедия. Латвия...

В 1990-е гг. в Латвии стало активно развиваться еврейское образование. С 1995 г. в Риге раз в два года проходит конференция «Евреи в меняющемся мире». В 1998 г. в Латвийском университете был открыт центр по иудаике. Темы, связанные с историей Холокоста, активно изучаются академической наукой. В 2003 г. начал работать Совет еврейских общин Латвии.

Но с другой стороны, выстраивание государственной идеологии и постсоветской идентичности на основе противопоставления советской оккупации приводит к серьезным «перехлестам» и по части антисемитизма. Проблема в том, что большая часть еврейского населения современной Латвии приехала сюда после 1945 г. (подавляющее большинство «коренных» евреев было уничтожено во время нацистской оккупации). Следовательно, эти евреи (как и русские, украинцы, белорусы) рассматривались как инструмент советской политики по изменению этнического состава и «колонизации» Латвии. В 1991 г. им было отказано в автоматическом предоставлении гражданства. Для его получения им было необходимо пройти процесс «натурализации» (сдача экзамена по латышскому языку). К 2000 г. (времени проведения переписи) чуть больше половины евреев Латвии прошли процедуру получения гражданства. На сегодняшний день эта проблема стоит не так остро, процесс натурализации в последние годы ускорился. Однако в 1990-е гг. она создавала значительный социально-психологический дискомфорт.

В современных условиях на первый план выходят другие проблемы. Среди них – чрезмерная толерантность официальной власти и части интеллектуальной элиты к латышам, активно сотрудничавшим с нацистами в годы Второй мировой войны. Их участие в борьбе против Красной Армии и Советского Союза во многих случаях рассматривается как защита национальной независимости (что само по себе считается индульгенцией, оправдывающей этнополитические «эксцессы»). Так происходит в ситуации с Латышским легионом СС (переоценка его роли, героизация этого подразделения, его позиционирование как защитника независимой Латвии). На памятных мероприятиях, посвященных легионерам, присутствуют парламентарии, известные политики и общественные деятели.

Не менее важная проблема – антисемитские высказывания политиков и общественных деятелей. По мнению эксперта Института философии и социологии Латвийского университета Лео Дрибинса, «у нас в Латвии в 1990-х антисемитизм пошел на убыль, а сегодня – наоборот, растет. Правоохранительным органам стоило бы выяс-

нить, почему это происходит. Если бы в Германии какой-то политик позволил себе антисемитское высказывание, то какой бы он пост ни занимал, он полетел бы с него навсегда»¹⁹⁵. К сожалению, независимой Латвии еще далеко до немецких стандартов.

Большую (и не всегда позитивную) роль играет также интерпретация Холокоста в СМИ, а также в академической науке. Историк и политолог Дмитрий Олехнович в этой связи справедливо замечает: «Неприятнь многих жителей Латвии вызывает и стремление к более широкому изучению Катастрофы. Даже на официальном уровне появляются попытки приравнять сталинские репрессии против жителей Латвии к трагедии европейского (в том числе и латвийского) еврейства в годы нацистской оккупации. Стремление к новой интерпретации истории Латвии, бесспорно требующей дополнительного изучения и нового осмысления, особенно в околоакадемических кругах, сводится к банальному ревизионизму или попытке представить сотрудничество латышей с нацистской администрацией в годы оккупации как отмщение за страдания, причиненные “евреями-комиссарами” латышскому народу. В некоторых заявлениях вполне авторитетных историков видны попытки новых трактовок понятия “геноцид”, преследующие в том числе и политические цели»¹⁹⁶. Осквернение еврейских кладбищ и мемориалов также остается для Латвии серьезной проблемой.

Эстония

Эстония (Эстонская Республика) – европейское государство (член Евросоюза с 2004 г.), расположенное на северо-восточном побережье Балтийского моря. На востоке Эстония имеет границу с Россией, на юге – с Латвией. На севере Эстония отделена от Финляндии Финским заливом, а на западе имеет морскую границу со Швецией. Независимость Эстонии была признана Госсоветом СССР 6 сентября 1991 г., а членом ООН эта республика стала 17 сентября 1991 г.

По данным Всеобщей переписи населения 2000 г., в Эстонии проживают 1 млн. 371 тыс. 835 человек, из которых эстонцы составляют 71,8%, русские – 21,6%, украинцы – 2,1%, белорусы – 1,3%, финны – чуть менее 1%. Еврейское население Эстонии насчитывает

¹⁹⁵ Цит. по: В Латвии наблюдается рост антисемитизма. 2008. 12 июня // <http://www.jewish.ru/news/world/2008/06/news994263650.php>

¹⁹⁶ Олехнович Д. Антисемитизм в Латвии сегодня // Евреи Евразии. 2004. № 2 (апрель-июнь) // http://www.eajc.org/publish_gen_r.php?id=73

около 3,5 тыс. евреев, большая часть которых сконцентрирована в Таллине. Как и для Латвии, в Эстонии, помимо этничности, важна проблема гражданства, поскольку после обретения независимости эстонское гражданство автоматически было дано только этническим эстонцам, а также тем, кто проживал на территории республики до 1940 г. (то есть до советской оккупации). Порядка 15% населения Эстонии (согласно переписи 2000 г.) не являются ее гражданами. Более половины евреев, проживавших на территории Эстонии накануне распада СССР, приехали сюда после 1945 г. из других регионов бывшего Советского Союза, а потому не получили гражданства автоматически¹⁹⁷. Им надо было пройти процесс «натурализации» (сдача экзамена по эстонскому языку и пр.).

Исторические источники свидетельствуют о еврейском присутствии на территории современной Эстонии, начиная с XIV в. Но о начале общинной жизни можно говорить применительно к XIX столетию (ее создателями стали студенты университета Дерпта – Тарту, а также солдаты русской императорской армии времен Николая I – кантонисты). В независимой Эстонии (первой республике, просуществовавшей в 1918-1940 гг.), по данным переписи 1934 г., еврейское население составляло 0,4% (4381 человек)¹⁹⁸. Они проживали в Таллине и в Тарту. По Закону о национально-культурной автономии (1925 г.), евреи (наряду с немцами, русскими, шведами) признавались национальным меньшинством, которому предоставлялись широкие культурные права. В межвоенный период именно в Эстонии была единственная кафедра иудаики в Прибалтике. Евреи Эстонии пострадали от советской оккупации (по классовому признаку, как представители «буржуазии» и «эксплуататорских классов») в 1940 г., а затем попали под нацистское колесо «окончательного решения еврейского вопроса». К ноябрю 1944 г. еврейская община довоенной Эстонии практически прекратила свое существование (спаслись по большей части те, кто был эвакуирован еще в 1941 г.). В 1950-х гг. в республику приехали евреи из других регионов СССР. Количество еврейской общины Эстонии достигло в 1959 г. (5500 человек). С начала 1960-х гг. еврейская община постепенно сокращалась.

¹⁹⁷ Statistics Estonia. 2000 Population and Housing Census // <http://www.stat.ee/censuses>

¹⁹⁸ Электронная еврейская энциклопедия. Эстония // <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=15119&query=ЭСТОНИЯ>

В сегодняшней Эстонии антисемитизм во многом так же, как в Латвии и в Литве, проявляется, в первую очередь, в интерпретациях исторических сюжетов XX в. Это, в первую очередь, Холокост, советская и немецкая оккупации, сотрудничество эстонцев с гитлеровской Германией. С одной стороны, официальные власти не раз осуждали проявления антисемитизма, а также геноцид евреев в годы Второй мировой войны. В республике устанавливаются мемориальные знаки, увековечивающие память жертв геноцида евреев. В современной Эстонии функционируют ортодоксальная еврейская религиозная община и еврейская религиозная община прогрессивного иудаизма, издаются СМИ.

С другой стороны, непростое решение вопроса о гражданстве (отказ от автоматического предоставления гражданства «приезжим евреям») создавало проблемы для адаптации этой части населения Эстонии к новым социально-политическим реалиям. Нередки случаи, когда отдельные представители эстонской власти пытаются выступать с ревизионистских позиций, преуменьшая последствия Катастрофы восточноевропейского еврейства. Так, в 2004 г. в день Памяти жертв Холокоста, министр образования Эстонской Республики Тойво Майметс посоветовал упоминать в школах трагедию евреев в годы Второй мировой войны одновременно со сталинскими депортациями жителей Эстонии (1940 и 1949 гг.). Вскоре после этого на конференции в Музее оккупаций в Таллине было заявлено, что «понимать Холокост как чисто еврейскую трагедию – в корне неверно и узко»¹⁹⁹. Эта ревизионистская тенденция распространена и в СМИ Эстонии. По этому поводу 21 сентября 2004 г. Совет Еврейской общины вынужден был выступить со специальным заявлением, в котором особенно отмечалось, что «в последнее время в средствах массовой информации Эстонии появились разного рода спекуляции относительно реализации проекта увековечения мест, связанных с Холокостом на территории нашей страны. В частности, говорится об установлении дополнительных памятников, переделке существующих, ставится под сомнение число погибших в ходе массовых убийств»²⁰⁰.

Особая статья – отношение к сотрудничеству этнических эстонцев с немецкими оккупационными властями в период Второй мировой войны. Между тем, в независимой Эстонии создается определенная героизация эстонских коллаборационистов. Они изображаются как

¹⁹⁹ Антисемитизм в Эстонии (подготовлено по материалам газеты «Хашафар») // http://www.eajc.org/program_art_r.php?id=70

²⁰⁰ Там же.

антикоммунисты и борцы за независимость родины. В 2006 г. эстонское правительство приняло решение о выделении 375 тыс. эстонских крон Музею борьбы за свободу в деревне Лагеди (перед музеем находится памятник, изображающий солдата в форме 20-й эстонской добровольческой дивизии СС). В 2004 г. в уезде Ляэне-Вирумаа был установлен крест в память об эстонце Альфонсе Ребане (он, будучи штандартен-фюрером СС, получил в 1944 г. рыцарский железный крест). В 1999 г. он был с почетом перезахоронен в Эстонии. Как правило, на подобных мероприятиях присутствуют парламентарии, известные общественные деятели. Антисемитизм оказывается также востребованным молодежными националистическими субкультурами Эстонии. Следовательно, эстонский опыт показывает, что быть членом Европейского Союза и НАТО – это еще не означает полностью стать цивилизованной европейской страной. На этом пути эстонским властям и интеллектуалам необходимо преодолеть множество националистических и расистских фобий и стереотипов.

Вместо заключения

Таким образом, антисемитизм (и в теоретико-идеологическом, и практическом виде) на постсоветском пространстве разнообразен и «разноцветен» (от коричневого цвета неонацизма, красного сталинизма до зеленого знамени «чистого ислама»). Однако объединяет все эти течения одно – ксенофобия, воинствующее нежелание воспринимать чужое, сосуществовать с ним и находить общие точки соприкосновения, а также политический максимализм и банальное человеконенавистничество (прикрываемое, впрочем, интеллектуальными конструкциями). Между тем, видеть в постсоветском антисемитизме одно лишь проявление нездоровой ксенофобии не представляется возможным. Современный антисемитизм – это не только трансляция ненависти к евреям. Это – деструктивное политическое поведение, нацеленное на фундаментальное ослабление любого государства, поскольку антисемиты расстраивают двусторонние отношения между странами, различными этническими и религиозными группами, сеют нестабильность, убивают веру в закон и право (без чего государство не может быть дееспособным).

Анализ антисемитских практик на постсоветском пространстве демонстрирует также и практический урок для российской дипломатии. У современного Российского государства и «еврейского мира» (включая в его рамки Израиль, диаспоры в бывших республиках

СССР) гораздо больше общих точек соприкосновения, чем противоречий. Разве не крайности этнического национализма и «украинизации» стали предметом публичного обращения Дмитрия Медведева к президенту Украины Виктору Ющенко летом 2009 г.? Разве не ревизионизм по отношению к истории Второй мировой войны (который повсеместно оборачивается оправданием организаторов Холокоста) волнует нынешнюю российскую элиту и российский народ, у которого осталось по сути одно объединяющее событие прошлого – победа в Великой Отечественной войне? Разве не с идеями глобального джихада борется сегодня Россия на Северном Кавказе (в то время как в других точках бывшего СССР эти же идеи обращаются против евреев)? Вот кредо исламистского «Кавказского Эмирата», заявленное его основателем Доку Умаровым: «Мы неотъемлемая часть исламской Уммы. Меня огорчает позиция тех мусульман, которые объявляют врагами только тех кафиров, которые на них напали непосредственно. При этом ищут поддержки и сочувствия у других кафиров, забывая, что *все неверные – это одна нация. Сегодня в Афганистане, Ираке, Сомали, Палестине сражаются наши братья. Все, кто напал на мусульман, где бы они ни находились, – наши враги, обиды*» (выделено нами. – С.М.)²⁰¹. Но разве не эти же взгляды транслируют сегодня исламисты в Узбекистане, Таджикистане и Киргизии, обвиняя в «еврействе» светских лидеров этих стран? Разве не были дискриминированы евреи постсоветского Туркменистана, именно как «русскоязычные»? Разве не наиболее радикальными русофобами в своей стране являются молдавские антисемиты?

Таким образом, давно пора сбросить с себя «очки» советской дипломатии эпохи «застоя» и посмотреть на новые реальности. А реальность такова: подавление антисемитизма на территории СНГ входит в число российских национальных интересов, поскольку абсолютное большинство антироссийских проектов (от украинских и прибалтийских националистов до радикальных исламистов) имеют очень сильную антисемитскую начинку. «Антисемит, – отмечает Жан-Поль Сартр, – надежно иммунизирован против логики и опыта»²⁰². Следовательно, логика и опыт, а также эмпирические знания должны быть использованы для минимизации этой опасности. В России и на всей территории бывшего СССР.

²⁰¹ Цит. по: Доку Умаров отрекся от Чечни и провозгласил Кавказский Эмират. 2007. 1 ноября // <http://news.bigmir.net/print/world/12076/>

²⁰² Сартр Ж.-П. Портрет антисемита. – М.: Азбука, 2006. С.46.

«ПЯТИДНЕВНАЯ ВОЙНА»: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ И СЛЕДСТВИЯ ²⁰³

В августе 2008 г. многолетний грузино-осетинский конфликт вылился в войну. Это вооруженное противостояние между Грузией и Южной Осетией стало третьим за семнадцать лет. Но если два предыдущих по своему характеру были локальными военными противоборствами, то «пятидневная война» стала событием международного масштаба. Достаточно сказать, что только в первые сутки войны ситуация в Южной Осетии трижды обсуждалась на заседаниях Совета Безопасности ООН. «Горячий август – 2008» серьезно изменил геополитический ландшафт не только Южного Кавказа и всего постсоветского пространства в целом: он поставил ряд фундаментальных вопросов для всего мирового сообщества. Настоящий текст является скромной попыткой понять, в чем заключаются эти вопросы и насколько они разрешимы в ближайшей перспективе.

История СССР продолжается

Драматическая (и моментами трагическая) борьба за этнополитическое самоопределение Абхазии и Южной Осетии, завершившаяся формально-правовым признанием независимости бывших грузинских автономий Россией, показала, что в истории распада Советского Союза рано ставить последнюю точку. Прекращение существования СССР как формально-юридический факт и исторический процесс распада «империи Кремля» – не одно и то же. В декабре 1991 г. с карты мира исчезло государство, занимавшее одну шестую часть суши, но процесс распада советской государственности только начался. Как нельзя сводить распад Римской империи к отречению Ромула Августула, Великую французскую революцию – к взятию Бастилии, а Октябрьскую революцию – к перевороту 25 октября (по старому стилю), так и крах СССР не сводится к свиданию в Вискулях и сессиям Верховных советов трех славянских республик по ратификации Беловежских соглашений.

Данный тезис вовсе не является красивой метафорой или публицистическим спецэффектом. Действительно, начиная с 1991 г. государство Советский Союз прекратило свое существование. Выросло уже целое поколение, которое не жило в этой стране, следовательно, не имело советской идентичности. Да и их старшие соотечественники – те, кто родился в начале 1980-х гг., – не успели вписаться в структуры советской повседневности, помня о ней больше по рассказам родителей.

Однако политическое бытие новых независимых государств оказалось на долгие годы в плену советских подходов и моделей. Союз ССР рассматривался как государство, главными субъектами которого выступают не граждане, а социалистические нации. Фактически же советское государство определило этнические группы в качестве главного субъекта политики и государственного права. Не права отдельного человека, а права наций рассматривались в качестве приоритетных. Этнические различия советских граждан при этом были закреплены на территориальной основе. А потому при распаде Советского Союза границы между новыми государствами (и сама государственность новых образований) были признаны легитимными далеко не всеми. Отсюда и многочисленные вооруженные конфликты. Первый «передел границ» был завершён в 1992-1997 гг. Сегодня создан прецедент пересмотра межреспубликанских границ как межгосударственных. С признанием Абхазии и Южной Осетии на территории бывшего СССР появились «частично признанные государства» (как Турецкая Республика Северного Кипра, Сахарская Арабская Демократическая Республика или Тайвань). Однако остаются еще два непризнанных государства – Нагорный Карабах и Приднестровье, ставшие следствиями армяно-азербайджанского конфликта, а также противоборства Молдовы и Приднестровской Молдавской Республики. Причем сами эти конфликты не нашли разрешения до сих пор. Более того, в 2007-2008 гг. в Нагорном Карабахе между армянской и азербайджанской сторонами увеличилось количество боевых столкновений и нарушений условий перемирия 1994 г. Таким образом, 26 августа 2008 г. (день, когда президент РФ Дмитрий Медведев подписал указ о признании независимости двух бывших грузинских автономий) постсоветское пространство стало другим. Беловежские принципы более не действуют, и в какой точке процесс самоопределения остановится, пока не ясно. Практически все республики бывшего СССР имеют свои сепаратистские «скелеты в шкафу». Естественно, распад любого государства происходит, в

---

²⁰³ Опубликовано в журнале «Неприкосновенный запас», 2008, № 5 (61).

первую очередь, не из-за внешнего воздействия, а в силу внутренних причин. В этой связи предвещать распад России (из-за Северного Кавказа) или Украины (из-за Крыма или Донбасса) не слишком продуктивно. Однако, признавая независимость двух грузинских автономий, Москва пошла на определенные риски. Сегодня этнический сепаратизм на Северном Кавказе переживает спад, а гораздо более серьезной угрозой выступает исламский радикализм. Вместе с тем, консервация старых – имперских по своим основам – управленческих моделей субъектами российского Юга потенциально создает определенную опасность.

Другой вопрос – обусловленность действий российского руководства. Сегодня бессмысленно спорить о том, прав или неправ был российский президент, стремительно реагируя на обращения двух палат Федерального Собрания. Единожды приняв жесткое и непопулярное внешнеполитическое решение (а оно является именно таким, поскольку не нашло отклика даже у союзников России в СНГ), государство не может отменить его без риска понести еще большие издержки, чем при его принятии. Решение от 26 августа 2008 г. исторически контекстуально. Указ Дмитрия Медведева был принят в конкретных исторических условиях, и его не следует рассматривать как вневременной акт. До тех пор, пока конфликты находились в замороженной стадии, Российская Федерация могла откладывать признание двух непризнанных республик, несмотря на многочисленные референдумы и публичные кампании в пользу такого выбора. Как только старые форматы мирного урегулирования, равно как и статус-кво, были разрушены (причем Россия подключилась к процессу «разморозки» позже, чем это начала делать Грузия), Москва выбрала путь формально-правового признания Абхазии и Южной Осетии. Как бы то ни было, процесс этнического самоопределения, запущенный с распадом СССР и сформированный самой советской моделью власти и управления, не окончен. До урегулирования этнополитических конфликтов на территории бывшего Советского Союза его распад (как исторический процесс) невозможно считать окончательно завершенным.

«Конец истории» ялтинско-потсдамского мира

«Пятидневная война» поставила точку в развитии другого процесса – на этот раз общемирового, а не евразийского масштаба. Она показала невозможность объективного, а главное, эффективного и

легитимного международного арбитража. Но это лишь следствие «конца истории» международного права. Точнее, его ялтинско-потсдамской модели. Любое международное право исторично, оно возникает как закрепление итогов определенного процесса или события глобального масштаба. Большинство экспертов и политиков говорили о кризисе международного права с момента завершения «холодной войны», объединения Германии, распада СССР и СФРЮ. Однако события 1989-1991 гг. были только «началом конца». С признанием Косова и российским ответом в виде признания Абхазии и Южной Осетии ялтинско-потсдамская модель международного права окончательно перестала существовать как легитимная и признаваемая всеми совокупность норм. Теперь отдельные центры силы могут вне общих критериев и подходов признавать или не признавать международную правосубъектность кого бы то ни было. В феврале 2008 г. часть государств, входящих в ООН, среди которых были и три постоянных члена Совета Безопасности, признала независимость бывшей сербской автономии. А в августе 2008 г. Россия – еще один постоянный член Совета Безопасности ООН, а также член «ядерного клуба» – признала суверенитет двух бывших автономий Грузии. При этом Россия демонстративно отказывается признавать Косово, а США и страны Европейского Союза даже после «горячего августа» не желают отказываться от принципа «территориальной целостности Грузии». Таким образом, общие правила, стандарты и критерии не работают. Политическая целесообразность становится главным мерилom мировой политики. Естественно, все это не вчера началось. В 1991 г. Хорватия, Словения, республики СССР были признаны в нарушение принципа территориальной целостности, в то время как основой Дейтонских соглашений 1995 г. по Боснии и Герцеговине стало «единство» бывших республик СФРЮ. Начиная с 1999 г. принцип «неделимости» бывших югославских республик стал нарушаться, венцом чего явилось признание независимости Косова. В августе 2008 г. Россия, как за полгода до того США и ЕС, заявила о себе как о новом центре силы в мире, который может по собственному почину признавать независимость тех государств, которые сочтет достойными того. «Пятидневная война» подвела черту под процессом разрушения послевоенной модели мироустройства. Организация Объединенных Наций сегодня формально функционирует, а на международное право ссылаются и США, и Российская Федерация. Однако в реальности оно превратилось в некий аналог марксистско-ленинского общественознания. В советское время с по-

мощью цитат из «классиков» можно было доказать все что угодно, порой даже взаимоисключающие тезисы. Таким образом, перед главными игроками мировой политики встает задача выработки новой модели мирового порядка. Иначе альтернативой этому будут «международные джунгли» и решающая ставка на силу. И то, что не одна Россия делает такие ставки, является слабым утешением.

Россия и Запад: «холодная война» не предвидится

Поиск новых «правил игры» гораздо важнее, чем интенсивно обсуждаемая изоляция России или ее возможная «самоизоляция». В этой связи третьим по значимости результатом «пятидневной войны» является определение «красных линий» и «пограничных ситуаций» в отношениях между Россией и Западом. Здесь необходимо обозначить ряд фундаментальных тезисов. Война в Южной Осетии засвидетельствовала, что единый Запад (единая политика Запада или «заговор Запада») – это не вполне адекватная конструкция. Она действительно удобна для описания определенной совокупности отношений между странами-членами НАТО или ЕС (или США с Европой) и Россией. Но, вместе с тем, она не отражает той сложности, которая в реальности существует в подходах ведущих, с точки зрения экономического потенциала и политического влияния, стран мира и Российской Федерации. Если исходить из социально-экономических и общественно-политических критериев, то Турция сегодня не может со всей однозначностью быть причислена к Западу. В то же время, если полагаться на военно-политические параметры, то это важнейшая часть западного мира, член НАТО, имеющий контрольный пакет в ЗАО «Черное море» и вторую по численности армию среди государств-членов альянса.

«Пятидневная война» обозначила четкие различия во взглядах ведущих акторов Запада (США, НАТО, ЕС), а также внутренние разногласия между членами одной и той же организации. Очевидны различия в подходах к нынешней кавказской геополитике у таких членов ЕС, как Франция и Литва, или среди таких членов Североатлантического альянса, как Турция и Польша. И даже внутри «новой Европы» позиции Чехии и Словакии не совпадали с подходами Эстонии, Латвии или Румынии. Для США последовательная и безусловная поддержка Грузии была обусловлена представлениями о геополитической роли Кавказа в продвижении американских национальных интересов. Для США Кавказ есть часть (и тыловая зона)

проекта «Большой Ближний Восток». Таким образом, он воспринимается как территория приложения силы, как геополитический плацдарм. В то же время для Европейского Союза Южный Кавказ – это часть Большого Черноморья, которое после вхождения в ЕС Болгарии и Румынии воспринимается уже как часть Европы. Для европейцев этот регион имеет, прежде всего, отнюдь не военно-стратегическое значение; он воспринимается как пространство для укоренения европейских ценностей, а потому в подходах единой Европы доминирует ставка на «мягкую безопасность». Отсюда и большая готовность к компромиссам и уступкам Москве, отказ от введения санкций в отношении России, стремление понять мотивы российского руководства. По итогам «пятидневной войны», Европейский Союз заметно потеснил США на Южном Кавказе. Ранее присутствие ЕС в регионе ограничивалось форматом миссии ОБСЕ в Южной Осетии (мониторинг режима прекращения огня) и посреднической деятельностью миссии специального представителя ЕС на Южном Кавказе. После «горячего августа» Европейский Союз (и особенно Франция, страна-председатель в ЕС во втором полугодии 2008 г.) сделал заявку на роль «честного брокера» в российско-грузинских отношениях. Именно Никола Саркози, вместе с российским коллегой Дмитрием Медведевым, стал соавтором мирного плана по Южной Осетии. Он же взял на себя роль посредника в переговорах между Москвой и Тбилиси по поводу вывода российских войск из внутренних регионов Грузии (Гори, Поти, Сенаки) и размещению европейских наблюдателей.

«Пятидневная война» повысила роль Турции на Кавказе. Анкара заявила о себе как о возможном арбитре и посреднике в разрешении конфликтов в регионе, в чем многие, особенно в Армении, увидели призыв «возрождения османизма». По итогам войны, в Южной Осетии была предложена «Кавказская платформа», претендующая, наряду с проектами «Новое европейское добрососедство», «Черноморская синергия» и «Большой Ближний Восток», на концептуальное региональное строительство. Практически параллельно с выдвижением этой платформы состоялся исторический визит президента Турецкой Республики Абдуллы Гюля в Ереван, что ознаменовало собой начало армяно-турецкого диалога на высшем уровне.

Гораздо более конструктивными и осторожными (в сравнении с США) подходами по отношению к России отличался, как это ни парадоксально прозвучит, и блок НАТО. Недавние события показали, что отождествлять Североатлантический альянс и Соединенные

Штаты не следует. Все заявления и генерального секретаря этой организации Яапа де Хооп Схеффера, и спонсора НАТО Джеймса Апатурая были выдержаны в гораздо более «политически корректном тоне», чем тезисы представителей американского Государственного департамента. Для сравнения приведу только два примера. Во время визита в Тбилиси 16 сентября генсек НАТО заявил, что «судить Россию» – не задача его организации. Одновременно помощник заместителя государственного секретаря США Мэттью Брайза (фактически, куратор кавказской политики нынешней администрации) призвал отказаться от сотрудничества с Россией в рамках Минской группы ОБСЕ по карабахскому урегулированию до полного выполнения плана Медведева-Саркози. Между тем, российская пропагандистская машина, не замечая позитивных сообщений со стороны НАТО (позицию по Афганистану, например), фактически, отождествила позицию всего блока (далеко не пророссийскую, но все же не столь однозначную, как подходы американцев) со взглядами лидеров США. И вообще, в августе-сентябре 2008 г. российские дипломаты и политики, вместо работы по «разделению Запада», увлеклись его излишней демонизацией, чем объективно помогли Михаилу Саакашвили, отвлекая внимание европейских политиков от агрессивных амбиций грузинского президента.

В любом случае, условный «Запад» (в лице разных стран, блоков и структур) не готов к новой «холодной войне» с Россией. Более того, в случае признания Южного Кавказа зоной «особых интересов» Москвы (что мотивировано, в первую очередь, проблемами безопасности Юга России), наша страна снизила бы свой, ныне востребованный, антивестернизм. Сегодня новая «холодная война» невозможна. И это также один из итогов «горячего августа». Между Российской Федерацией и «Западом» нет идеологических разногласий – Москва не экспортировала социализм в Южную Осетию и Абхазию и не защищала там ничьих династических интересов. Конечно, есть существенные разночтения в понимании национальных интересов, сохраняются также стереотипы и фобии прошлого. Однако есть и гораздо более серьезные вызовы: ситуация в Афганистане и Центральной Азии, проблемы Ирана и КНДР, энергетика, международный терроризм, которые требуют совместных усилий и которые в принципе неразрешимы без взаимного участия. Все это дает слабые, но все же надежды на то, что поиск общих правил мирового порядка начнется в ближайшем будущем.

30 сентября 2009 г. независимая Международная миссия по сбору фактов конфликта в Грузии опубликовала трехтомный доклад, посвященный предпосылкам и последствиям «пятидневной войны» на Южном Кавказе. Выдержки из этого документа разошлись по многочисленным СМИ и продолжают комментироваться ведущими политиками России, Грузии, европейских стран. Свое удовлетворение итогами работы миссии и выводами ее доклада высказали как российские, так и грузинские дипломаты. По словам постоянного представителя РФ при Европейском Союзе Владимира Чижова, итоговый доклад дает «недвусмысленный ответ на вопрос “кто первый начал?”». Российский дипломат также считает, что признание агрессивных действий Грузии по своей сути не что иное, как осуждение Михаила Саакашвили и его политики. В то же самое время в Тбилиси дали свою интерпретацию выводов независимой Международной миссии. «В этом заключении нигде не сказано, что войну начала Грузия», – так прокомментировал итоговый доклад Миссии один из главных тбилисских «ястребов», министр по реинтеграции Темури Якобашвили.

Нравится это кому-то или нет, но, начиная с 30 сентября нынешнего года, итоговый доклад заживет своей собственной жизнью. Понравившиеся фрагменты из этого документа будут цитироваться политиками и дипломатами разных стран для обоснования правильности «правильной позиции», тогда как «неудобные места» либо будут вовсе не замечаться, либо трактоваться как «отдельные изъяны, не влияющие на общую оценку содержательного труда». Впрочем, такова судьба практически любого доклада, сочетающего в себе черты академического исследования и политического документа.

В этой связи задача эксперта состоит в том, чтобы по возможности уйти от политизированных оценок (базирующихся исключительно на признании политической полезности того или иного пункта доклада), обрисовать внешние условия, которые сделали появление данного материала востребованным и актуальным именно «здесь и сейчас», а также разобрать его внутреннюю структуру и логику.

²⁰⁴ Опубликовано: <http://www.polit.ru/author/2009/10/06/georg.html> 6 октября 2009 г.

Начнем с того, что хотя Миссия и называется независимой, ее деятельность осуществлялась под эгидой Европейского Союза. 2 декабря 2008 г. швейцарский карьерный дипломат Хайди Тальявини была назначена на должность руководителя Миссии решением № 901 Совета Европейского Союза в соответствии со статьями Договора о ЕС. И это решение стало отражением новых реалий, сложившихся в Кавказском регионе после «пятидневной войны». До прошлого года в Европе конфликты на Кавказе называли не только «замороженными», но и «забытыми». В фокусе внимания ЕС была ситуация на Балканах (перспективы европеизации Хорватии, которые связывались с преодолением последствий хорватско-сербской войны начала 1990-х гг., признание Косово и его возможные последствия для европейской безопасности, проблемы Македонии). Кавказские государства после распада Советского Союза прошли через несколько европейских «отборочных туров» (вступление в Совет Европы, участие в работе Совета и ПАСЕ, принятие планов действий по программе «Европейское соседство», присоединение к ней). Однако более скоординированной политика ЕС в регионе стала в 2007 г., когда Европа приняла в свои ряды Болгарию и Румынию, две черноморские страны. Став черноморской организацией, ЕС начал видеть Южный Кавказ (и конфликты на его территории) как часть «Расширенного Черноморья». Однако возможности использования здесь «жесткой силы» европейцы не рассматривали. «Пятидневная война» заставила их критически оценить и собственные ресурсы, и представления о той роли, которую им надлежит играть в кавказских делах. ЕС стал претендовать на роль объективного арбитра (с учетом политической ангажированности США и России) при формировании нового статус-кво.

В самом деле, две международные Миссии – ОБСЕ и ООН – действовали по мандатам, принятым еще в период Дагомысских и Московских соглашений, соответственно, 1992 и 1994 гг., когда о российско-грузинском конфликте говорили в Тбилиси (и то не сразу и не все участники политического процесса). После августовских событий прошлого года соглашения 1992 и 1994 гг. больше не работали, старые мандаты международных организаций стали выглядеть не вполне адекватными новым реалиям. ЕС же посредством «Плана Медведева-Саркози» (который после 26 августа 2008 г. также кажется не слишком адекватным) получил доступ к разрешению конфликтов посредством размещения своих военных наблюдателей в Грузии. Миссия военных наблюдателей Европейского Союза в Грузии состоит из 240 человек и действует, начиная с октября 2008 г. Россий-

ские власти поддерживают препятствия деятельности Миссии на территориях Абхазии и Южной Осетии, в то время как ЕС последовательно добивается реализации этой возможности. ЕС включился также в переговорный процесс в Женеве (уже прошло несколько раундов). Следовательно, роль ЕС в разрешении (или запутывании?) конфликтов на Кавказе выросла. К этому добавляется и принятый в декабре 2008 г. проект «Восточное партнерство», в который были включены три государства Южного Кавказа.

В этом же контексте следует рассматривать и деятельность Миссии по сбору фактов конфликта в Грузии, приступившей к работе в декабре 2008 г. В тексте постановления о создании этой структуры недвусмысленно говорится, что «1 сентября 2008 г. Совет ЕС объявил о своей готовности обеспечить любое устремление продвинуть мирное решение конфликтов в Грузии и поддержать меры по строительству взаимного доверия. 15 сентября 2008 г. Совет ЕС поддержал идею о международном расследовании конфликта в Грузии». В декабре 2008 г. во главе такого «международного расследования» встала Хайди Тальявини и команда из 19 экспертов. Глава Миссии – опытный дипломат, имеющий практический опыт работы на Кавказе (как Северном, так и Южном). У Тальявини за плечами работа в ОБСЕ (Чечня, Грузия, разрешение конфликта в Южной Осетии) и ООН (поиск путей урегулирования грузино-абхазского конфликта). Привлеченные эксперты являются специалистами в четырех областях (международное право, военное дело, политология и история). В команде Хайди Тальявини оказались высококлассные специалисты, зарекомендовавшие себя объективными академическими и прикладными исследованиями. Так, в «политологической группе» работали известный бельгийский специалист по проблемам этнического сепаратизма, автор доклада «Федерализм и конфликт на Кавказе» Бруно Коппитерс, а также исполнительный директор британской неправительственной организации LINKS (Лондонская информационная сеть по конфликтам и государственному строительству) Деннис Саммут. В работу «исторической группы» свой вклад внесли эксперт берлинского фонда «Наука и политика» Уве Хальбах, польский кавказовед Войчех Гурецкий, а в «правовой группе» – профессор из Германии Отто Лухтерхандт.

Его (а также сотрудника «военной группы» британского полковника Кристофера Лэнгтона) грузинский министр по реинтеграции Темури Якобашвили в начале нынешнего года обвинил в связях с российским газовым монополистом. Проблема, между тем, была лишь в том, что профессор из Германии не раз отзывался о де-факто

государствах Евразии не в том ключе, который устраивал бы Тбилиси (равно и Кишинев с Баку). В сентябре 2006 г. в интервью «Deutsche Welle», рассуждая о референдуме по статусу Приднестровья, профессор Лухтерхандт заявил: «Для сравнения нужно различать международно-правовые и политические аспекты. С точки зрения международного права, например, Приднестровье и Косово находятся в сходной ситуации. В прошлом они были автономными областями в составе союзных республик СССР и Югославии – Молдавии и Сербии. После развала Советского Союза и СФРЮ Европейский Союз признал государствами лишь бывшие союзные республики обоих государств. Сепаратистские устремления и обретение фактической независимости в этих областях до сих пор не привело к признанию их международным сообществом в качестве государств». Кристофер Лэнгтон же, старый солдат (прослужил 32 года в рядах британских королевских вооруженных сил) с прямой служажки (кстати, имевшего опыт работы в Миссии ООН в Грузии) заявил в августе прошлого года о том, что «мечты Грузии разбиты, но в этом она должна винить только себя».

Помимо 19 экспертов, в составе Миссии действовала группа «старших советников» (среди которых такие известные дипломаты, как бывшие министры иностранных дел Австрии – Урсула Пласник, Польши – Адам Ротфельд и экс-министр Швейцарии Сэмюэль Шмид). Первоначально мандат Миссии определялся до 31 июля 2009 г., но впоследствии «дэдлайн» был перенесен на сентябрь. И, наконец, 30 сентября подготовленный (и согласованный) текст доклада был вынесен на публичное обсуждение. Мандат Миссии изначально определялся исключительно как «сбор фактов». Практические рекомендации не были включены в число приоритетных задач этой международной структуры. В тексте, определяющем основные компоненты мандата Миссии, четко говорится, что она «не является трибуналом». Поэтому ее задача – информирование, использование собранного материала для примирения сторон, но не жесткое вынесение оправдательных или обвинительных вердиктов. Итогом девятимесячной работы стал трехтомный доклад, в котором нашли отражение политические, правовые, исторические (хотя в этом плане нет значительных «перекосов»), военные сюжеты «пятидневной войны» и геополитического развития Южного Кавказа за период после распада СССР. И в этом смысле уже сегодня можно со всей очевидностью утверждать: любой специалист, посвятивший себя изучению этнополитического развития Кавказского региона, не сможет пройти мимо

этого документа. Отныне это – один из важнейших источников по постсоветской истории «евразийских Балкан». Первый том концентрируется на событиях «пятидневной войны», а также дает презентацию самой Миссии (характеризует ее структуру, экспертов, рассматривает географию визитов и встреч). Второй том (состоит из восьми глав) охватывает широкий спектр вопросов, начиная от взаимоотношений Грузии с РФ, ЕС, НАТО и США и заканчивая характеристикой четырех взглядов на события «горячего августа» (русский, грузинский, абхазский и югоосетинский). И, наконец, третий том продолжает тему, поднятую главой четвертой второго тома «Конфликт: взгляды сторон». Но в третьем томе даны четыре взгляда на хронологию событий, а также экспертные ответы на вопросы (также с четырех сторон). Здесь же размещены официальные документы и материалы, переданные Миссии различными сторонами.

Пересказывать содержание трехтомного доклада вряд ли имеет смысл (тем более, что в рамках одной статьи это вряд ли возможно). Полный вариант итогов расследования международной Миссии доступен в сети (он размещен на веб-сайте www.ceiiig.ch), и каждый желающий может ознакомиться с ним. Однако принципиальные выводы, важные для общей оценки выводов Миссии, хотелось бы зафиксировать.

Во-первых, авторы итогового Доклада рассматривают события прошлого года на Южном Кавказе сквозь призму международного права, гуманитарного права, а также соблюдения прав человека. Именно эта задача определяется мандатом Миссии (который был утвержден Советом ЕС). А потому такие конструкции, как «несоразмерное» или «непропорциональное» использование силы, в контексте обсуждения Доклада от 30 сентября надо рассматривать только с этой точки зрения. Конечно же, у военных экспертов другой взгляд. Он не лучше и не хуже, он базируется на другой профессиональной этике и системе ценностей. Если важно не допустить возникновения контратаки противника, то позволительно переходить «красные линии» и нарушать границы, поскольку в данной ситуации цель оправдывает средства. Но с точки зрения международного права (справедливо критикуемого сегодня всеми, но в то же время являющегося объектом поклонения политиков и юристов), существует принципиальная разница между защитой собственных миротворческих сил и военными операциями на территории независимого государства, если жизни и здоровью миротворцев ничего не угрожает. Нравится это кому-то или нет, но итоговый доклад международной Миссии базируется не на принципах политической целесообразности или

военной логике, а на принципах международного права. И сегодня можно спорить о том, насколько современная геополитика определяется правовыми нормами, а насколько – политической целесообразностью. Но в данном конкретном случае нас интересует не дискуссия вообще, а конкретный источник, написанный девятнадцатью экспертами во главе с опытным швейцарским дипломатом.

В соответствии с описанной выше логикой и выстраиваются выводы экспертов международной Миссии. Если атака на российских миротворцев в Южной Осетии рассматривается как нарушение международного права, то критикуется Тбилиси. Если выход российских военных за пределы Южной Осетии и Абхазии (Гори, Сенаки, Поти) видится как решение задач, нацеленных не на непосредственную защиту своих миротворцев, это расценивается как нарушение права со стороны РФ. И хотя с военной точки зрения занятие российскими войсками Гори было вполне оправдано (особенно учитывая ту роль, которую родина великого тирана и великого философа играла в предшествующих событиях), с международно-правовой оно выглядит сомнительным. Серьезная коллизия? Конечно. И это – также один из итогов доклада Миссии. Данный документ обозначает (на кавказском материале) серьезнейшую проблему соотношения формальных принципов и политической необходимости (даже трудно себе представить, что было бы на российском Северном Кавказе, если бы Москва сдала свои позиции в Абхазии и Южной Осетии).

Международная миссия в нескольких местах недвусмысленно говорит об ответственности Тбилиси за эскалацию насилия в Южной Осетии непосредственно в ночь с 7 на 8 августа 2009 г. «В ночь с 7 на 8 августа 2008 г. на Цхинвали была произведена грузинская атака, поддержанная артиллерией. Другие передвижения грузинских войск, нацеленные на Цхинвали и прилегающие территории, вскоре вовлекли в боевые действия Россию, абхазские и осетинские военные подразделения и вооруженные элементы». Именно такая последовательность событий «горячего августа» предлагается в итоговом докладе. Авторы доклада также утверждают, что нет доказательств заявлений властей Грузии о том, что она атаковала «сепаратистский регион», потому что Москва уже «отправила войска, чтобы аннексировать ее территории». «Не было продолжительных вооруженных атак России до того, как Грузия начала операцию» в Цхинвали, – говорится в докладе миссии. В другом фрагменте читаем: «Обстрел Цхинвали грузинскими вооруженными силами в ночь с 7 на 8 августа стал началом полномасштабного военного конфликта в Грузии, но в то же время это

была только высшая точка длительного периода нарастающей напряженности, насилия, инцидентов». Таким образом, эксперты Миссии выводят конфликт на Южном Кавказе за рамки только пяти августовских дней (о чем они также недвусмысленно пишут в первой главе второго тома, посвященного историческим предпосылкам прошлогодней трагедии). В этом контексте действия России расцениваются также критически (прежде всего, паспортизация населения Абхазии и Южной Осетии как инструмент подпитки сепаратизма). И здесь, как и прежде, мы видим серьезный зазор между правовыми соображениями и практической жизнью. С одной стороны, невозможно в одностороннем порядке обеспечивать гражданством людей на территории независимого государства. С другой стороны, после жестоких этнополитических конфликтов население двух бывших автономий Грузии, особенно абхазы (потерявшие в конфликте 1992-1993 гг. почти 4% своего населения), не видели своей будущности в составе Грузинского государства. Но без паспорта признанного государства они не могли обеспечивать свои элементарные человеческие права (свобода перемещения, право на качественное лечение и образование). Что же касается самой «пятнадцатидневной войны», то Россия обвиняется в «чрезмерном использовании» силы (именно с правовых позиций) и в том, что не смогла предотвратить этнические чистки грузинского населения. По мнению авторов доклада, российским миротворцам грузинские военные за пределами югоосетинской территории не угрожали.

Отличительной чертой доклада международной Миссии является рассмотрение событий «пятнадцатидневной войны» в широком международном контексте. И здесь чрезвычайно важно обратить внимание на сюжеты, обойденные экспертным вниманием. Речь идет, во-первых, о роли США в событиях прошлого года, а во-вторых, о взаимоотношениях официального Тбилиси и ЕС. По мнению авторов итогового доклада Миссии, американцы «не обладали достаточным знанием о военных приготовлениях грузинской стороны, несмотря на прекрасные отношения между двумя правительствами и присутствие военных советников США в Грузии. Американская администрация была удивлена масштабом военной эскалации». В то же самое время в докладе приводится такой факт: влиятельный чиновник американского Госдепартамента Мэттью Брайза (фактический куратор Южного Кавказа) 21 июля 2008 г. подверг критике российскую позицию (предложение Москвы о заключении соглашения о неприменении силы в конфликтных регионах как о предусловии для переговоров по Абхазии и Южной Осетии). С точки зрения

Брайзы, такой вопрос, как возвращение беженцев, не требовал никаких предварительных условий. Зная ту асимметрию восприятия, которая существовала (да и продолжает существовать в Грузии), трудно отбросить мысль, что такие не до конца продуманные заявления американских политиков могли быть восприняты Саакашвили и его командой как одобрение его силовых приготовлений.

Авторы доклада перечисляют те различия, которые существовали между ЕС и Грузией накануне «пятидневной войны». Это – разные оценки методов интеграции Абхазии и Южной Осетии (ЕС осуждал Тбилиси за применение силы в ходе «разморозки конфликта» в 2004 г.). При этом в грузинском нарастающем «милитаризме» авторы доклада видят одну из предпосылок для «одностороннего усиления России» в Кавказском регионе. В докладе, в частности, говорится о том, что при принятии «плана действий» по Программе Европейского соседства Грузия брала на себя обязательства по «экономической интеграции и углублению политической кооперации». Европейские эксперты описывают также ту настороженность, которая существовала в ЕС по поводу милитаризации Грузии: «Усиление вооруженных сил Грузии вызвало озабоченность в Брюсселе. Выступая на конференции в Словении 28 августа 2006 г., Европейский комиссар Бенита Ферреро-Вальднер выразила сожаление по поводу того факта, что оборонные расходы в Грузии и в Азербайджане “выросли выше крыши”, и что это не оправдано, принимая во внимание значительные финансовые потребности этих стран в образовании, здравоохранении, развитии малого бизнеса».

Таким образом, итоговый доклад международной Миссии под эгидой ЕС базируется на огромном эмпирическом материале, касающемся не только событий «пятидневной войны», но и ее предпосылок, роли внешних игроков (США, ЕС, НАТО). Он также поднимает целый ряд важных теоретико-методологических вопросов (соотношение права и реальной политики). В своих выводах авторы текста пошли по пути «разделения ответственности», отразив провалы и ошибки не только Москвы и Тбилиси, но и Запада. В конечном итоге, данный документ отходит от двухцветной гаммы в оценках прошлогодних событий, а также от философии постсоветской истории как перманентной борьбы «новых демократий» с «новой империей», что следует признать значительным успехом. Если же кто-то ожидал встретить в докладе европейских экспертов риторику Смоленской площади или Кремля, то это вопрос не к политической позиции, а к профессиональной состоятельности.

10 октября 2009 г. в швейцарском Цюрихе представители Армении и Турции подписали два принципиально важных для этих соседних стран документа: «Протокол о развитии двусторонних отношений» и «Протокол об установлении дипломатических отношений». Означает ли это факт окончания многолетней конфронтации, предполагающей закрытую сухопутную границу, дипломатические демарши, «идеологические войны» историков от политики и политиков от истории – и начало нового этапа двусторонних отношений?

С одной стороны, переоценивать значение двух документов не следует. Прежде всего, потому что мы знаем много примеров (в том числе из недавней истории), когда даже награждение сторонников компромисса нобелевскими премиями не гарантирует мирный процесс от стагнации и даже деградации. Самый яркий тому пример – ситуация на Ближнем Востоке, где на смену «духу Осло» пришли новые локальные конфликты с новыми элементами (резкая активизация Ирана в посреднических войнах против Израиля, антиизраильский альянс шиитского государства и суннитской военно-политической группировки – ХАМАС, раскол внутри палестинского движения). Менее известный пример – Кипр, где после завышенных ожиданий от возможной реализации так называемого «плана Аннана» (референдум в двух частях разделенного острова об объединении в апреле 2004 г.) наступил четырехлетний «застой» в переговорах. Но и после возобновления переговорного процесса существенных улучшений не зафиксировано. Более того, на парламентских выборах в непризнанной Турецкой Республике Северного Кипра (19 апреля 2009 г.) победу одержали националисты из правой Партии национального единства, получив при этом чуть более 44% голосов. Заметим, что в отличие от Ближнего Востока кипрский конфликт – это «замороженное» противостояние внутри Европейского Союза (так как признанная мировым сообществом Республика Кипр присоединилась к ЕС в 2004 г.).

Не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что процедура принятия документов к исполнению еще не завершена. Парламентам двух

²⁰⁵ Опубликовано: <http://www.polit.ru/author/2009/10/16/turk.html> 16 октября 2009 года.

государств предстоит процедура ратификации. И если парламент Армении, контролируемый «партией власти» (республиканцами) и ее союзниками по правительственной коалиции («Прорастающая Армения», «Оринац Еркир»), скорее всего, поддержит усилия президента Сержа Саркисяна и его команды, то турецкие депутаты могут организовать жесткую дискуссию. Для этого у них есть свои основания – такие, как отсутствие упоминания о нагорно-карабахском конфликте, а также о необходимости прогресса в разрешении армяно-азербайджанского конфликта в текстах Протоколов. В конце концов, в процессе армяно-турецкого сближения есть еще один «теневой игрок» – Азербайджан, который немало теряет оттого, что его главный стратегический союзник Турция выстроит с Ереваном качественно новые отношения, не зависящие от динамики карабахского конфликта и всего комплекса взаимоотношений между двумя бывшими республиками советского Закавказья. В самой же Турции роль защитников «азербайджанского дела» достаточно весома, чтобы попытаться повлиять на ход мирного процесса. Накануне подписания Протоколов в Цюрихе вице-премьер турецкого правительства Джемил Чичек следующим образом подчеркнул стратегическую важность азербайджано-турецких отношений: «Это не просто отношения, основанные на общих интересах. Для Турции нет ничего важнее, чем дружба с Азербайджаном».

Не следует идеализировать и ситуацию внутри Армении. В самом парламенте Саркисяну и МИД республики жестко оппонируют фракция «Наследие» и старейшая армянская партия «Дашнакцутюн» (она была правящей партией в первой независимой Армении 1918-1920 гг.). Но главный вызов нынешней власти – это не парламентские оппозиционеры, а конгломерат внепарламентской оппозиции, объединенной в рамках Армянского национального конгресса (АНК), ведомого харизматическим лидером, первым президентом Армении Леоном Тер-Петросяном. Тер-Петросян – блестящий оратор, полемист, имеющий опыт противостояния власти на улицах (он приобрел его еще во времена «перестройки», ведя борьбу за самоопределение армян Нагорного Карабаха). При этом дашнаки претендуют на «исторический бренд», на роль своеобразных хранителей «армянской традиции». Лидер же АНК пытается позиционировать себя как отец-основатель и хранитель ценностей «третьей Республики», возникшей на обломках советской Армении. Отсюда и крайне негативное отношение команды Тер-Петросяна к октябрьскому турне Сержа Саркисяна по различным зарубежным армянским общинам

(«необходимо думать в первую очередь о гражданах Республики Армения»). Объединение столь разных протестных потенциалов в конкретной «турецкой точке» может также существенным образом осложнить ход примирения двух государств.

С другой стороны, подписание двух Протоколов – это не просто значительный шаг вперед в процессе примирения Армении и Турции. Это событие, имеющее принципиальное значение хотя бы потому, что две страны берут на себя и политические, и юридические обязательства. Это уже не «футбольная дипломатия», не обмен декларациями и программными статьями и даже не «Дорожная карта», дающая только абрис мирного процесса. Это – конкретные сроки реализации заложенных в два Протокола предложений. Так, Анкара и Ереван в тексте «Протокола о развитии двусторонних отношений» «договорились открыть общую границу в течение двух месяцев после вступления в силу данного Протокола». В «Протоколе об установлении дипломатических отношений» стороны «договорились установить дипломатические отношения со дня подписания данного Протокола в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических отношениях от 1961 г., обменяться дипломатическими представительствами». Оба Протокола вступают в силу «в один и тот же день – в первый день месяца, следующего за обменом инструментами ратификации». Создание же рабочей группы под руководством двух министров иностранных дел с целью разработки механизмов работы межправительственной комиссии (и подкомиссий в ее составе) планируется через два месяца после вступления в силу «Протокола о развитии двусторонних отношений между Республикой Армения и Турецкой Республикой». Таким образом, в разговоре Еревана и Анкары меняется не только тон. Меняется сам язык этого разговора. Стороны от слов переходят к реализации задуманного и подписанного. Между тем, уже сегодня об Армении турки спорят не с армянами, а между собой. То же самое можно сказать и об Армении. Все это дает надежду на то, что записанные в Протоколах пункты начнут выполняться. Может быть, не точно в срок, определенный двумя документами, но начнут.

И здесь мы подходим, пожалуй, к самому важному сюжету темы «Армяно-турецкое сближение». Подписание в Цюрихе двух Протоколов снова подтвердило ставший уже трюизмом тезис (от этого он, правда, не теряет своей значимости) «никогда не говори никогда». Армянские и турецкие дипломаты в очередной раз доказали, что и бывшие враги могут при наличии политической воли найти общие

интересы и точки соприкосновения. Примирение двух исторических противников уже не раз имело место быть, и Армения с Турцией не открывают здесь ничего принципиально нового. На сегодняшний день существует опыт и греко-турецких отношений, и болгаро-турецких, и польско-украинских, и польско-литовских, и германо-российских, и венгерско-румынских, не говоря уже об израильско-германском примирении и превращении в ближайших союзников в ЕС таких исторических противников, как Германия и Франция. Естественно, речь не идет о примирении в духе кота Леопольда. Историческое примирение должно, прежде всего, соответствовать национальным интересам примиряющихся сторон, а также быть политически рентабельным. Примирение ради примирения вряд ли будет интересно прагматичным политикам. В этой связи чрезвычайно важно проанализировать мотивацию Еревана и Анкары, понять логику той «смены вех», которая произошла в дипломатических подходах двух соседних государств.

Ведь тот же самый президент Армении Серж Саркисян до начала армяно-турецкой «разрядки» рассматривался многими как продолжатель жесткой линии своего предшественника Роберта Кочаряна. Напомню, что Серж Саркисян занимал ключевые позиции в силовых структурах Армении (то есть, по определению, более консервативной части республиканского истеблишмента, привыкшего просто в силу профессии с подозрением относиться к соседней державе). В 1989-1993 гг. он возглавлял Комитет сил самообороны Нагорного Карабаха, в 1993-1995 и 2000-2007 гг. был министром обороны Армении, в 1995-1996 гг. возглавлял Управление национальной безопасности, а в 1996-1999 гг. – Министерство внутренних дел и безопасности. По этому впечатляющему списку видно, что перед нами отнюдь не либерал и не «голубь мира». Однако именно поэтому нынешний президент Армении гораздо лучше многих представлял себе то сложное геополитическое положение, в котором находилась его страна. Сухопутная блокада со стороны Турции, закрытая граница с Азербайджаном, неразрешенный конфликт из-за Нагорного Карабаха, два «окна в мир» – через Грузию и через Иран, ненадежные из-за многолетнего российско-грузинского и американо-иранского противостояния. При таких условиях улучшение отношений с Турцией (посредством установления дипломатических отношений и открытия 350 км. сухопутной границы) могло бы оторвать весь комплекс отношений между Анкарой и Ереваном от нагорно-карабахского конфликта, с которым он был, казалось бы, намертво

связан, начиная с 1993 г. Поскольку же и Вашингтон, и Москва обозначили свою заинтересованность в этом, армянские дипломаты попытались реализовать проект по открытию «третьего окна» в мир через Турцию. И хотя сегодня задача по полному отрыву армяно-турецких отношений от армяно-азербайджанского конфликта не решена окончательно, но показательно то, что в текстах двух Протоколов ситуация в Нагорном Карабахе не рассматривается. Следовательно, и турецкая дипломатия имеет свои резоны для улучшения отношений с соседом.

Таких резонов несколько (и все они лежат в плоскости прагматической политики). Во-первых, Турция переросла уровень «старшего брата» Азербайджана и стремится прийти на Кавказ посредством «обнуления проблем с соседями». Эта стратегия уже принесла свои плоды на ближневосточном направлении турецкой политики. «Турция заново открывает Ближний Восток». С помощью этой удачной метафоры аналитик известной Rand Corporation Стив Ларраби пытается описать те усилия, которые в последние годы предпринимает Анкара в этом крайне сложном для глобальной повестки дня регионе. В последние пять лет Анкара сделала серьезнейший прорыв в развитии двусторонних отношений с Сирией, хотя еще в начале 2000-х гг. отношения Анкары и Дамаска были «в минусах», а эксперты даже обсуждали возможные военные сценарии. В 2004 г. впервые в истории сирийский президент посетил Турцию. Сегодня же дипломаты двух стран в конструктивном ключе обсуждают такие вопросы, как разделение водных ресурсов Евфрата или противодействие курдскому движению. Это, среди прочего, сделало Дамаск намного более осторожным в подходах к признанию геноцида армян.

Во-вторых, следует отметить заинтересованность турецких региональных чиновников и бизнесменов в развитии экономических контактов с Арменией. Об этом они не раз высказывались и публично. Несколько лет назад на официальном сайте НАТО турецкий исследователь Бурджу Гюльтекин опубликовала работу под названием «Перспективы регионального сотрудничества на юго-восточных границах НАТО: развитие турецко-российского сотрудничества на Южном Кавказе». В этой работе Бурджу Гюльтекин утверждает, что турецкая политика является заложницей взаимоотношений с Азербайджаном. По ее мнению, «открытие границ может способствовать улучшению имиджа Турции в армянском обществе, вывести взаимоотношения между двумя странами из сегодняшнего кризисного положения». Таким образом, и в турецком экспертном сообществе (на-

строенном традиционно проазербайджански) не один год зрело мнение о том, что нынешняя экономическая блокада Армении не способствует региональной стабильности.

9 июля 2008 г. во влиятельном издании «Wall Street Journal Europe» вышла статья президента Армении Сержа Саркисяна с «говорящим» заголовком «We Are Ready to Talk to Turkey» («Мы готовы разговаривать с Турцией»), в которой армянский лидер справедливо констатировал, что и турки, и армяне пытаются разными способами преодолевать закрытую сухопутную границу: «Они получают выгоду от регулярных рейсов из Еревана в Стамбул и Анталию. Есть многочисленные автобусные маршруты и такси через Грузию и даже грузовики предпринимают долгие объезды, таким образом помогая торговле между нашими странами». По словам руководителя Турецко-Армянского Совета по развитию бизнеса Каана Сояка, объемом товарооборота между двумя странами (с учетом целого ряда описанных выше особенностей) составляет 100-120 млн. долларов США. Таким образом, за многие годы у армяно-турецкого примирения появились заинтересованные сторонники не только «в верхах», но и среди рядовых граждан двух государств. Без их поддержки (или хотя бы нейтральной позиции) стороны вряд ли придвинулись бы и к «Дорожной карте», и к двум Протоколам. Заметим, что такой поддержки не наблюдается в армяно-азербайджанских или российско-грузинских отношениях, а потому в этих двух случаях «мирные прорывы» пока что не просматриваются.

И последнее соображение (по порядку, но не по важности) – интерес Турции к Европе, который посредством «обнуления отношений с соседом» только усиливается.

Но как обойти такой критически важный для Армении (и армян всего мира) вопрос, как геноцид?! Точнее, проблему его признания со стороны Турции. Два Протокола дают на это определенный и в то же время не слишком ясный ответ. Это – «диалог в исторической плоскости между двумя народами, направленный на восстановление взаимного доверия, в том числе с помощью научного беспристрастного изучения исторических документов и архивов для уточнения имеющихся проблем и формулирования предложений». Этот диалог планируется развивать в формате «подкомиссии, занимающейся исторической плоскостью» (она будет работать внутри армяно-турецкой межправительственной комиссии). Трудно сказать, каким образом мнение данной комиссии разрешит многолетний спор не только ученых историков, но и политиков, рядовых граждан. Смо-

жет ли даже самая авторитетная группа из квалифицированных, политических нейтральных и объективных исследователей сломать представления турок и армян о событиях 1915 г.? И насколько вообще обоснованны разговоры про необходимость такого слома? Рискну предположить, что задача «подкомиссии историков» более скромна. Скорее всего, и армяне не перестанут настаивать на необходимости признания геноцида, и турки не признают его, но, не исключено, что будут найдены некие формулы, позволяющие всем «сохранить лицо» и согласиться на взаимное несогласие по этому вопросу.

Таким образом, примирение Армении и Турции не завершено. Более того, оно таит в себе много потенциальных вызовов, спорных точек. И недовольство мирным процессом – это не только реакция особо озабоченных националистов, но нередко искренних и любящих свои страны патриотов. На пути к примирению не исключен и регресс. Но некоторые промежуточные итоги уже сегодня имеют позитивное влияние не только на динамику двусторонних отношений. Они показывают, что у исторического примирения есть альтернативы, однако ни одна из них по своей выгоде не превосходит политические дивиденды от достижения компромисса.

Политическая ситуация в Ингушетии, самом маленьком регионе России (не считая двух городов федерального подчинения), расположенном по соседству с Чечней, в последние годы не раз оказывалась в фокусе всеобщего внимания. Только в июне 2009 г. в результате террористических атак были убиты заместитель председателя Верховного Суда Аза Газгиреева, а также Башир Аушев (занимавший в 1990-е гг. пост главы МВД республики, а затем работавший вице-премьером республиканского правительства, курировавшим силовые подразделения). 22 июня 2009 г. было совершено покушение на президента Ингушетии Юнусбека Евкурова.

Это покушение – не первый случай, когда мишенью для боевиков становится республиканский лидер. В апреле 2004 г. боевики покушались на жизнь предшественника Евкурова, второго президента Ингушетии Мурата Зязикова. Однако террористическая атака на Евкурова (как будто специально приуроченная к пятилетней годовщине рейда Шамиля Басаева на Назрань и Карабулак) выделяется в череде громких терактов и диверсий. 22 июня 2009 г. было совершено покушение на управленца, предпринявшего попытку системного изменения внутренней ситуации в Ингушетии. В случае успеха именно его (а не Рамзана Кадырова) опыт можно было бы использовать и на всем Северном Кавказе.

В статьях и выступлениях, посвященных сегодняшней ситуации в Ингушетии, нередко присутствует в открытой или латентной форме сравнение с соседней Чечней. Между тем, ситуация в Ингушетии существенным образом отличается от соседней Чечни. И это понимание чрезвычайно важно, во-первых, для адекватного осмысления сегодняшнего «ингушского вызова», а во-вторых, для формирования стратегии преодоления политической турбулентности в самой маленькой республике российского Кавказа.

Квазинезависимость

В постсоветский период в Ингушетии было реализовано две модели управления. Создателем первой был харизматический первый президент республики Руслан Аушев. Суть ее была такова: регио-

нальная власть сохраняет значительный объем преференций и автономии (самостоятельные контакты с сепаратистами в соседней Чечне, претензии на роль арбитра между непризнанной Республикой Ичкерия и федеральным центром, оффшорная зона «Ингушетия», наконец). Этот управленческий подход, по сути, превращал республику в государство в государстве, противопоставлял ее остальной России, замыкал в самой себе. Однако видеть в этом исключительно злой умысел первого лидера республики, первого генерала и героя Советского Союза среди ингушей²⁰⁷, было бы явным упрощением.

Необходимо понимать тот коридор возможностей, которые реально существовали у первого президента Ингушетии. В результате распада СССР и начала де-факто суверенизации Чечни произошел раздел некогда единой Чечено-Ингушской Республики на два образования. И если Чечня, возглавляемая Джохаром Дудаевым, объявила о создании независимого от России образования, то Ингушетия осталась в составе РФ.

При этом у нового субъекта федерации даже не было четких границ. До сих пор неизвестна точная площадь республики (в разных источниках указывается от 2,6 до 3,8 тыс. кв. км, чаще всего – 3,4-3,6 тыс. кв. км), существуют значительные расхождения в оценке численности ее населения (от 360 тыс. человек до 500 тыс. человек). В начале 1990-х гг. Ингушетия оспаривала принадлежность Пригородного района с соседней Северной Осетией (в состав которой эта территория была включена после сталинской депортации в феврале 1944 г.)²⁰⁸. И до сих пор не определена административная граница

²⁰⁷ Руслан Аушев получил свою «золотую звезду» 7 мая 1982 г. До него в годы Великой Отечественной войны на начало 1944 г. 62 ингуша уже имели звание Героя Советского Союза. Однако после сталинской депортации все указы о присвоении этого звания в отношении ингушей были отменены. Таким образом, с формальной точки зрения, будущий первый президент Ингушетии был первым Героем Советского Союза среди своих земляков.

²⁰⁸ С 1924 по 1934 гг. Пригородный район входил в состав Ингушской Автономной области (до 1924 г. – Ингушского национального округа в составе Горской АССР), с 1934 г. – в составе Чечено-Ингушской АО (с 1936 по 1944 гг. – АССР). Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., в Пригородном районе проживали 33,8 тыс. человек, из которых ингуши – 28,1 тыс. человек, русские – 3,5 тыс. человек, чеченцы – 0,4 тыс. человек. Территория района равнялась 34% всей территории пяти ингушских районов Чечено-Ингушетии. После депортации ингушей в 1944 г. эти земли были переданы Северо-Осетинской АССР. После восстановления

между Чечней и Ингушетией. Части территорий Малгобекского и Сунженского районов являются спорными между Чечней и Ингушетией. И претензии на эти земли высказывали как сепаратистские правительства непризнанной Чеченской Республики Ичкерия, так и официальные власти Чечни, признающей российскую юрисдикцию. С самого начала 1990-х гг. на республику свалилась такая проблема, как обустройство беженцев и вынужденных переселенцев. Еще накануне распада СССР в 1989-1990 гг. в Ингушетию вернулись порядка 10 тыс. человек ингушей из Казахстана, а после «ичкерийской революции» в Чечне ее покинули около 20 тыс. ингушей, перебравшихся на свою «историческую родину».

В результате же «развода» с Чечней Ингушетии предстояло попросту с нуля создавать всю властную инфраструктуру. И все это на фоне осетино-ингушского этнополитического конфликта и появления сепаратистской Чеченской Республики Ичкерии. В 1992 г. осетино-ингушское противостояние вылилось в «пятидневную войну» из-за Пригородного района, в результате которого в Ингушетии оказались 40 тыс. вынужденных переселенцев. Все это сопровождалось массовыми разочарованиями в новой демократической России (напомним, что Борис Ельцин на первых выборах президента России в июне 1991 г. получил в ингушских районах почти стопроцентную поддержку, несмотря на то, что тогдашнее руководство Чечено-Ингушской Республики выражало иное мнение). В этой связи приход к власти Руслана Аушева (он выиграл выборы 28 февраля 1993 г. на безальтернативной основе) был, во-первых, приходом «кризисного управляющего». Во-вторых, принимая во внимание все реалии, описанные выше, в своих действиях он не мог опираться на общероссийскую легитимность (которая была у Северной Осетии или Кабардино-Балкарии, чье руководство успешно противостояло попыткам разделения республики по этническому принципу). Отсюда и его ставка на «неполную независимость».

Чечено-Ингушской АССР Пригородный район остался в составе Северной Осетии. За период с 1944 по 1957 гг. был заселен осетинами. В этой связи надо отметить, что жертвами депортации были не только ингуши, но и осетины, поскольку Пригородный район заселялся также насильственно осетинами из Юго-Осетинской Автономной области (в составе Грузинской ССР). В 1960-1970-е гг. в районе произошло обновление частного жилищного фонда. Новое поколение осетин выросло уже в «своих домах», не зная другой родины, кроме Пригородного района.

С 1994 г., то есть с момента ввода российских армейских частей и подразделений внутренних войск на территорию Чечни, Ингушетия оказалась вовлеченной в военно-политическое разрешение «чеченского кризиса». На начало 2000-х гг. около 130 тыс. вынужденных переселенцев (главным образом, этнических чеченцев) оказались на ингушской территории. С самого начала первой чеченской военной кампании руководство Ингушетии высказало свою резко негативную оценку силового сценария борьбы с чеченским сепаратизмом. Президент Ингушетии Аушев предложил программу урегулирования ситуации в Чечне. Она предусматривала прекращение военных действий, проведение мирных переговоров, поэтапный вывод частей российской армии с территории Чечни, формирование коалиционного правительства Чечни. Впоследствии Аушев неоднократно инициировал подобного рода миротворческие проекты. Однако их лейтмотивом было возложение всей полноты ответственности за «чеченский кризис» на федеральный центр. Действия сепаратистов рассматривались ингушским президентом как не вполне адекватные, но вынужденные. Во время боевых действий российской армии и внутренних войск против чеченских сепаратистов Аушев не раз выступал в качестве посредника в переговорах между Москвой и ичкерийскими инсургентами. В период второй чеченской кампании миротворчество Аушева оказалось невостребованным федеральным руководством, поскольку на этот раз Москва жестко обозначила свои принципы – не вести переговоров с лидерами сепаратистов. Несмотря на неоднократные обвинения в адрес главы Ингушетии в пособничестве сепаратистам, можно констатировать, что президент Ингушетии не пошел по чеченскому пути. Ингушский руководитель управлял республикой в авторитарном стиле (в 1993-1995 гг. в республике была приостановлена деятельность всех общественно-политических организаций) и весьма способствовал политико-правовому и экономическому партикуляризму. Однако ни Аушев, ни другие политики, претендовавшие на пост главы Ингушетии, не поднимали вопрос о ее выходе из состава РФ.

Лояльность к Москве плюс дестабилизация всей республики

Вторую модель управления Ингушетией реализовал Мурат Зязиков. 28 апреля 2002 г. он был избран во втором туре президентом республики (хотя многие наблюдатели отмечали жесткое давление федерального центра по «продвижению» нужного кандидата). Сегодня в российских СМИ можно встретить утверждения о том, что Зязиков был

для республики «варягом», не представляющим себе ингушских реалий. Между тем, эта картинка не вполне адекватна. В 1992-1996 гг. Зязиков занимал пост заместителя министра безопасности и заместителя начальника Управления ФСБ по Республике Ингушетия и одновременно секретаря Совбеза республики. Занимая в 1996-2002 гг. пост заместителя начальника астраханского Управления ФСБ, он также работал в Комиссии Совета Федерации по проблемам Северного Кавказа. До своего избрания президентом Зязиков в течение месяца работал в аппарате полпреда президента в Южном федеральном округе. Таким образом, чужаком для Ингушетии Мурат Зязиков не был, однако его представления о необходимости улучшения ситуации в республике были весьма специфическими (что, впрочем, можно объяснить и профессиональным опытом). От политического фрондерства своего предшественника в период шестилетнего президентства Зязикова не осталось и следа. Более того, республика неизменно демонстрировала высокие результаты голосования за правящую партию «Единая Россия» и за президентских кандидатов от нынешней федеральной элиты (соответственно, Владимира Путина в 2004 г. и Дмитрия Медведева в 2008 г.). Однако при этом был практически свернут диалог с представителями неправительственных структур и правозащитниками. За шесть лет не было проведено ни одного Съезда народа Ингушетии (которые по сути своей являлись конгрессами гражданского общества республики).

При этом одной из наиболее мощных атак на Ингушетию за весь постсоветский период стало массированное вооруженное нападение боевиков во главе с Шамилем Басаевым на Назрань и Карабулак в ночь на 22 июня 2004 г. В результате этой акции были убиты 97 и ранены 105 человек (главным образом, сотрудники силовых структур республики). Эта акция (как бы цинично это не прозвучало) могла стать поворотным пунктом в изменении общественных настроений в Ингушетии, а также в налаживании конструктивных отношений между властью всех уровней и оппозицией. По справедливому замечанию известного правозащитника Татьяны Локшиной, в то время «население республики в большой степени мобилизовалось вокруг власти и поддерживало контртеррористические меры и, на самом деле, призывало власть делать все для того, чтобы подобное не повторилось»²⁰⁹. Однако ответные антитеррористические меро-

²⁰⁹ Цит. по: Human Rights Watch выразила обеспокоенность нарушением прав человека в Ингушетии. 2008. 25. 06. // <http://www.svobodanews.ru/content/Transcript/453450.html>

приятия, сопровождаемые нарушением закона и служебными злоупотреблениями, привели к обратным результатам. Между властью и обществом встала стена взаимного непонимания. Приведу характерный пример. 9 ноября 2007 г. в результате спецоперации по задержанию боевиков погиб шестилетний мальчик хозяина дома Рахим Амриев. Однако объективного расследования этого (и многих других подобных инцидентов) не проводилось, что создавало у ингушей представление о безнаказанности силовиков и нежелании властей понимать их проблемы. Подобные эксцессы создавали предпосылки и для роста экстремистских настроений или, как минимум, «нейтральных» (что для государства не менее опасно, чем открытый экстремальный протест). В результате антитеррористических мероприятий, проводимых вне жестких рамок российского же закона, в республике раскрутился маятник взаимного насилия. 2007 г. стал в определенной мере поворотным пунктом, когда террористические и диверсионные акты стали практически каждодневной реальностью. Только по данным республиканской прокуратуры, в 2007 г. число посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных структур увеличилось на 85% (!) по сравнению с предыдущим периодом²¹⁰.

В 2007-2008 гг. в Ингушетии было оформлено два протестных потока. Первый – это светская оппозиция (правозащитники, активисты республиканских НПО). Основой для их протеста являются эксцессы, связанные с действиями российских силовых структур, дислоцированных в Ингушетии. При этом участники этого движения действовали в рамках российского права и апеллировали к федеральной власти. Так, председатель Комитета по защите прав вынужденных переселенцев и эксперт Московской Хельсинкской группы по Северному Кавказу Асламбек Апаев направлял в сентябре 2007 и в январе 2008 гг. обращение тогдашнему президенту РФ Владимиру Путину с изложением своей позиции²¹¹.

Публичные митинги и мероприятия проводились лидерами светской оппозиции по большей части под лозунгами поддержки курса президента РФ, необходимости борьбы с коррупцией, но с критикой республиканских властей и силовых структур. Главная

²¹⁰ Ингушетия: 2007 год. Куда дальше? – М., 2008 // http://www.memo.ru/2008/02/12/1202081.htm#_ftnref1

²¹¹ См. Открытое письмо эксперта МХГ по Северному Кавказу Президенту России Владимиру Путину. 2007. 06. 09 // <http://www.demos-center.ru/news/19789.html> Правозащитники потребовали у Путина навести порядок в Ингушетии. 2008. 26. 01 // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/131236>

акция светских оппозиционеров 2008 г. – сбор подписей в поддержку первого президента Ингушетии Руслана Аушева – была обращена не к Совету Европы или к ПАСЕ, а к администрации федерального президента (именно туда были сданы собранные подписи). На Чрезвычайном съезде ингушского народа (состоялся 8 марта 2008 г.) к Владимиру Путину и его преемнику было подготовлено обращение, в котором, в частности, говорилось: «У народа Ингушетии складывается впечатление, что у центральной власти России нет никаких механизмов воздействия на ситуацию в республике. Нынешнее руководство Ингушетии, вопреки Конституции РФ и всем законодательным актам, занимается террором и бесчинством в отношении граждан – в республике процветает произвол силовых структур, коррупционеров и мздоимцев, безработица достигла крайних пределов, а чиновники из центрального аппарата утверждают о “динамичном развитии Ингушетии”»²¹².

Следует заметить также, что именно светские оппозиционеры Ингушетии обратили внимание на многочисленные факты насилия по отношению к представителям иноэтничного населения республики. В конце ноября 2007 г. было подготовлено «Открытое письмо» представителей общественности республики к президенту РФ, а также высшим должностным лицам Российского государства. Текст письма подписал 81 человек. «Шоком для всех стала серия убийств, в том числе представителей нетитульных национальностей – семей русских учителей Терехиной и Драганчук, главного врача станции переливания крови Натальи Мударовой, корейцев – отца и сына Лагай, дагестанских пастухов Булатова и Зуберова, цыганской семьи Люляковых – отца и двоих сыновей, семьи Кортиковых, Валентины Немовой, троих рабочих – Оськина В. Н., Понамарева В. Б. и Бутусова С. А., двух армянских железнодорожников – Аветисова С. А. и Хуршудяна В. С. Кем бы они ни совершались, эти преступления направлены на подрыв основ ингушской государственности, на дискредитацию ингушского народа и дестабилизацию ситуации в регионе. Эти убийства не только жестоки, но и труднообъяснимы – совершившие их не могут рассчитывать ни на что, кроме отвращения и негодования со стороны ингушей. Мы считаем, что непредвзятое расследование этих преступлений – дело чести народа Ингушетии. Мы хотим знать, кто устраивает подобные провокации в нашей

республике, какие силы пытаются расшатать ситуацию, какие политические цели они преследуют, совершая столь жестокие и бессмысленные убийства мирных людей. Преступники должны быть наказаны по всей строгости закона, кем бы они ни оказались, а правда о совершенных ими злодеяниях положит конец бродящим в народе слухам и домыслам»²¹³.

Вторым же мощным протестным потоком в середине 2000-х гг. стало радикальное исламистское подполье. Именно с его деятельностью связана активизация диверсионно-террористической деятельности. Скорее всего, исламистское подполье было причастно к покушению на третьего президента Ингушетии 22 июня 2009 г. При этом следует подчеркнуть, что мотивация радикальных исламистов различна. Среди тех, кто сегодня ведет активную вооруженную борьбу с подразделениями МВД и Министерства обороны, есть и религиозно мотивированные деятели, и представители республиканского криминалитета, использующие ислам для легитимации своей деятельности, и фрустрированные обыватели. Среди последних нередко попадают жертвы внеправовых действий «силовиков». И это – печальный факт, от которого нельзя отмахнуться. Среди причин роста экстремистского направления мы можем выделить следующие:

– утрата доверия власти,

– разочарование в этническом национализме (приход во власть в начале 1990-х гг. поборников идеи этнического самоопределения не принес решения проблем рядовых граждан, но зато вовлек республику и ее население в конфликт с соседями).

Однако два социальных движения, правозащитное и исламистское, не пересекались. Более того, правозащитники видели своим естественным союзником федеральную власть, в то время как боевиков считали вызовом не только для государства, но и для демократических ценностей.

В то же самое время у правозащитников и федеральной власти существовали серьезные расхождения во взглядах и подходах к разрешению кризиса. Для Москвы ситуация в Ингушетии рассматривалась (и рассматривается сейчас) по большей части как террористическая угроза. Таким образом, проблема в значительной степени упрощалась, сводилась к черно-белому восприятию. А потому вся программа действий Москвы нередко ограничивалась одним лишь «силовым алгоритмом» (введением режимов КТО или проведением

²¹² Цит. по: Съезд ингушского народа обратился к Путину и Медведеву. 2008.10.03 //http://grani.ru/Politics/Russia/Regions/m.134379.html

²¹³ Цит. по: Ингушетия: 2007 год...

«специальной комплексно-профилактической операции»). 9 августа 2007 г. в республику были введены дополнительные подразделения внутренних войск МВД РФ (около 2, 5 тыс. военнослужащих и несколько десятков единиц бронетехники). Тогда как и помимо этого в Ингушетии располагался (и сейчас располагается) один из наиболее сильных полков Северо-Кавказского военного округа – 503-й мотострелковый полк 58-й армии в станице Троицкой Сунженского района. Однако все эти действия Москвы не привели к заметной стабилизации. Более того, они и не могли к ним привести, поскольку не опирались на доверие населения к местной власти и силовым структурам (без чего невозможна эффективная борьба с терроризмом и экстремистской деятельностью).

Евкуров или «прерванный полет»

Эту тяжелую проблему попытался разрешить Юнус-бек Евкуров, который был назначен Дмитрием Медведевым на должность президента республики 30 октября 2008 г. Российский президент выдвинул на высший должностной пост в Ингушетии человека, сделавшего блестящую военную карьеру. В данном случае речь идет именно о практической карьере, а не успешном «паркетном продвижении» по службе. Нынешний президент республики до поступления в военное училище служил действительную службу в морской пехоте, по праву считающейся элитой вооруженных сил. Затем, окончив Рязанское десантное училище, он в 1989 г. стал офицером ВДВ. Заметим, что это было время стремительного снижения социального и политического престижа воинской службы (следовательно, для такого выбора присутствовала серьезная мотивация). Евкуров принимал участие в военных действиях на Северном Кавказе, а также имел опыт миротворческих операций в Боснии и Косово (он – участник знаменитого марша десантников на Приштину). Имея богатый военный опыт, Евкуров понимал, что доверие к армии и правоохранительным структурам невозможно без выстраивания эффективной обратной связи с гражданским обществом. В ноябре 2008 г. посредством новых кадровых назначений он вовлек во власть некоторых представителей светской оппозиции (среди них был Магомед-Сали Аушев, входивший до того в оппозиционный «альтернативный парламент» Ингушетии). Среди первых инициатив Евкурова – предложения по кадровым заменам в МВД республики (в результате происходит смена

министра). Евкуров начинает диалог с правозащитниками не только регионального, но и федерального уровня (24 декабря 2008 г. прошла его встреча с председателем Московской Хельсинкской группы Людмилой Алексеевой и Валерием Борщовым, экс-депутатом Государственной Думы, известным правозащитником).

8 января 2009 г. он подписывает указ о проведении Съезда народа Ингушетии (который в период президентства Зязикова не собирався). Сам форум состоялся 31 января нынешнего года и стал своеобразной инвентаризацией проблем, сложившихся в республике (начиная от Пригородного района и вынужденных переселенцев до противодействия экстремизму и коррупции). «Самое важное в съезде – это то, что он состоялся. За последние 6-7 лет это первое такое общественно-политическое событие в республике, где собрались не только официальные лица, но и представители общественных неправительственных организаций. Кроме того, простые люди – делегаты, выдвинутые населенными пунктами, также могли выразить свое мнение. Люди самых разных убеждений обсуждали важные вопросы, касающиеся общественного уклада в республике. Это была первая возможность вообще высказаться. Такой площадки раньше не было», – заявил руководитель правозащитной организации «МАШР» Магомед Муцольгов²¹⁴. Впервые за много лет президент Ингушетии выступил как посредник и переговорщик с представителями враждующих семей. В канун 65-й годовщины депортации ингушей Евкуров встретился с представителями «кровников» (на тот момент в состоянии «кровной мести» в республике находились 180 семей). В ходе этой встречи Евкуров заявил, что будет «продолжать работу по примирению семей»²¹⁵.

В то же самое время было бы неверным рассматривать третьего президента Ингушетии как «правозащитника на троне». Евкуров не раз публично заявлял о необходимости жесткой и последовательной борьбы с экстремистским подпольем. После убийства заместителя председателя Верховного Суда республики Азы Газгиреевой он со всей определенностью заявил: «Мы предполагаем, кто это сделал, сегодня-завтра пройдут жесткие адресные мероприятия»²¹⁶. Между

²¹⁴ Участники Съезда народа Ингушетии считают его удавшимся. 2009.01.02 // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/148943>

²¹⁵ Цит. по: В состоянии кровной мести в Ингушетии находятся 180 семей. 2009.15.02 // http://www.gazeta.ru/news/lenta/2009/02/15/n_1330938.shtml

²¹⁶ Цит. по: Убит бывший вице-премьер Ингушетии. 2009. 13. 06 // <http://www.grani.ru/Politics/Russia/Regions/m.152354.html>

тем в этой фразе заложен основной пафос евкуровской методики антитеррористической борьбы. Согласно его подходу, такие меры, должны быть адресными и проводиться исключительно в рамках закона.

К позитивным интенциям в деятельности Евкурова следует отнести и его подходы к разрешению многолетней проблемы Пригородного района. Еще в ходе работы Съезда народа Ингушетии он заявил, что «однажды нарушенное внутреннее единство наших народов (осетин и ингушей. – С.М.), восстановить очень трудно», однако необходимо «заботиться о бережном отношении к понятиям дружба народов, братство народов и максимально ограничить себя от провокационных лозунгов и высказываний»²¹⁷.

Евкуров попытался перевести столь острый вопрос в плоскость конструктивного переговорного процесса. Для этого им была создана должность фактического посла Ингушетии в Северной Осетии (представителя президента в соседней республике, которую занял Мухарбек Аушев, опытный бизнесмен и политический деятель). Республиканская власть перестала требовать возвращения района, некогда принадлежавшего Чечено-Ингушской АССР, а также отказалась от «особого режима управления» им. В то же самое время Евкуров актуализировал вопрос о возвращении вынужденных переселенцев в те села Пригородного района, в которых они проживали до конфликта 1992 г.

Однако многие из проблем, за которые взялся Евкуров, были для него непосильными, поскольку без общегосударственной поддержки они не могут быть решены принципиально. В Ингушетии отсутствуют крупные города и слабо развиты все виды социальной инфраструктуры. Здесь менее половины (42,5%) населения проживает в городах, их всего четыре: новая столица Магас с населением 285 человек (самый маленький и самый молодой город в России), единственный относительно крупный город и реальная столица Назрань (128,9 тыс. человек) и два небольших города – Малгобек (42,8 тыс. человек) и Карабулак (32,7 тыс. человек). При этом в четырех сельских районах республики насчитывается всего 37 сельских поселений, но их средняя людность исключительно высока – 7480 человек. Этот показатель в 25 раз превышает среднюю людность сельских поселений страны. Почти 3/4 населения Ингушетии проживает на

10% территории – в Сунженской долине и прилегающих участках²¹⁸. Очевидно, что весь спектр перечисленных выше проблем ресурсами маленькой дотационной республики не решаем. В особенности на фоне форсированного восстановления за счет средств федерального бюджета соседней Чечни и частично признанной Южной Осетии.

То же самое касается и стратегии антитеррористической борьбы. Без согласованных позиций по выстраиванию общей северокавказской стратегии (в которой Ингушетия будет вписана в общий контекст с Дагестаном, Чечней, западной частью Кавказа) любые «новые подходы» в отдельно взятой республике будут иметь лишь ограниченный успех.

Однако в любом случае политика третьего президента Ингушетии заслуживает особого внимания, поскольку Юнусбек Евкуров попытался вывести республику из состояния выбора между «полунезависимости с относительной стабильностью» и «сверхлояльности вкупе со сползанием в гражданский конфликт». Президент Ингушетии на практике попытался устранить и другой во многом искусственный выбор (между безопасностью и демократией). Именно такая попытка сделала его непримиримым врагом экстремистов, поскольку системное изменение социально-политической реальности лишило их моральной поддержки (гораздо удобнее агитировать в условиях неэффективной деятельности коррумпированной гражданской администрации и безадресных «зачисток» со стороны силовиков).

После покушения: поиск адекватного ответа

Июньское покушение на Евкурова ставит перед российской властью, в первую очередь, проблему адекватной реакции. В конце концов, основная проблема не в том, кто конкретно стоит за дерзким покушением на президента (а также за другими террористическими акциями). Необходимо устранять социальные основы для популярности экстремистских лозунгов. Как справедливо отмечает российский востоковед Алексей Малашенко, адепты радикального исламизма «поступают в соответствии с собственной логикой (а не в соответствии с правозащитными увещеваниями. – С.М.), чувствуя за

²¹⁷ Цит. по: Съезд народа Ингушетии призвал Северную Осетию и Чечню укреплять мир. 2009. 03.02 //http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/syezd_itogi

²¹⁸ Статистические данные взяты из доклада «Республика Ингушетия: социальный портрет проблемного региона» //http://www.kavkaz-uzel.ru/reginfotext/reginfo/id/940908.html

собой если не поддержку, то симпатию значительной части общества. Они прекрасно умеют пользоваться лозунгами социальной справедливости, критиковать коррупцию, жуликоватость официального духовенства. И все это подавать в ясной и понятной религиозной оболочке»²¹⁹. А потому главной проблемой является минимизация «жуликоватости» и коррупции, а не ввод новых подразделений армии и внутренних войск (которых и без того достаточно). Скорее всего, экстремисты ждут гипертрофированно жесткой реакции Кремля. Более того, они готовы извлекать дивиденды из этой ситуации (учитывая и отмеченные выше «сопутствующие факторы»).

Терроризм не сможет быть эффективным, если политические силы, использующие его как инструмент, будут лишены моральной легитимности. Можно вводить сотни КТО, но «мнение народное» (как метко определил эту силу Пушкин в «Борисе Годунове») переломает лучшие силовые структуры. Не сразу (поскольку терроризм – оружие слабых в том смысле, что у террористов нет ресурсов для фронтальной атаки на ядерную державу), но спустя годы. А для лишения врагов государства моральной легитимности сама держава должна выглядеть более пристойно. Только в этом случае недовольные пойдут вместе с властью против террористов, а не будут рассматривать их как «меньшее зло». Национальный интерес в государстве должен быть выше конъюнктурного пиара (когда ради популярности можно пренебречь реальными оценками ситуации в проблемном регионе).

Кроме того, терроризм нужно сделать политически и экономически нерациональным. В этой связи население Ингушетии и всего Северного Кавказа должно ощутить выгоду от поддержки и защиты России. Если оно этого не увидит (а, напротив, увидит нарушение российских же законов и местной, и федеральной властью), то их симпатии вполне рационально (а не по причине приезда проповедников экстремизма из Пакистана или Саудовской Аравии) будут на стороне, как минимум, оппонентов власти. И здесь самое главное условие. Любая антитеррористическая работа должна быть, в первую очередь, заботой о стране, а не о сохранении выгодных отдельным личностям административно-бюрократических рент. Известный российский историк и общественный деятель Сергей Сватиков (вынужденный в 1920-1942 гг. прожить в эмиграции) в своем актуальном и сегодня исследовании «Русский политический сыск за грани-

цею» (увидело свет в 1918 г. на «белом Юге»), подводя исторический итог работы царских «рыцарей плаща и кинжала», написал: «Боязнь за неприкосновенность личности и за жизнь правящих, боязнь террора преобладала над боязнью за старый порядок»²²⁰.

Следовательно, для того, чтобы нынешняя Россия, как ее великая предшественница Российская империя, «не слиняла за три дня», государственный порядок надо любить больше, чем начальство. Бояться же надо не конкретных террористов-исполнителей (которые лишь инструмент в руках, пославших их), но той социальной реальности, которая их порождает, делает кумирами толпы (иногда скрыто, а иногда и открыто). Как верно отмечает известный российский этнополитолог Тимур Музаев, «силовые методы эффективны только во время открытого вооруженного противостояния. В условиях идеологической, политической борьбы эти методы не только бесполезны, они, может быть, даже вредны для самих федеральных властей. Здесь нужны, скорее, меры политические, социально-экономические, но и они бесполезны без реального изменения ситуации на Северном Кавказе. Ряды незаконных вооруженных формирований на Северном Кавказе пополняются далеко не всегда в результате религиозного фактора. Как показывают исследования, есть группы людей, которые готовы к открытому сопротивлению власти, но это не связано с какой-то ваххабитской идеологией и с каким-то единым координирующим центром. Это, скорее, люди, поставленные в безвыходное положение. Очень много молодежи, не находящей себе места в той социальной структуре, которая существует в республиках Северного Кавказа»²²¹.

Наверное, говорить о полном элиминировании силовых методов не представляется возможным. Но они не могут быть единственными в арсенале средств. Между тем, именно описанная выше реальность делает востребованным и экстремистский сепаратизм, и радикальный ислам, то есть те идеологии, которые практикуют такой инструмент, как терроризм. Чтобы успешно выигрывать идеологическую конкуренцию с теоретиками и практиками наси-

---

²²⁰ Сватиков С. Г. Русский политический сыск за границу (По документам Парижского архива заграничной Агентуры Департамента полиции). – Ростов н/Д., 1918. С.70.

²²¹ Цит. по: Броне В., Кусов О. Война после полной победы. 2009, 22 апреля // <http://www.svobodanews.ru/content/article/1613815.html>

---

²¹⁹ Малащенко А. В. Ислам для России. – М.: РОССПЭН, 2007. С.7.

лия, нужно менять окружающую действительность. И не с помощью не вполне юридически корректных механизмов, а с помощью институционализации государства.

Таким образом, покушение на президента Евкурова ставит перед федеральной властью вопрос о трансформации управления всем Северным Кавказом. Принятие жестких мер по борьбе с радикальным исламизмом необходимо. Здесь двух мнений быть не может. Как не должно быть двух мнений относительно того, что эта бескомпромиссная борьба должна вестись по правилам, цивилизованно и в правовых рамках. Именно этим качеством она отличается от бакаевских приемов. Защита прав человека и «диктатура закона» не противоречат друг другу, а помогают жесткой борьбе с экстремизмом и терроризмом. В конечном итоге они помогают созданию сильного и ответственного перед своими гражданами государства.

«РУССКИЙ ВОПРОС» В СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ ИЗМЕРЕНИИ ²²²

«Русский вопрос» на Кавказе: новая актуализация

Серия трагических событий в Ингушетии в 2006-2007 гг. снова актуализировала «русский вопрос» на Северном Кавказе²²³. К сожалению, проблемы русских в одном из самых сложных регионов России остаются сегодня вне фокуса внимания. Отечественные правозащитники, как правило, весьма чувствительные к проявлениям ксенофобии этнического большинства в российских мегаполисах, практически не заметили трагедии в станице Орджоникидзевская в июле 2007 г. Эта трагедия, в отличие от эксцессов в Ставрополе и Кондопоге, не стала предметом оживленных дискуссий и споров. Впрочем, в начале 1990-х гг. российские правозащитники фактически «просмотрели» выдавливание русского населения из Чечни, Ингушетии, других северокавказских субъектов федерации.

Два года назад в одном из интервью Лидия Графова, председатель Форума переселенческих организаций (влиятельной российской правозащитной структуры, занимающейся проблемами беженцев и временно перемещенных лиц начиная с 1990 г.), сделала очень непростое признание: «Мы виноваты перед русскими беженцами из Чечни. Мы – это в целом правозащитное движение. Именно с нашей подачи общественное сострадание замкнулось только

---

²²² Опубликовано в журнале «Свободная мысль», 2007, № 9.

²²³ Летом 2006 г. от нападений и поджогов пострадали более десяти русских семей на территории Республики Ингушетия, убита заместитель главы администрации Сунженского района Галина Губина (которая занималась программой возвращения русских в республику). В ночь на 16 июля 2007 г. в центре станицы Орджоникидзевская Сунженского района было совершено убийство 55-летней учительницы Людмилы Терехиной и двух ее детей. Во время похорон жертв этого злодейского убийства 18 июля 2007 г. произошел взрыв, ранения получили более десяти человек. В 2004 г. правительство Ингушетии начало реализовывать специальную программу по возвращению русскоязычного населения, которое вынуждено было покинуть республику в начале 1990-х гг. Однако за последние годы в республику вернулись около 500 человек.

на чеченцев. Это, наверное, заскок демократии – поддерживать меньшинство даже ценой дискриминации большинства... И я должна признаться – мы искренне считали, что должны отдавать предпочтение им перед русскими. Потому что чувствовали перед ними историческую вину за депортацию. Большинство правозащитников до сих пор придерживаются этого мнения. Лично у меня постепенно чувство вины перед русскими перевесило. Я была в Чечне 8 раз, и с каждой поездкой мне становилось за них все больнее. Окончательно меня сразила одна старушка, которая сидела на табуретке посреди улицы. Когда она увидела меня, то достала из-за пазухи чайную ложечку из синего стекла и с гордостью сказала: «Моя!» Это все, что у нее осталось»²²⁴.

Если же говорить о представителях российского «патриотического движения», то их отношение к «русскому вопросу» на Северном Кавказе можно определить следующей формулой: «Много слов и бравады – мало конкретных дел». Увы, но за весь постсоветский период те политики и общественные деятели, которые позиционировали себя как защитники «русского дела», так не сделали ничего реального для помощи тем, кто не по своей воле оказался вынужденным оставить места своего проживания. Ни программ социальной реабилитации и социальной адаптации, ни эффективного правового консультирования для «кавказских русских» на уровне гражданского общества сделано не было. Вся помощь им была ограничена ура-патриотической пропагандой в печати (с очень сильным расистским душком) и выдвиганием нереалистичных проектов (типа создания Терской казачьей области на территории северокавказских национально-государственных образований). Что же касается государства, то российские власти (как в начале 1990-х гг., так и сегодня) предпочитают хранить молчание по данному вопросу, поскольку в ином случае придется признавать собственные провалы и ошибки, а также расписываться в собственном бессилии или же некомпетентности.

Между тем, «русский вопрос» на Северном Кавказе требует не разговора для «проформы», а содержательного обсуждения, которое могло бы иметь как академическую пользу (проблема недостаточно изучена современными политологами), так и прикладное значение (сегодня многие интеллектуалы и политики в регионе считают русских необходимым «интернационализирующим» и «модернизирующим» элементом).

«Русский вопрос» на Северном Кавказе имеет два «измерения» – политическое и гуманитарное. Главное отличие «русского вопроса» от других этнополитических проблем региона заключается в том, что два его «измерения» разнесены друг от друга по времени. Они имеют четкую хронологическую привязку. «Русский вопрос» на Кавказе прошел свою «политическую» фазу в начале 1990-х гг., перейдя к середине 1990-х в фазу «гуманитарную».

Сегодня в российских средствах массовой информации (особенно в так называемых «русских регионах» Южного федерального округа) принято писать о том, что русские стали в массовом порядке покидать республики Северного Кавказа в конце 1980-х гг., а к середине 1990-х гг. их выезд превратился в фактическое бегство. На первый взгляд, против данного тезиса невозможно спорить. Эмпирические данные говорят о количественной «дерусификации» региона. В межпереписной период (1989-2002 гг.) только количество русского населения Адыгеи осталось практически на том же уровне, что были до распада СССР (в 1989 г. – 447 тыс. человек, в 2002 г. – 445 тыс. человек). В Северной Осетии (которую считают, в том числе и на официальном уровне, российским форпостом) русское население значительно сократилось (в 1989 г. русские составляли 29,9% населения республики, а в 2002 г. их количество стало равняться 23,4%). Одними из самых «дерусифицированных» республик Северного Кавказа являются Ингушетия и Чечня. В Ингушетии в межпереписной период (1989-2002 гг.) численность русских сократилась в 6,5 раз. Между тем, по данным Всесоюзной переписи 1989 г., на территории Сунженского района проживали 19,3 тыс. русских (31,1% населения района) в то время как ингушей – 26,6 тыс. (42,9%), а чеченцев – 13,3 тыс. (21,5%)²²⁵.

Начиная с 1991 г., Чечню покинули более 200 тыс. представителей русского этноса. В столице Чечни Грозном, по данным на 2005 г., русских осталось всего 500 человек (не считая чиновников). В Кабардино-Балкарии, начиная с 1992 г., число выезжающих русских неизменно стало превышать количество новоприбывших. В 1993 г. республику покинули 17 252 человека, в 1994 г. – 15 094 человека, а в 1995 г. – 14 951 человек. В межпереписной период в Карачаево-Черкесии русские из первой по численности этнической группы (42% населения в 1989 г.) стали второй (33,6% в 2002 г., для

²²⁴ Цит. по: Соколов-Митрич Д. Забытый геноцид //Изнестия. 2005, 1 февраля.

²²⁵ Маркедонов С.М. Этнонациональный и религиозный фактор в общественно-политических процессах Кавказского региона. – М., 2005. С. 42-69.

сравнения, количество карачаевцев в 2002 г. стало 38,4%). В Дагестане русское население сократилось на половину (10% населения в 1989 г. и 5% – в 2002 г.)²²⁶.

Однако ограничить рассмотрение динамики «русского вопроса» одними лишь количественными параметрами было бы, по крайней мере, некорректно. Требуются объяснения причин, почему русские Северного Кавказа перестали связывать свои перспективы с этим регионом. И объяснения, выдержанные не в эмоциональном тоне и не в рамках дискурса «наших бьют». Более того, принять безоговорочно тезис о массовом безоглядном «бегстве» русских с Северного Кавказа означало бы согласиться с другой, по крайней мере, спорной, мыслью об имманентной пассивности и долготерпении русского народа. Между тем, русские на Северном Кавказе вовсе не были пассивными созерцателями, ожидавшими решения собственной участи в кабинетах республиканских властей и на многочисленных митингах. В начале 1990-х гг. было предпринято немало попыток сформировать русское политическое движение на Северном Кавказе как реакцию на распад Советского Союза, «парад суверенитетов», рост этнического национализма.

Серьезный и содержательный анализ динамики «русского вопроса» вовсе не означает призывов игнорировать и многочисленные факты дискриминации по отношению к русским на Северном Кавказе, и случаи нарушения их гражданских и политических прав. Наша задача – дать ответ на вопрос, почему «русский проект» в регионе не стал серьезным и, самое главное, конструктивным и стабилизирующим фактором развития.

Русские на Кавказе в новейший период: история без заблуждений

Прежде всего, нам следует отказаться от некоторых не вполне корректных оценок. Наиболее распространенным заблуждением (тиражируемым из публикации в публикацию) является представление о том, что «исход русских» из республик Северного Кавказа начался после 1985 г. Между тем, русские стали покидать Кавказ еще до гор-

²²⁶ Дзадзиев А. Б. Демографические процессы в республиках Северного Кавказа в межпереписной период 1989–2002 г.г. //Бюллетень Владикавказского Института управления. 2003. № 10.

бачевской «перестройки». В 1970-е гг. численность русских в Чечено-Ингушетии сократилась на 8,4% (в городах на 4,4%, а в сельской местности – на 19,6%). Таким образом, республику еще до начала разного рода «контртеррористических» операций покинули почти 100 тыс. человек (с 1959 по 1989 гг.). С конца 1970-х гг. наметился отток русского населения из КБР (с 1979 по 1989 гг. удельный вес русских сократился с 35,1 до 32%). Это объясняется несколькими причинами²²⁷. Во-первых, «национализацией коммунизма» в республиках и автономиях тогдашнего СССР. До 1980-х – начала 1990-х гг. партийное и советское руководство в республиках Северного Кавказа было сосредоточено, главным образом, в руках «русских кадров». Однако второй и третий эшелоны партхозноменклатуры активно замещались «национальными кадрами». Известный исследователь истории Чечни XX столетия Жабраил (Джабраил) Гакаев говорит о формировании чеченской «постдепартационной» номенклатуры в 1960-1970-е гг.²²⁸ Процесс «национализации» затронул и интеллектуальную элиту. В двух вузах города Грозный (Нефтяном институте и университете имени Л. Н.Толстого) в 1970-е гг. обучались 12 тыс. студентов. Кстати сказать, с 1957 г. (то есть времени восстановления упраздненной Сталиным Чечено-Ингушской АССР) по 1975 г. численность чеченцев с высшим образованием выросла в 70 раз!²²⁹ К 1970-м гг. «в Кабардино-Балкарии функционировало 8 научно-учебных и исследовательских структур (около 900 научных работников), в Северной Осетии – 12 (более 2 тыс. чел.), в Чечено-Ингушетии – более 10 (около 2 тыс. чел.), и наконец, в Дагестане, располагавшем самой разветвленной научной инфраструктурой в пределах Северного Кавказа, более 20 (свыше 2 тыс. научных работников)»²³⁰.

При этом наряду с получением высшего образования новые интеллектуалы быстро усваивали и националистические воззрения (которые было довольно удобно прятать под марксистско-ленинской фразеологией о «национально-освободительной борьбе» против «России-тюрьмы народов», а также о борьбе «народов Кавказа про-

²²⁷ Белозеров В. С. Этническая картина Северного Кавказа. – М.: ОГИ. С. 227.

²²⁸ Гакаев Ж. Ж. Очерки политической истории Чечни (XX век): В 2 ч. – М., 1997.

²²⁹ Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. – М.: Наука, 2001. С. 106.

²³⁰ Розин М.Д. Научный комплекс Северного Кавказа. – Ростов-на-Д., 2000. С. 96.

тив белоказачества» в годы гражданской войны). Достаточно вспомнить, что в период конца 1980-х – начала 1990-х гг. интеллектуальными вожаками этнонационалистических движений Кавказа стали студенты и аспиранты гуманитарных факультетов «застойного периода». Конфедерацию горских народов Кавказа возглавил экспреподаватель научного коммунизма Юрий (Муса) Шанибов. Идеологом сепаратистского движения в Чечне стал поэт Зелимхан Яндарбиев, выпускник филфака университета им. Л.Н.Толстого. Одним из лидеров карачаевского движения «Джамагат» стал преподаватель философии Казбек Чомаев.

Некоторые негативные тенденции сам Кремль «застойных лет» и провоцировал. Среди них «приватизация власти» региональными национал-коммунистическими элитами, стремление националистически настроенной интеллигенции к государственному самоопределению. Преференциальная национальная политика «партии и правительства», с одной стороны, формировала предикаты национальных государств (в форме ЦК республиканских компартий и обкомов автономий), а с другой – воспитывала их будущих идеологов (посредством создания льготных условий для «национальных кадров»). В период «перестройки» и политической либерализации середины 1980-х гг. национальная партхозноменклатура начала конвертацию «пролетарского интернационализма» в этнонационализм и собственность. Уже в 1985 г. при проверке Адыгейского обкома КПСС по линии «партийного контроля» обнаружилось, что руководство Адыгейской АО Краснодарского края сосредоточило в высших эшелонах области до 80% представителей «титულიной нации»²³¹. О восприятии этого процесса массами прекрасно написал упомянутый нами выше Жабраил (Джабраил) Гакаев: «Избрание Д [оку]. Завгаева первым секретарем обкома (Чечено-Ингушского. – С.М.) КПСС было воспринято как победа национально-патриотических сил и отмечалось как народный праздник»²³². Естественно, подобного рода «праздники» не могли не сказаться на настроениях «русской улицы».

Кроме того, выезд русского населения за пределы Северного Кавказа был детерминирован процессами сложной интерпретации (не столько официальной, сколько «повседневной») сталинских де-

портаций и реабилитации «наказанных народов». При этом необходимо вести речь об интерпретациях с двух сторон. По справедливому замечанию российского исследователя Дмитрия Фурмана, «...до конца советской эпохи чеченцы оставались для советской власти народом “неблагонадежным” и “подозрительным” (это естественно – после того, как ты причинил кому-то много зла, доверять ему ты уже не можешь). И не только в глазах власти. Память о бесконечном сопротивлении российскому колониализму, на которую наложились выдвинутые сталинской пропагандой для оправдания депортации обвинения в том, что “чеченцы помогали Гитлеру”, делали образ чеченца и в глазах рядового русского несколько страшноватым и зловещим. В конце концов, строку Лермонтова о “злом чечене, ползущем на берег” знал практически каждый русский школьник»²³³. Естественно, сами сталинские «великие переселения народов» рассматривались на Кавказе как «дело Москвы» безотносительно к тому, как этот процесс замыслился и реализовывался на самом деле.

Также важным фактором «дерусификации» региона стало формирование «раннекапиталистических отношений» в рамках советской командно-административной экономики (подпольный характер которых обеспечивал преимущества кланово-родственным структурам). По справедливому замечанию грузинского социолога Георгия Нижарадзе, «советская теневая экономика – порождение советской дефицитной экономики. Ей чужд главный регулятор экономики рыночной – конкуренция. Соответственно “советский капиталист” или комбинатор, совершенно лишен характерных свойств западного предпринимателя, из его системы ценностей заведомо исключается понятие “честного бизнеса”. Ввиду того, что любая коммерческая деятельность является незаконной, каждый вовлеченный в нее человек автоматически попадал в категорию “нечестных”»²³⁴. Поскольку же формальные принципы (членство в КПСС, ВЛКСМ или профсоюзах) в организации «теневого капитализма» не работали (а, напротив, им препятствовали), оставалось уповать на другие факторы (клановый, этнический). По словам Георгия Дерлугьяна, «на менее индустриализованном и соответственно менее советском Кавказе теневые капиталисты возникли задолго до распада СССР и давно

²³¹ Денисова Г. С., Уланов В. П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. – Ростов н/Д., 2003. С.148.

²³² Гакаев Д. Ж. Путь к чеченской революции // Чечня и Россия: общества и государства. – М., 1999.

²³³ Фурман Д. Е. Самый трудный народ для России (введение) // Чечня и Россия: общества и государства. – М., 1999.

²³⁴ Нижарадзе Г. Мы-грузины // Защита будущего. Кавказ в поисках мира. – М.: Глагол, 2000. С. 124.

срослись с местными властями, помогая бюрократии конвертировать ее административную власть в денежное богатство и осязаемые материальные блага. Этничность играла в этой системе стержневую роль – во-первых, распределение управленческих должностей происходило в соответствии с советской национальной политикой (в Чечено-Ингушетии этот принцип нарушался местной номенклатурой); во-вторых, коррупция требует скрытности и взаимных обязательств, что намного легче достигается внутри своего этнического круга»²³⁵.

Таким образом, еще задолго до «перестройки» «русский вопрос» оказался в «повестке дня». Однако КПСС, прикрываясь официальными мифологемами о «дружбе народов» и «интернационализме», не пыталась не то чтобы понять, а хотя бы проанализировать этот политический вызов. Например, массовые выступления русских в Грозном в августе 1958 г. были интерпретированы как проявления «контрреволюционности» и «великодержавного шовинизма». В ходе судебных разбирательств были осуждены 91 участник акции. Официальная власть ни на уровне ЦК, ни на уровне обкома КПСС не попыталась дать строгий объективный анализ сложившейся ситуации, ограничившись повторением хорошо знакомых пропагандистских клише»²³⁶.

«Русский проект» vs. «парад суверенитетов»

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в условиях политической либерализации «русское движение» на Северном Кавказе стало одним из проявлений процесса этнонационального «возрождения». Практически во всех республиках региона активисты «русского движения» пытались найти свою альтернативу новым политическим и социально-экономическим реалиям. Во время борьбы за «суверенизацию» Адыгеи депутаты майкопского городского совета, а также районных советов Майкопского и Гиагинского районов активно выступали против выхода тогдашней Адыгейской АО из состава Краснодарского края, а также против утверждения так называемого «паритета»

²³⁵ Дерлугьян Г. Чеченская революция и чеченская история // Чечня и Россия: общества и государства. – М., 1999.

²³⁶ Подробно о массовых выступлениях 23–28 августа 1958 г. в Грозном см.: Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999.

(пропорционального представительства в республиканском парламенте адыгейцев и «всех остальных»). В начале 1990-х гг. неокказачье движение в Сунженском районе тогдашней Чечено-Ингушетии объявило свои права на спорный Пригородный район. Оно обосновывало свои претензии необходимостью восстановления справедливости, нарушенной большевистской политикой «расказачивания»²³⁷. Более того, неокказачьи выступали за воссоздание Сунженского округа как «автономной административной единицы» (существовавшей в 1921–1928 гг.). Однако значительной политической роли неокказачье движение в Чечено-Ингушетии не сыграло. Убийство атамана Сунженского отдела Терского казачьего войска Александра Подколзина (7 апреля 1991 г.), а также столкновения между ингушами и казаками в ст. Троицкая Сунженского района тогдашней Чечено-Ингушетии (27–28 апреля 1991 г.) способствовали не политической активизации, а выезду русского населения за пределы Ингушетии. В результате столкновения в ст. Троицкой были убиты 5 человек, 53 получили ранения. В 1992 г. неокказачьи поддержали руководство Северной Осетии в его конфликте с Ингушетией. В Карачаево-Черкесии (КЧР)

²³⁷ Для характеристики современного казачьего движения мы используем термин «неокказачество». Использование его представляется нам правомерным по нескольким причинам:

- между «историческим» казачеством и движением за его «возрождение» прошел период почти семидесятилетнего «перерыва»;
- казачество как интегрированный социум (паттерн для «возрождения») прекратил свое существование на территории России в 1920 г. после ликвидации казачьего сословия и казачьих войсковых структур и территориальных образований;
- «историческое» казачество претерпело значительные изменения, вызванные как последствиями революций, гражданской войны, эмиграции (1917–1920 гг.), так и большевистской политикой расказачивания и коллективизации. Оно утратило свои имманентные социальные, экономические, политические, военно-полицейские функции;
- исходный социум оказался «разбросанным» практически по всем социальным группам советского общества (рабочие, колхозное крестьянство, интеллигенция, военнослужащие);
- единственной основой для идентификации потомков казаков Российской империи как представителей казачества осталась «мобилизованная память». Подробнее о неокказачьем движении Юга России см. нашу работу: Маркедонов С. М. Неокказачество Дона, Кубани и Ставрополя как социально-политический феномен постсоветской России //Кавказский сборник. – М., Т. № 2 (34). С. 230–258.

представители «русского движения» выступили наиболее активно. Они даже провозгласили самостоятельные «казачьи республики». По словам атамана Баталпашинского отдела Всекубанского казачьего войска (на сентябрь 2004 г.) Павла Запорожца, провозглашение казачьих республик стало ответом на «парад суверенитетов» национально-государственных образований²³⁸.

В августе 1991 г. в местах компактного проживания русских был проведен опрос населения о создании казачьей республики, и почти 65% опрошенных ответили положительно. 10 августа в Черкесске была провозглашена Баталпашинская республика, а 17 августа 1991 г. была провозглашена Зеленчукско-Урупская республика (на территории Зеленчукского и Урупского районов). В декабре 1991 г. казачий круг даже провозгласил восстановление Баталпашинского отдела в границах 1917 г. (тогда этот отдел входил в состав Кубанского казачьего войска). Впоследствии в Зеленчукском районе в течение полугода продолжалось двоевластие (атаман, избранный казачьим кругом, и назначенный официальной властью Карачаево-Черкесии глава местной администрации). Таким образом, на территории КЧР в течение полугода действовало «непризнанное государство». Вопрос о присоединении Урупского и Зеленчукского районов к Краснодарскому краю даже рассматривался на заседаниях крайсовета Кубани, но был отложен с формулировкой «вернуться к рассмотрению вопроса» в случае обострения межэтнической напряженности. По словам одного из лидеров неказачьего движения в КЧР Николая Ляшенко, активисты русского движения в КЧР «объявили Зеленчукско-Урупскую казачью республику. Создали свое правительство, свой Верховный Совет. Я лично возил эти документы в Верховный Совет, встречался с Хасбулатовым, с Ельциным... С кем мы только не встречались. И все, все спустили на тормозах»²³⁹.

В Кабардино-Балкарии в самом начале 1990-х гг. активисты «русского движения» выступали за «сецессию» районов с компактным проживанием русских (Майский и Прохладненский районы). В 1993 г. лидеры «русского движения» Кизлярского и Тарумовского районов не раз обращались к властям Дагестана с просьбой восста-

новить казачье самоуправление в двух северодагестанских районах, а также прекратить миграцию горцев. В июне 1993 г. неказачьи Кизлярщины обратились к российской федеральной власти с просьбой о создании отдельного национально-государственного образования на Севере Дагестана. Кизлярский горсовет выдвинул инициативу о придании двум северодагестанским районам «полномочий особой социально-экономической зоны с учетом реабилитации казачества и возрождения его традиционных методов хозяйствования». Перечисленные выше факты (и это еще далеко не все) вовсе не формируют картину тотальной пассивности среди русского населения региона. А впереди еще будут попытки укрепления неказачьих структур, лоббирования идеи создания особого субъекта РФ – Терской области (особенно эта идея становилась популярной с началом чеченских военных кампаний в 1994 и 1999 гг.).

Вместе с тем, следует признать, что нигде на Северном Кавказе не получилось «второго Приднестровья», а «русские проекты» (начиная от казачьих республик и заканчивая попытками создания миграционных «кордонов») не увенчались успехом. Выезд русского населения из республик Кавказа к середине 1990-х гг. значительно интенсифицировался. В 2002 г. из 89 пунктов Кизлярского района (где к 1989 г. они составляли порядка 50%) русские не проживали в 22, из 24 пунктов Тарумовского района русских не было в 5, в 12 их численность была незначительна²⁴⁰.

С этого же времени как политический проект «русское движение» на Кавказе стало достоянием истории. Весьма показательно в этом плане изменение политического языка представителей «русского движения» на Кавказе. Язык требований был полностью вытеснен языком просьб и прошений. Красноречиво свидетельствует об этом Обращение жителей станицы Ассиновская Сунженского района президенту России Борису Ельцину, подготовленное в мае 1994 г.:

«В течение двух последних лет с приходом чеченской полиции на территорию ст. Ассиновской царит полнейший разбой, грабеж, нет общественного порядка, полный произвол, безвластие, бесконтрольность... Два года тому назад русское население казачьей станицы было 7 тыс. 200 человек, а в настоящее время русского населения осталось 2 тыс. 400 человек. За эти два года те, кто имел возможность, покинули родные места, а оставшаяся часть населения не имеет материальной возможности выехать, и над оставшимся насе-

²³⁸ Интервью с Запорожцем П. П. (Карачаево-Черкесская Республика, г. Черкесск, 2004, 21 сентября).

²³⁹ Цит. по Матвеев О. В. Народы Северного Кавказа в исторической картине мира кубанского казачества //Кавказский сборник. – М., Т. № 2 (34). С. 214.

²⁴⁰ Дзадзиев А. Б. Указ. соч.

лением продолжают разбои, грабежи, есть случаи изнасилования. 25 апреля 1993 г. назначен референдум Российской Федерации, он был сорван в нашей станице с чеченской стороны. Списки и бюллетени были изъяты у главы администрации Болотова В. В. под дулом автомата. 12 декабря 1993 г. назначен референдум по принятию Конституции Российской Федерации и выборы в Государственную думу. Полиция, вооруженная автоматами, пистолетами, насильственно вышвырнула людей из автобусов, при этом оскорбляя и унижая их, не дав населению поехать на избирательные участки в районный центр ст. Орджоникидзевской исполнить свой гражданский долг, а нам судьба России небезразлична. Просим обратить внимание на то, что в течение нескольких лет на территорию станицы Ассиновской очень много привезено бичей (бомжей. – С.М.) с России (в основном это люди русской национальности). Их можно встретить во многих семьях. В каких условиях они живут, известно всем. В данное время эти люди-рабы лишены всего в жизни»²⁴¹.

Русские на Северном Кавказе: камо грядеши?

Так почему же у русских не получился свой «парад суверенитетов»? Во-первых, «русское движение» не смогло найти ни стратегических, ни ситуативных союзников. Казалось бы, в начале 1990-х гг. у русских и ногайцев в Северном Дагестане было немало точек соприкосновения (дошло даже до провозглашения Казачье-Ногайской республики в ноябре 1990 г.), однако стремление поставить «чистоту крови» выше прагматизма сыграло с «русским проектом» злую шутку. Русские активисты на Кавказе не смогли оценить и до конца понять статусную эволюцию в регионе. Русских перестали рассматривать как «старшего брата». Более того, по отношению к ним стали преобладать реваншистские настроения. В данной ситуации «русский проект» не должен был строиться как изначально конфликтный. Увы, но в начале 1990-х гг. он стал именно таким. Ставка на такие исторические символы, как казачество и апелляция к славному прошлому «рыцарей Терека» отталкивала от «русского проекта» и таких потенциальных его союзников, как осетины или те же ногайцы. Увы, но «русский проект» оказался слишком «историчным». Он

был обращен не в будущее, а в прошлое. Такое обращение не имело ни малейшей перспективы, поскольку процесс советизации затронул русское население Северного Кавказа гораздо более глубоко, чем «титультные» этнические группы. Весьма интересное наблюдение автор настоящей статьи зафиксировал, интервьюируя вынужденных переселенцев из Ингушетии (проживающих сегодня в Орловской области). По словам бывшего жителя Карабулака Александра Мирошниченко, «в школьные годы мы, бывало, дрались с ингушами и чеченцами. Так вот, мы были в этих драках не вооружены. Мы и понятия не имели, что мы – казаки. Меня воспитывали как пионера, комсомольца (отец Мирошниченко был профсоюзным деятелем. – С.М.). А они дрались с нами именно как с казаками»²⁴². Следовательно, мобилизация «казачьей истории» изначально превращала «русский проект» в конфликтный, а к масштабному конфликту лидеры «новых казаков» были не готовы. Достаточно почитать репрезентативный сборник материалов и воспоминаний о «возрождении казачества», подготовленный Алексеем Озеровым и Антоном Киблицким (в нем собраны документы за 12 лет деятельности «нового казачества»), где подробнейшим образом освещаются события 1991 г. на Сунже (убийство атамана Подколзина и столкновения в ст. Троицкая). Ни в 1991 г., ни позже активисты «русского движения» не были готовы перейти некий «порог жертв»²⁴³.

Во-вторых, активисты «русского движения» оказались не готовы (почему – другой вопрос) к использованию правозащитного языка. Сделав акцент на этничности (только в отличие от республиканских этнократов, на русской этничности), они не смогли вписать нарушения прав русских в общий контекст нарушений прав человека в России. Не смогли они апеллировать и к гражданскому национализму как противовесу разного рода «этнобесию» (термин Льва Аннинского). Все это сделало «русский проект» неконкурентоспособным в борьбе с этнократическими элитами Северного Кавказа. В этой конкуренции русские лидеры уповали на помощь Москвы. Начиная со времен колонизации Степного Предкавказья в конце XV столетия, русские привыкли ощущать себя «авангардом империи». Начиная с 1991 г., такого сигнала (и никакого другого) Москва не стала посылать. Лишенные поддержки сверху (и административной, и идеоло-

²⁴¹ Цит. по: Михайлов А. Г. Чеченское колесо. Генерал ФСБ свидетельствует. – М., 2002.

²⁴² Интервью с Мирошниченко А. В. (г. Орел. 2005, 11 ноября).

²⁴³ Озеров А. А., Киблицкий А. Г. Союз казаков Дона: войсковой атаман М. Шолохов. – Ростов н/Д., 2002.

гической, и материальной), русские движения оказались не в состоянии противостоять региональным кланам (которые могли рассчитывать, во-первых, на фактор этнической и кровно-родственной солидарности, а во-вторых, учитывать интерес Кремля). Федеральный центр, не заинтересованный в полноценной интеграции региона, ограничиваясь лишь внешним контролем за северокавказским «административным рынком», был готов не к тому, чтобы патронировать «русский проект», а к поддержке региональных бюрократических кланов. «Русский проект» оказался не в ладах и с демократией. Воспринимая политическую либерализацию и демократизацию как причину снижения социального статуса русских, лидеры «русского движения» не учли, что с помощью демократии они могли бы противостоять этнократической «приватизации власти» в республиках Северного Кавказа. Вместо этого многие из них предпочли, начиная с середины 1990-х гг., пойти на службу этнократическим режимам, получить свой кусок «властного пирога» и свести «русскую проблему» к достойному представительству своей этнической группы у руля власти и при дележе республиканского имущества. Таким образом, многие лидеры «русского проекта» были готовы бороться не против принципов этнократии, как таковых, а лишь против «не нашей этнократии».

Против «русского проекта» сработала и экономика. Крах советской индустрии (на которой и было занято большинство русского населения) и, как следствие, закрытие крупных заводов и целых отраслей, массовые сокращения также способствовали тому, что многие русские оказались в положении аутсайдеров, были вынуждены искать лучшей доли за пределами Кавказа.

Таким образом, русские на Северном Кавказе не получили системной поддержки со стороны собственных лидеров, сделавших ставку на защиту их гражданских и политических прав. После 1995-1996 гг. «русский вопрос» стал вопросом выживания, превратившись в гуманитарную проблему (скорее, человеческую проблему маргиналов-одиночек) «Русский проект» не стал программой по вхождению русских кавказцев в новые социально-политические и социокультурные реалии. Не стал он и современным ответом на современные же вызовы. Вместо этого были на свет Божий извлечены исторические воспоминания о том, как генералы Засс и Бакланов гонялись по горам за имамом Шамилем. Следствием стала «дерусификация» Северного Кавказа. Процесс опасный, если принять во внимание несколько факторов. Во-первых, русские в наибольшей степени

были вовлечены в такие сферы, как фундаментальная наука, технологичное производство. Во-вторых, они в гораздо меньшей степени (по объективным причинам, так как многие из них имели не слишком большой стаж проживания в регионе) были втянуты в систему кланово-родственных отношений. В-третьих, в условиях полиэтничного региона и сильного укорененного «культу этничности» русские могли бы стать «цементирующим» элементом на Кавказе. Процесс «дерусификации» опасен и тем, что внутренние «эмигранты» начнут (и многие уже начали) сведение счетов с представителями «кавказской национальности». Примеров тому мы можем найти немало в новейшей истории Ставропольского и Краснодарского краев, Ростовской области, где вчерашние беженцы из Грозного, выходцы из Кизляра и Моздока, Прохладного и Черкесска занимают вакантные должности в милиции и администрации. Таким образом, «русский вопрос» Северного Кавказа экспортируется вглубь страны.

Однако «русскую проблему» Северного Кавказа невозможно разрешить без преодоления сложившегося регионального апартеида («Кавказ – для кавказцев», «Кубань – для казаков», «Москва – для москвичей»), партикуляризма местной власти и национализации власти федеральной. До тех пор, пока российская власть будет напоминать огромный бюрократический рынок, о правах человека и гражданина (русского в Грозном или чеченца в Москве) можно будет забыть!

Московское Бюро по правам человека

Московское Бюро по правам человека (МБПЧ) – некоммерческое партнерство, зарегистрированное Московской регистрационной палатой 27 февраля 2002 г.

Бюро по правам человека поддерживает тесные контакты с ведущими неправительственными организациями РФ, аппаратом Уполномоченного по правам человека РФ, Советом по правам человека при Президенте РФ, Государственной Думой РФ, Общественной палатой РФ, Российской академией наук, творческими союзами России, рядом национальных и религиозных организаций.

Бюро по правам человека проводит ежедневный мониторинг по нарушению прав человека в РФ и специализированный мониторинг «Ксенофобия, расовая дискриминация, антисемитизм и религиозные преследования в регионах РФ». Ежедневно Бюро получает десятки сообщений, фотографий, материалов из газет от своих региональных представителей.

Получаемая в ходе мониторинга информация размещается на популярных Интернет-сайтах, в российских и зарубежных СМИ (2000 адресов электронной рассылки). При Бюро работает группа ведущих российских и зарубежных экспертов, журналистов, которые регулярно готовят статьи, рецензии, обзоры для СМИ и правозащитных организаций РФ.

По итогам года выпускается сборник материалов мониторинга. Он направляется в Администрацию Президента РФ, руководителям субъектов Федерации, в Генеральную прокуратуру РФ и Министерство юстиции РФ для анализа ситуации и принятия мер.

Юридическая группа ведет прием граждан, их интересы представляются в судах, оказывается правовое консультирование. Работает «Горячая линия».

Бюро осуществляет культурно-просветительскую деятельность, издательскую программу, регулярно проводятся пресс-конференции, семинары и круглые столы по воспитанию толерантности. Проводятся семинары по совершенствованию работы правоохранительных органов РФ. МБПЧ учредило Всероссийскую Ассамблею общественных сил по противодействию расизму, ксенофобии, экстремизму и терроризму и правозащитный фестиваль «Ради жизни».

Реализуются проекты по правовой защите бизнеса, прав потребителей, развитию гражданского общества в РФ, осуществляется

контроль за соблюдением прав граждан на выборах в Российской Федерации.

Бюро выиграло грант Европейской Комиссии на проведение 3-летнего проекта «Организация общественной кампании по противодействию расовой дискриминации, ксенофобии, антисемитизму в Российской Федерации». Исследования МБПЧ регулярно представляются Совету Европы, ПАСЕ, ОБСЕ, ООН, ЮНЕСКО.

Директор МБПЧ, член Общественной палаты РФ, член экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ **Александр БРОД**.

В составе общественного совета Бюро:

Гасан Мирзоев, президент Гильдии российских адвокатов
Алексей Галоганов, президент Федерального союза адвокатов России

Алла Гербер, писатель, президент фонда «Холокост», член Общественной палаты РФ

Владимир Илюшенко, политолог, председатель клуба «Московская трибуна»

Евгений Прошечкин, председатель Московского антифашистского центра

Валентин Оскоцкий, секретарь Союза писателей Москвы, главный редактор газеты «Литературные вести»

Леонид Жуховицкий, писатель и публицист

Александр Рекемчук, директор издательства «Пик», профессор Литературного института

Марк Розовский, народный артист России, режиссер

Антон Цветков, председатель попечительского совета Ассоциации «Конткриминал»

Григорий Крошнер, генерал-майор юстиции

Алексей Сурков, генеральный директор клуба «Народный депутат»

Елена Бурлина, доктор философских наук, профессор

Илья Рассолов, доктор юридических наук

и другие авторитетные общественные деятели.

Адрес:

115455, Москва, а/я 6, Московское бюро по правам человека

Тел.: 670-69-75, 506-02-24

E-mail: huma№rights@list.ru